

Ал. Акулов

Ключевая
философия
и ее окрестность

А. С. Акулов

**КЛЮЧЕВАЯ
ФИЛОСОФИЯ
и её окрестность**

**ИПК
«Сборка»
Санкт-Петербург
2023**

УДК 111
ББК 87
А 44

Акулов А. С. Ключевая философия и её окрестность. — СПб.: ИПК "Сборка", 2023. — 344 с.

Редакции заново сверены 08. 03. 2024

Ключевая (осевая, чистая) философия ориентирована на приближение к Кардинальному мировоззрению, независимому от "биологической" или иной формы существования.

В настоящем издании уточняются, развиваются, излагаются менее сложным языком некоторые положения книги "Буквы философии".

По теории автора, философия больше отличается от науки, чем наука от искусства и религии, и является самостоятельной сферой с уникальными полями сосредоточения. Они прямо противоположны тем, что рассматривает наука. Попытки сделать из философии научную дисциплину, или её подобие, служанку наук, а равно прикладную область чего-то — бессмысленны и заведомо неудачны.

Собственно философия невозможна без метафизики, а цель метафизики (очень скромной и ограниченной) — полностью закрытый для сциентистских исследований мир по другую сторону субъективного сознания. Высказываемые автором мысли о бесструктурных началах составляют оппозицию современному "постструктурализму".

УДК 111
ББК 87

ISBN 978-5-86263-076-31

© Акулов А. С. Ключевая философия и её окрестность. 2023
© Акулов А. С. Тексты статей. 2008—2023

Содержание

1. ИЗ КНИГИ "КУДРИ-МУДРЫ"	7
1.1 Есть ли сущность у феноменов?.....	7
1.2 Ошибки Н. Гартмана.....	13
1.3 Лукавый Хайдеггер.....	31
1.4 Теоретические aberrации Ж.-П. Сартра.....	73
1.5 Сильные и слабые места книги Брикмона и Сокала "Интеллектуальные уловки"	135
1.6 Постскрипtum к предыдущей статье.....	142
1.7 Конфузы истории философии.....	154
1.8 Катастрофа с Фридрихом Шеллингом.....	169
1.9 Гегелевская духология.....	178
2. ИЗ КНИГИ "ПРОСТОЕ И СЛОЖНОЕ"	183
Утешение.....	183
Опять эта онтология.....	185
О термине "сущее".....	190
Материя как порочное и бессмысленное понятие.....	193
Рассуждение о методе и голых королях.....	196
Когда умрет недофи?.....	199
Границы метафизической онтологии.....	203
Фюсис.....	209
Психикос.....	210
Мировоззренческая рефлексия как стереотипная ложь	214
Проблема близкого далекого.....	223
Границы феноменов.....	228
Гиперсофия.....	228
Смутный Род.....	230
Индифферентность воли.....	232
Искусственный двилект.....	234
Человек как расходный материал.....	237
Добрё и злё.....	239
Квазиконцепции.....	241
Иллюзии.....	242
Недостаточность в основаниях науки.....	244
Память.....	246

Бардо и прочее.....	249
О неправильном термине "осознаваемые сновидения" и некотором дополнительное наблюдение.....	252
3. КОНТРОКОНЦЕПТЫ К КОНЦЕПЦИЯМ,	
61 пункт.....	256
1. Катавасия с восприятием.....	256
2. Катавасия с материей.....	258
3. Движение-изменение в бесструктурном.....	259
4. А есть ли "окружающий мир".....	260
5. Мышление и чувство.....	260
6. Опыт. Данные опыта.....	261
7. Фикции личности, персоны, [я], рефлексии.....	261
8. Закон исключенного третьего.....	262
9. Дополнения к дефиниции субстанции.....	262
10. "Закон природы".....	262
11. Текст.....	263
12. Идеальное.....	263
13. Перескок вероятностей и перескок перескоков в связи с завернутостью сознания.....	264
14. Диалектика. Диалектический.....	266
15. Тщета натурфилософии и прочего.....	267
16. Нелепость идеи бесконечного.....	268
17. Страсть к метафорам, гиперболом.....	270
18. Мыльный пузырь трансцендентализма.....	271
19. Воля не есть хотение и намерение.....	272
20. "Душа и тело".....	273
21. Время.....	275
22. Холизм и холотропные состояния.....	277
23. Эксперимент и гносеология.....	280
24. "Добро и зло".....	280
25. Без названия.....	281
26. Манекен истории.....	283
27. Искусственные категории.....	284
28. Красота и прекрасное.....	284
29. Фантомы поглощенности.....	285
30. "Интенциональность сознания".....	286
31. Опять "личность".....	287

32. "Предмет".....	287
33. Миф о бессознательном.....	288
34. Универсальный протокол.....	289
35. "Научное описание реальности".....	289
36. Великая мелкая пакость.....	290
37. Реальность кажущаяся и действительная.....	291
38. Протяженность и бытие.....	291
39. Проскоки теологии.....	293
40. Статус соотношений.....	294
41. "Организмы".....	295
42. "Постулат Бергсона".....	295
43. Механика в метафизическом?.....	296
44. Символика реальности.....	297
45. Экспландум и экспланс.....	298
46. Итовость именованя.....	298
47. Проблемы субъективного действия.....	299
48. Бытие-в-мире?.....	300
49. Зияния аксиологии.....	302
50. Призрак идеализма.....	303
51. Нули-понятия.....	304
52. Вербальное мышление.....	305
53. Факультет.....	306
54. Об интроспекции.....	307
55. Скудость онтологии.....	307
56. Примазывание науки.....	308
57. Иррациональное и до него.....	308
58. Неисторическая промежуточность.....	309
59. "Органы чувств".....	309
60. Клубок пересечений.....	310
61. Эпохе.....	311

ПРИЛОЖЕНИЕ:

ПРЕДДВЕРИЯ ФИЛОСОФИИ, 40 пунктов

(Для тех, кто не воспринял "Контрконцепты") 312

ИЗ КНИГИ "КУДРИ-МУДРЫ"

ЕСТЬ ЛИ СУЩНОСТЬ У ФЕНОМЕНОВ?

(К критике мнений Э. Гуссерля, выраженных в его работе
"Идеи чистой феноменологии
и феноменологической философии")

По Гуссерлю — *«чистая, или трансцендентальная феноменология получит свое обоснование не как наука о фактах, но как наука о сущностях (как наука "эйдетическая")*, как наука, которая намерена констатировать исключительно "познания сущности" — *никакие не "факты"»*.

В философской феноменологии отрыв от психологической феноменологии не исключается, но термины "сущность" и "трансцендентальная" сильно отдают кантовской избыточностью. Они имеют отношения к реальности слишком косвенное, обещают неизбежное впадение в очередную схоластику и пустую риторику. У феноменов не должно быть сущности, в противном случае это не феномены. Внутри психологии и философии много наук, но главная и центральная область той и другой — как бы и не совсем наука. Проще было бы употребить слово "дисциплина". И в самом удачном случае эта центральная дисциплина должна быть строже любой науки. В области реальных феноменов мы подходим к той грани, у которой обычное принятое в прочих науках абстрагирование должно быть по возможности исключено. В противном случае перед нами будет присочинение, ложная переориентация, перенос внимания с реального мира психики на идеальный. Чрезвычайная пластичность психики, а в особенности апперцепций не подлежит сомнению.

Обещанная Гуссерлем эйдетическая редукция может выглядеть в каких-то отношениях заманчивой, но слово "сущность" выглядит слишком уничтожительно. По отношению к феноменам

можно подбирать нейтральные термины, например "указание", "соотнесение". Иначе у нас пойдет игра в модели, то есть в создание несуществующих миров. Мягко говоря, сущности как таковой не существует. Сущности (выделенные идеальности) в виде законов нужны в физике или иной науке как предельно компактные описания. Их фактура принципиально иная, чем у эмпирически взятого, но это никого не волнует, поскольку на первом месте — решение конкретных специальных задач, а не докапывание до общих причин. Кардинальным образом менять фактуру в философской феноменологии — тягчайшее интеллектуальное преступление. Здесь требуется не подменять, но видеть существующее. Чрезвычайно многое здесь именно мешает видеть. В частности — обыденные отношения с восприятием. А всякая наука — не что иное, как продолженные, измененные обыденные отношения с восприятием.

Уход в выдуманный мир нисколько не тревожит Эдмунда Гуссерля: *"...феномены трансцендентальной феноменологии получают свою характеристику в качестве ирреальных"*.

Как математик Гуссерль пытается нас угостить алгеброй феноменологии, но, как мы знаем из других его работ ("Логические исследования", "Философия как строгая наука"), эта алгебра нисколько его не спасала от частого наивного реализма, примитивизации представлений о трансцендентном и вещи в себе. Однако Гуссерль согласен, что в философии невозможны определения, подобные математическим.

Книга первая. ОБЩЕЕ ВВЕДЕНИЕ
В ЧИСТУЮ ФЕНОМЕНОЛОГИЮ

Раздел первый. СУЩНОСТЬ И СУЩНОСТНОЕ ПОЗНАНИЕ

Глава первая. ФАКТ И СУЩНОСТЬ

§ 1. *Естественнонаучное познание и опыт*

Мало кто из известнейших философов был силен в натурфилософии или философии науки. Обычно это одна из бесцветных страниц их наследия. Гуссерль — не исключение. "Мир — это полная совокупность предметов возможного опыта..." Учебник природоведения нам не требуется. Как философ Гуссерль излагает здесь всё совершенно серьезно и даже не пытается отмежеваться. Печально, господа!

§ 2. *Факт. Неотделимость факта и сущности*

«Опытные науки суть науки о "фактах"». Слово взято в кавычки... Хорошо! Но все же нельзя ли как-то посерьезнее? Отсутствует намек на рядоположение области. Гуссерль увлекается красками и в них тонет. Можно подумать, что мы имеем дело с материалистом.

§ 3. *Высматривание сущности и индивидуальное созерцание*

"Постигающее в *опыте*, или *индивидуальное созерцание* может быть преобразовано в *глядение сущности (идеацию)* — возможность, которую следует, в свою очередь, разуместь не как эмпирическую, но как сущностную". Но с этого ли надо начинать? Кто или что у нас глядит? Нельзя ли взять само глядение?

"Тогда высмотренное и есть соответствующая *чистая* сущность, или *эйдос*, будь то наивысшая категория, будь то некое обособление таковой — и так вплоть до вполне конкретного". Это прыжки в высоту или скачки галопом? Подобное и Ницше бы не приснилось. Материалист — это на самом деле... Известно

кто. Описание процесса высматривания — нуль! Гуссерль сам не понимает, в каких теоретических координатах находится. Он словно привязан к обязаловке по чтению лекций. Его несет любым образом отработать тематику и удалиться. Он очень спокойно рассуждает о физической вещи, физическом свойстве и его ничто не смущает. Вот что значит изначально ориентироваться на ирреальный мир сущностей!

"Сущность (эйдос) — это предмет нового порядка. Подобно тому как данное в индивидуальном, или же постигающем опытным путем созерцании есть индивидуальный предмет, так данное в сущностном созерцании — есть чистая сущность". А вначале, господа, следовало бы договориться об индивидуальном предмете. А затем о местоположении нового порядка. И какой же он новый? Что нам такое подсовывают под сурдинку? Ох нечестно, нечестно так с бухты-баракхты. Попросту нас выбрасывают на свалку идей. За что такое наказание? И без всякого подхода.

"И высматривание сущности — тоже созерцание, подобно тому как эйдетический предмет тоже предмет". Созерцать идеи невозможно, под них можно только подстраиваться. Более или менее созерцаются только мысли. Созерцать отрезок прямой или геометрическую окружность нельзя. Их только задают с помощью мысли, но при этом они остаются мысленно непредставимы, ибо абсурдны. Идей как таковых нигде нет, они — мнимые точки опоры. Выстраивать феноменологию из мнимостей — фундаментальная ошибка. Мы и без того многое прощаем точным наукам. А философию нельзя создавать из условностей. Условности — только для вещей прикладных или вспомогательных. Условная философия, философия понарошку — нонсенс.

«Обобщение коррелятивно связанных понятий "созерцание" и "предмет" — это не какое-то произвольное наитие, но оно настоятельно требуется природой вещей». А кто нам навязывает подобную корреляцию? И с какой стати философ Гуссерль, обещавший нам всевозможные тонкости, вдруг перешел на позицию домохозяйки? Какая еще здесь природа вещей? Гуссерль хронически и систематически недомысливает, хватает и проглатывает живьем шаблоны первобытного человека. Поэтому неудивитель-

но, что из области ума, области мысли он панически бежит в сторону мифического разума, где формально допустим любой интеллектуальный вздор.

Отфутболив вон "эмпирическое созерцание", так его и не поняв, наделив его обязательным атрибутом предметности, Гуссерль переходит к "созерцанию сущности". Идет сплошной параллелизм: неправильное одно из одной неправильной области постоянно сличается с неправильным другим из другой неправильной области.

Говоря о высматривании сущности, Гуссерль почему-то забывает упомянуть о посясторонних строительных лесах — тех умственных лестницах, которые направлены в гуссерлевское потустороннее, но так до него и не дотягиваются. Потому наличие сущности в его живой самостности — не что иное, как фантазия. В том мире, то есть мире небытия, нет ничего живого. Похоже, Гуссерль пытается отправить в небытие и живую здесь-теперь апперцепцию. А вот пресловутую предметность, которую наш философ позабыл в здесь, следовало бы хотя бы наполовину отправить в туда. Стоит призадуматься — и можно легко понять, что собственно практических предметов в здесь-теперь созерцании нет, что они в некотором роде абстрактны.

Подходы и терминология Гуссерля не особенно удачны. Слова "взгляд", "направление", "эйдос", "эссенция", "опыт", "созерцание", "воображение" и метафорически, и прямо понимаемые не способствуют строгости. Термин "эйдос" может относиться не только к идее, но и к образу. А аристотелевский эйдос в советское время переводили даже словом "форма", благодаря чему Аристотеля делали материалистом.

Рассматриваемая работа Гуссерля хороша по ее тематическому охвату, больше соответствует изменениям или уточнениям во взглядах философа, почему и выбрана, но многие детали Гуссерль все же лучше дает в предыдущих трактатах. Это не может не вызвать отвлечений и неудобств.

*§ 4. Высматривание сущности и фантазия.
Познание сущности
независимо от любого познания фактов*

Слово "опыт" (Erfahrung) стоит у Гуссерля в одном перечне со словом "восприятие" (Wahrnehmung), то есть опыт как бы получается у него уже выделенным из восприятия и почти тождественным практике. К сожалению, это не так. "Опыт" у Гуссерля — довольно расплывчатое понятие, свойственное многим мыслителям конца XIX века. Еще одно. Архаически призывая нас назад к Канту и его предрассудкам, в части терминологии Гуссерль менее строг, чем Кант.

"Чистые сущности" у Гуссерля интеллектуально слишком различны: они попадают то в одни, то в другие ментальные слои, то в область идей, либо представляют собой жуткое смешение. Ни о какой чистоте в таком случае не может быть и речи. Тем самым сущность феноменов у Гуссерля порой оказывается самими феноменами. Представления, воспоминания являются ничуть не худшими феноменами, чем феномены, спроецированные как внешние. Феноменна и природа реального смысла. Якобы созерцающая идеи, Гуссерль в действительности наблюдает перед собой тонкие виды феноменов, либо не наблюдает ничего, кроме логической стартовой площадки. Отстартованное в ирреальный мир остается ирреальным, принципиально не созерцаемым.

ОШИБКИ НИКОЛАЯ ГАРТМАНА

В докладе "Старая и новая онтология" (1949). Николай Гартман делает упрек "старой онтологии" в выставлении на первый план теории познания. Как громко звучит! На первом плане должно быть умение видеть и сомнение. Кому-то из старых мыслителей удавалось приблизиться к этому, но недостаточно. Всех сковывали привычки, предрассудки, подражания предшественникам.

С места в карьер Гартман начинает говорить о трансценденции. Еще одно громкое слово. Нет никакого права о нем упоминать сразу. Обойдите вначале, господа, барьер солипсизма. Субъективное сознание внутри собственного интерфейса. Говорить о чем-то внешнем именно в философии — глубочайшая наивность. Именно солипсизм — обязательное начало философии.

Поставить впереди выдуманной гносеологии выдуманную науку о человеке? Нет и не может быть в настоящей (а не в прикладной) философии никакого человека. За человеком обращайтесь к науке, а не к философии. Существуют ли люди без кишок? А философия не должна заниматься кишками. Нейрофизиология научилась связывать работу мозга с психическими проявлениями. Результаты просто отличные. Однако философ не может не видеть в этих результатах порока, а именно — логического круга. Выходу из этого круга не способствует то обстоятельство, что спрятанные в тексты физиологические модели человека не есть сознание. Научные модели и картины требуются настолько, насколько они соответствуют мутной сфере именуемой практикой и практическими нуждами. С практикой много проблем, поскольку она сама находится в подвешенном состоянии и представляет собой совокупность запутанных моделей, той или иной степени обыденности и оторванности от этой обыденности. Имеем толчение воды в ступе.

С другой стороны, философия не должна превращаться в филологию, в непрерывное обсасывание терминов и в их рядопо-

ложение. В какой-то степени подобные действия нужны, но где-то за границами основных рассуждений. В философии землян таких рассуждений почти и нет, зато идет нескончаемое причисывание слов. Иногда оно интересно, но положения за ним стоящие и им скрытые обычно оказываются благоглупостями. У прославленных своими словесами самых знаменитых философов XX века трава зелена, а чашки и плошки — трансцендентны. Стоп машина!

Додуматься до того, что травы вообще нет, человека нет — уже некому. А одна из задач философии — поиск нерелятивного. Н. Гартману такая онтология не по вкусу. Он повелевает застрять на гуманитарщине, на компоте из компоста, рекомендованном мыслителями наподобие Хайдеггера. А под "старой онтологией" Гартман чаще всего понимает примитивный материализм. Обругав его, Гартман тут же принимается его выстраивать по принципу слоев, проще говоря, уровней. Чистейшей воды сциентизм! Слои хороши у Гартмана, когда он занимается эстетикой, хотя и для взгляда на художественный мир эти слои — только эвристика. Уровни в естествознании, социологии и др. — неизбежная подпорка для внутренней, либо междисциплинарной отсебятины естествоиспытателя или иного исследователя. Для философа это как-то слабо.

В работе "К основоположению онтологии" (*Zur Grundlegung der Ontologie*) Николай Гартман прокламирует правило, согласно которому основополагающий труд должен возникать на основе частных работ. Вряд ли с подобным стоит соглашаться. Проверять что-то на приложениях или рассматривать приложения на основании чего-то вполне нормально, но идти на поводу у приложений — серьезная ошибка. Именно в философии нельзя подражать науке. Исходными кладезями философии являются субъективное сознание и его границы. Всякое прочее подспорье можно уподобить только шестам для отталкивания от берегов завирательства. Мыслители XX века были осведомлены о принципе нервизма в большей степени, чем Алкмеон Кротонский (V век до н. э.), знали об устройстве глаза и фотоаппарата, но это им не по-

могло. Они так и не оттолкнулись шестами. Д. Беркли и Д. Юм ничего не знали о нейрофизиологии, но все-таки спаслись от впадения в ересь отождествления видимости с объективной действительностью. И кстати, не ударились в охаиваемый Гартманом спекулятивный априоризм.

Переводчикам Н. Гартмана и ему самому свойственно мистифицирование термина "сущее" (Seiende).

/Для обозначения данного и неданного достаточно слова существование. Вопрос осложняется тем, что идеальное (лжебытие, бытие понарошку, условное бытие, рисунок на растянутом небытии) вздумали тоже называть бытием, что крайне нелепо. Не имеет прямого приемлемого смысла хайдеггеровское мнение о бытии как о просеке в сущем. Еще никто не придавал сущему какой-то пракосмический смысл, а потому это и не стоит делать зря. Действительное добытие, недетектированное бытие проще называть недобытием, прабытием. Под словом "многообразие" (якобы атрибут Seiende) подразумевают вовсе не это, а всевозможные последствия наивного реализма, коим на удивление были поражены главные философствующие фигуры XX века./

Гартман пытается восстановить давно забытое сущее само по себе, но где и каким образом оно может быть? Для философии ли оно вообще? Попытка вернуть онтологию формально не так плоха, но очень похоже на то, что в действительности пытаются протащить натурфилософию. Seiende понадобилось эклектику Гартману именно для этого.

"Каждый считается в жизни с образом мыслей других людей как с чем-то вполне действительным, определяющим события; каждый знает собственные состояния, чувства, антипатии, симпатии, желания, страсти, страхи как нечто весомое, что и без его знания всегда существует и его определяет, охватывает, а порой и совершенно изумляет, всплывая из темных глубин его собственного Я". Окончание фразы просто поражает. Зачем называть словом "Я" невесть что, да еще апеллировать к тайным глубинам? Это гартмановское "Я" не только никакое не "я", но даже не тождественно субъекту. Мало ли что может прятаться в темноте или

поглощенности, но нельзя его просто так с порога идентифицировать и включать в объемы вполне внятных представлений. Даже сказочник Фрейд употреблял слово "Оно".

"Реальная, протекающая независимо от степени ее познанныости психическая жизнь существует очевидным образом, и она не тождественна сознанию. Она происходит в том же реальном времени, в котором происходят и физические события, изменяется и развивается в том же однозначно-необратимом отношении следования, обнаруживает тот же модус возникновения и исчезновения; она даже пребывает в многообразной взаимообусловленности с внешними событиями". Гартман слишком много на себя берет, чтобы заявлять подобное. И тут же сам себе почти (либо совсем) противоречит: "Лишь непространственность отличает ее от них". Думал ли человек, о чем говорил? Даже подключать сюда квантмех или нечто похожее не дело философа. Допустимо придраться и к обрывкам фраз: "Реальная... ..психическая жизнь...", "...в том же реальном времени..." Истинное далеко не всегда реально, а сомнение в реальности времени близко к началу философии как таковой. А видел ли Гартман "психическую жизнь" (не феномены, конечно), в особенности тайную, и где ему удалось ее наблюдать? Многие люди придумывают исключительно для удобства ведения разговора. Всякого рода черные ящики нужно кому-то подарить.

"Если пространственность и тесно связанную с ней материальность..." А Фридриха Энгельса сюда позвать не надо?

"То, что мир духа составляет еще одну особую сферу бытия сверх мира психической жизни..." А здесь проклевывается уже иная мифология: коллективный разум Фейербаха, ноосфера Вернадского и прочее подобное. Философское ли дело копать в подобном детрите? Однако Н. Гартман всерьез относится к этим мистификациям. Всякого рода человеческие сферы-псевдосреды исходят через человеческие же сознания из некоей поглощенности, но это не дает никакого права их возводить на пьедестал реальности. Псевдосреды — заведомая нереальность, условность.

"Дух, понимаемый в этом смысле как целостность, есть то, что во всякое время соединяет людей, там, где сознание и личность разделяют их". Вы только посмотрите! Так всё перевернуть! Далее Гартман заговаривает об историческом духе, называет его реальным... "Он есть то, что Гегель называл «объективным духом»". Трудно поверить, что подобное писалось в XX веке!

Гартман переходит на язык эзотерики: "Загадочным, однако, остается способ его бытия"; "Он не есть субъект, не есть сознание"; "Это частный случай всеобщей задачи понимания «сущего как такового»". Вот оно пресловутое сущее. Только здесь оно оказалось в неприкрашенном виде.

Далее Гартман берется за мистификацию суждения. Однако проскоки Л. Витгенштейна не являются основанием для подобного. Утверждение о "логической" сфере: "Она не тождественна сфере идеального бытия, ибо к ней принадлежат и неистинные суждения, которые не относятся ни к чему существующему. Даже заблуждения «странствуют» в виде оформленных суждений". Как раз идеальное не является никаким бытием, это больше небытие. Туда можно отправить всё, что угодно, включая $2 \times 2 = 17$. Однако среди условностей можно искусственно выделить отдельную область с некоей максимально достижимой логической стройностью. Есть неявная логика как одна из границ субъективного сознания, а есть логики формальные, идеальные. Их материал — небытие, их источник — отсубъективная заданность. Получается, что истинность может касаться не только чего-то реального, но и мнимых построений в небытии. Есть что-то как идеальный объект или нет — не имеет никакого значения. Достаточно лишь ссылок на такие объекты в феноменально реальном и слабом человеческом уме. Слабый человеческий ум воображает наличие сильного ума — разума. И пусть себе воображает. А нам достаточно знать, что этот разум нереален и не является чем-то онтологическим. Реальный ум может связываться с алгоритмами, чтобы так или иначе справляться с умом нереальным и чудовищным.

К вопросу об аффицировании. Не надо забывать: вещи в себе не понадобились бы органы чувств, чтобы воздействовать на сознание. Однако весьма сомнительно, что вещь в себе вообще непосредственно действует. С какой это стати? Не надо переносить механику туда, куда не следует. Вполне ясно: калейдоскоп нашей видимости построен не на механических принципах. И чрезвычайно глупо подключать сюда некие бытовые или научные предметоположенности. Словно никто не видит, что философия сильно ограничена, полна запретов и в соответствии с этим обладает собственными методами. Философия не должна заниматься чашками и плошками. Это не ее дело. Для нее их не существует. Предметы не могут строиться из феноменов. Однако нам никуда не деться от предметов как прагматических положенностей. Прагматика пропитана идеальностью. На практическом приборном "уровне" мы идеальны и живем в мире идеальностей. Задача философии и заключается в отыскании реального. Все ее ограничения именно из-за этого. Методы крушения, ломания, уничтожения не работают на слом идеального из-за того, что его нет, оно давно сломано в корне.

А вот опять дикое для слуха словосочетание: "...мир существует как сущее..." Как отделаться от идиотизма этого антифилософского Seiende? Зачем смешивать реальное с нереальным? Фразы о соответствии или несоответствии "существующему миру" надо предельно уточнять, чего Гартман не делает и выявляет себя тем самым как наивный реалист. А еще он и наивный идеалист, у него в ходу термины "дух" и "духовное бытие".

Он усиленно подмешивает к философии не только плохую натурфилософию, но и неважную социологию с элементами довольно отсталой антропологии, приписывает ко всему прочему "идеальное бытие ценностей", ищет ему особый способ данности, не опирающийся на субъекта. Однако не отрицает возможности феноменологического описания ценностей. Весьма противоречиво.

А вот под чем вполне можно подписаться: "Пожалуй, можно жить, не будучи затронутым проблематикой искусства, но фило-

софствовать, не будучи охваченным ею, невозможно. Потому данная проблематика входит в тот круг вопросов, где коренится онтологическая проблема". Но везде вокруг этой фразы Гартман — не только наивный реалист, но и наивный натуралист. Слово "ирреальное" по отношению к эстетическому у Гартмана в корне неверно, правильно слово "иррациональное". Фундаментальная ошибка! Даже сновидения реальны в качестве сновидений. Зато мир предметный, прагматический, внефеноменальный заведомо нереален. Действия могут оставаться эффективными, достаточными, но онтологически проваленными. Действуя, мы играем в жмурки, все ментальные приборы по отношению к действию слишком косвенны. Потусторонняя суть движения и времени должным образом в сознании не отображается.

"Духовное" Гартман самым злокозненным образом пытается отделить от "чувственного". А так отделяемое, восходящее — нефонический тон, немусицируемая музыка все же остается феноменальной, чувственной. Музыка потому и затребована как высшее искусство, что она может несколько подражать этой вполне феноменальной музыке сфер. Пусть в этой феноменальности присутствует намек на некоторую предельную феноменальность, невозможную в человеческом мире.

Философия истории? Она ничуть не лучше философии науки, а скорее, хуже, и подобно ей никак не может быть философией в чистом виде. Это отдаленно можно сравнить с испорченной бытовой (либо эпической) тематикой лирикой. А предполагаемая метафизика истории ничуть не лучше религии. Здесь можно рассуждать — и с тем же успехом водить вилами по воде. В чем проблема? А проблема, как всегда, в механике. Механика хороша, но способна извратить всё. Именуемое механикой остается внешностью внешности, неким статистическим продавливанием, маскирующим подлинные причины. Сущность, взятая задним числом, как бы и не совсем сущность. Изобретатель играет в непостижимые ему кубики. Гартман всерьез говорит о мифическом для философии "историческом бытии" и добавляет к нему "во-

прос о способе бытия объективного духа". Более смешного сопоставления не придумать. А нельзя ли заодно поставить и вопрос об использовании слесарных инструментов внутри сновидений? Гартман словно бы умышленно путает диаметрально противоположные направления: в сторону зафеноменов и в сторону надфеноменов.

"Если бы содержание метафизических проблем было чем-то сплошь иррациональным, то философски подходить к нему было бы, наверное, бесполезно. Ибо иррациональность в гносеологическом смысле означает непознаваемость". Понимает ли человек, о чем говорит? Главные метафизические объекты именно иррациональны. Иррациональное вполне логично, хотя и не является чем-то структурным и соответственно вписываемым в пространственные и временные отношения. Слово "познание" слишком многозначно и на данном водоразделе подлежит не столько отмене, сколько видоизменению значения. Иррациональное не совпадает с тайным. Эмоции иррациональны. Ну и что? Иррациональное первичнее рационального. Речь справедливо именуют только второй сигнальной системой. Феномены нельзя объяснять надфеноменами. В противном случае имеем логический круг. Гартман подразумевает познание исключительно надфеноменальное. Тем самым он призывает строить и достраивать очередную Птолемееву систему.

В онтологии никоим образом не может быть "широкого круга проблем". У нас онтология — дисциплина, направленная на лжебытие? А ведь главное, чем занят человек, именно это лжебытие и есть. Иначе человек не может функционировать. Человеческое сознание ежедневно, ежечасно погружено во всевозможные искусственные карты и модели. Мир предметов — естественный, натуральный лжемир. Его не существует. Однако некий правильный разрез бытия человеку просто не дается. Познание — прежде всего познание лжемира, дальнейшая подгонка под него представлений. Понять искусственность развертки из времени, пространства и структуры не так сложно. Зато с непривычки непросто нащупать что-то неотносительное, неракурсное. Повсюду да-

ется соразмерное. Даже автомобиль похож на животное. Даже геологические структуры в рамках миллионов лет и атомы в рамках микросекунд выглядят как бы организмами. Утонуть в натурфилософии нелепо. Не она главное, сердцевинное. Гартман призывает к эклектике.

Однако не просто эклектичным, но монструозным выглядит у Гартмана термин "сущее". Именно его он вплетает в рассуждения о должных или предполагаемых философских началах и точках исхода онтологии.

В высказывании "онтология может быть обновлена лишь так, чтобы в ней предполагалась вся исследовательская работа других областей науки" прежде всего бросается в глаза слово "вся". Обращает внимание и наивное причисление философской онтологии к науке. Затем почти всё это высказывание кажется довольно сомнительным. Начинает сильно пахнуть грубейшей натурфилософией. Некоторый позитивный запал Гартмана от этого уже не спасает.

Представив общий план, Гартман переходит к обещанным частям. Здесь мы, наконец, наталкиваемся на его коронную фразу:

"Бытие отличается от сущего точно так же, как истина отличается от истинного, действительность — от действительного, реальность — от реального. Есть много того, что истинно, однако сама истинность в этом многом — одна и та же; говорить об «истинах» во множественном числе с философской точки зрения неверно и этого следовало бы избегать. Точно так же неверно вести речь о действительностях, реальностях и т. д. Действительное бывает разным, действительность в нем одна — тождественный модус бытия.

Так дело обстоит и с бытием, и с сущим. Необходимо отвыкнуть от смешивания одного с другим. Это первое условие всякого дальнейшего проникновения в тему. Бытие сущего одно, сколь

бы разнообразным ни было это последнее. Все же дальнейшие дифференциации бытия суть лишь конкретизации его способов".

Отчего же в предлагаемом формальном случае не говорить о бытийном и бытии, о бытийном и бытийности? А дело в том, что Гартман держит про себя дальнюю мысль о своем желании в обязательном порядке вставить в части своего труда описание отсталой сферы под названием "натурфилософия". А для этого, противореча сам себе, оставляет клетки для подразумеваемого "разнообразия". С другой стороны, мы сталкиваемся с практикой перевода немецких слов. У *das Sein* и *das Seiende* — сходное звучание, у русских "бытие" и "сущее" такого нет, возникает коренное различие в прямом и переносном смысле.

О сбое в мышлении Гартмана можно судить уже по предложению: "Точно так же неверно вести речь о действительностях, реальностях и т. д." Утверждение о реальности здесь ложно, поскольку субъективная реальность — совсем иное, нежели предполагаемая реальность вещи в себе. Реальность феноменов внутри сновидения — чуть другая, чем реальность феноменов яви. "Физическая реальность" — никакая не реальность, здесь мы имеем дело только с ограниченно работающей моделью, зато в отношении видимости, данности вполне реальна галлюцинация. Она служит собственным доказательством. Реальное относительно? Получается именно так. Одно реальное отличается от другого по способу иллюзорности. На определенной дистанции рассмотрения будет иллюзорным даже абсолют. Иначе откуда он взялся? Способ иллюзорности есть в то же время способ детектирования. Весь фокус в том, что иллюзия исходная по отношению к иллюзии производной является неколебимым фундаментом, заменяющим всякую и всяческую субстанцию.

Уходя от "старой онтологии", Гартман так от нее и не ушел, во многом остался ее рабом. О "новой онтологии" мы еще узнаем. Однако предварительно уже видно: этой "новой онтологией" без всякого Гартмана успешно занимались кафедральные трудяги, диаматом мобилизованные, призванные. Онтология у них бес-

хитростно разделялась и распределялась по отраслям знаний: бытие биологическое, бытие историческое et cetera. Разорвав бытие на части, Гартман пытается не потерять единства.

"Бытие сущего одно, сколь бы разнообразным ни было это последнее. Все же дальнейшие дифференциации бытия суть лишь конкретизации его способов". Ошибочка! Нельзя всё подряд называть бытием. Прошлое и будущее — не бытие. Идеальное — не бытие. У нас только два бытия: бытие феноменов и бытие вещи в себе. Всё прочее — виртуальные отскоки.

"Основной вопрос о сущем можно спокойно воспринимать как вопрос о бытии, ибо бытие есть явно то тождественное, что имеется в многообразии сущего". Мы видим здесь онтологический страх потери почвы под ногами, страх из-за узости той камбиальности, в которой находимся, страх из-за иллюзорности нашей действительности. Тонкую ниточку, по которой приходится идти, Гартман хочет подменить "многообразием". Перед нами мельтешащий калейдоскоп и не более того. Вот вопрос философии! Гартман нам предлагает мнимую действительность производного от прагматического, то есть он предлагает нам идеальное, набор бытовых и научных мифов. Тогда нужно послать к черту философию. Зачем нам нужен попугай, мешающий видеть дальше носа? Идеальное — род размазанного небытия, идол привычных ссылок. Этого идола Гартман и хочет протащить в бытийственность во что бы то ни стало. По ту сторону субъективности, мир принципиально не таков, каким кому-то может представляться. Какой смысл в навязываемых идеальностях? При чем смысл не практический, приспособительный, а предельно теоретический, коим собственно философия и должна заниматься? Понадобится ли он? А вдруг понадобится? Кто ручается, что нет?

Никакого "онтически понимаемого всеобщего" нет. Это риторика чистой воды. Подобно Хайдеггеру и Сартру, Гартман без конца смешивает метатеорию с теорией. Общее, частное, единичное — гегелевские кубики. Играйте ими и наслаждайтесь, но

не ползите с этим заведомо искусственным схоластическим грузом в онтологию. Хотя изнутри субъекта реальное не совсем едино, общего, частного, единичного в нем не должно быть. Всё это заведомые выдумки, идеальности, небытие. Параллели и меридианы не существуют. Такой же выдумкой в философском плане является и потусторонняя объективная структура. Грубо говоря, человеческая субъективность является эфемерной суперпозицией перекосороченных перевернутых вырванностей, образующих самосглаживающуюся калейдоскопную видимость. Когда мы обнаруживаем в этом месиве некоторые закономерности, мы ими пользуемся, но абсолютизировать его предполагаемую структуру мы не имеем права.

Ссылки на Аристотеля вряд ли поддержат позицию Гартмана. Здесь потребуется специальный текстологический анализ различений. Часто подразумевается определенный аспект существующего. Сущее у Аристотеля слишком связано с сущностью, подразумевает вещь, существование, единое. И все-таки как бы мы ни пытались рассматривать в позитивном ключе те или иные фрагменты из "Метафизики", "Физики", "Категорий", в них нельзя не видеть задела для будущего трансцендентализма.

Таблицы абстрактных понятий бывают важны, но мало значат сами по себе. Употребляя в разных контекстах слова "бытие", "существование", "реальность", "действительность", "наличность", "данность", "фактичность", мы неявно прослеживаем те параметры, без которых они бессмысленны, а именно: полноту, полноценность, относительность, абсолютность, условность, иллюзорность, конкретную связность с чем-либо. В соответствии с указанным мы в определенных рамках подменяем один термин другим без каких-либо интеллектуальных потерь, поскольку нам дается его соотносительность. Главное — не делать трансцендентальных приписок к рассматриваемому, а их, к сожалению, неустанно делают три тысячи лет. В итоге философия находится в жалком положении по сравнению с постоянно упрочняющейся наукой. Мало того — в искусственно запутанном.

На каком-то этапе Хайдеггер и Гартман начинают называть бытием исключительно вещь в себе, не называя ее прямо, либо

некоторую всеобщую потустороннюю существенность, опять не обозначая ее прямо. Складывается упорное впечатление сознательной недоговоренности, боязни перед чем-то. Подобное может случиться при нежелании переступить границу между философией и теологией, либо при внутреннем переходе этой границы, совмещенном с желанием сокрыть сей досточтимый (или нет) факт от читателя. Какая-то детская игра: показать личико и спрятать — показать и спрятать.

Вот у Аристотеля в трактатке Гартмана сущее как сущее, сущее как часто являющееся, сущее как становящееся, взаимно отличные друг от друга... Господа! Так здесь вообще не идет речь о философских предметах в современном духе. Здесь диалектический материализм, в котором, кстати, термин "сущее" был в загоне. Либо еще хуже — одиалектичный наивный эмпиризм.

Мистификации Аристотеля четче видны в отмеченном А. Ф. Лосевым: "...материя оказывается, как уже говорилось, источником всяческих возможностей, благодаря чему получает другое название — «сущее в возможности» (*dynamēi on*). Это «сущее в возможности» переходит в реальность благодаря воздействию вышеупомянутого «сущего в энергии», или «действительно сущего» (*energeiai on, entelecheiai on*)".

Духи-боги-консистенции!

Вот еще Лосев об Аристотеле: "Будучи, в сравнении с Платоном, больше всего аналитиком, он не любит платоновского Единого, которое выше всякого рассуждения и всякой сущности и которое настолько синтетично, что охватывает все бытие в единой точке. Принципиально такого Единого Аристотель не признает. Единство для него всегда есть только единство раздельного, как он и сам прямо утверждает: единое и сущее попросту есть одно и то же (Met. X 2, 1053 b 25)".

Многие авторы подразумевают под сущим видимость (в противоположность, например, субстанции — не сущему). Гартману

больше импонирует сущее как сущее. Он считает его непревзойденным за исходность, отсутствие разногласий, расхождений во мнениях на него, но создающим "апорию" вследствие своей неопределимости. При этом подходя к этой странной апории, Гартман почему-то предпочитает больше говорить о бытии, но вовсе не о сущем.

О выгодном положении онтологии по сравнению с теорией познания: "Она есть ни что иное, как продолжение движения по направлению к предмету познания. Она рассматривает в предмете познания всеобщее и основополагающее, и ей, таким образом, нет нужды от него отказываться в пользу других структур".

Здесь идет речь вовсе не об онтологии, не о философии! Это совсем иной огород. Нисколько не видно положенной редуktivности. Должен быть девиз: "Долой предметы!" Предметами в узком смысле занимается обыденность и наука. Предмет философии обычно эфемерен, расплывчат.

А это что? "Онтология же, со своей стороны, снимает *intentio obliqua* и возвращается к *intentio recta*, одновременно с этим ей вновь достается вся полнота проблем предметного царства, т. е. мира. Она есть восстановление естественной направленности взгляда". Сие именуется убийством философии. Какая еще полнота проблем? Николай Гартман пытается нам подсунуть пресловутую кажимость и производные от нее, суету сует вместо онтологии. О единстве "установок естественного и онтологического познания" не может быть и речи. А гуманитарные науки Гартман по-прежнему именуется науками о духе, причем всерьез верит в существование этого самого духа. Мало того, считает его объективным духом... Для чего так облагораживать фикции? Полагаемое за структуры оживленные и структуры-носители крайне нефилософично.

Обманув нас с направлением онтологии, Гартман все же ищет отличий от "естественного" и находит: "...онтология не есть теория предмета, не наука о предметах вообще, но наука о «сущем как сущем»".

"...сущее — т. е. как нечто, что и без противостояния (Gegenstehen) и независимо от него есть то, что оно есть". Гартман не видит здесь противоречия с им же прокламируемым разнообразием, не хочет понимать пространство-время как развертку, связанную с возникновением океана субъективностей-относительностей. По Гартману, "...естественная и научная установки, точно так же, как и онтологическая, понимают свой предмет как самостоятельный, в себе сущий". Подобные установки слабы даже для XVIII века и превращают онтологию в паразитическую дисциплину. При этом Гартман вынужден сделать оговорку: "Факт лишь в том, что наука разделяет естественный реализм наивного сознания мира. Она из него исходит и на нем останавливается, как бы далеко по содержанию она ни вышла за первоначально узкое предметное поле", но отказывается эту оговорку развивать, поскольку-де возможно обесценивание всего, в том числе жизни.

Потустороннее нельзя осязать, видеть, представлять, внятно мыслить, будь оно субстанцией или чем-либо еще. Желая показать оттуда какую-то фигу или козу, Николай Гартман подсовывает нам заимствованные у Аристотеля сугубо имманентные умственные приписки, а в качестве опоры оправдывает наивный взгляд на мир. Фактически он говорит: "Там суть сути, там есть есть, быти быть". Прояснил ли он этим что-то? Ничего не прояснил, поскольку такое и без него известно.

"Феномены суть нечто, хотя и присутствующее во всякой вещной данности, но в естественной установке не замечаемое". Феномены присутствовать в вещной данности не могут. Кроме того, вещей и вещной данности в обычном понимании нет, и то и другое только практически полагается ради удобства. Доказать наличие вещей гораздо сложнее, чем наличие бога. Пока еще никто не доказал. Это дело бессмысленное и бестолковое. Изъятие вещей в значительной степени изымает и сущее в гартмановском понимании.

Гартман опровергает "наивную точку зрения" на сущее наивнейшим же образом, искусственно вводя некое "органическое бытие". Во-первых, нельзя механически перетаскивать объекты из науки в философию; во-вторых, нельзя без всякой основы отбирать у потустороннего "психическое" и "духовное". Формально если у нас этого духовного нет, то это не означает, что нет и там. Гартман просто хочет причислить к сущему не только вещи, но и психику с этим самым "духовным".

"...есть прошлое, которое в настоящем весьма ощутимо называется..." В настоящем есть только сказуемость прошлого, но не прошлое, а следовательно прошлого в прямом философском смысле нет как реальности и бытийности. Другая проблема — естественнонаучный парадокс: почти настоящая структура в науках выстроена заторможенным взглядом на нее.

"Есть тесная бытийственная связь между тем, что находится на большом временном расстоянии друг от друга". Опять-таки эта догма для науки, а не философии. И насколько "бытийственна" эта связь? Нельзя свойственные человеческому ракурсу всякого рода выжимки и выдранности причислять к полноценному бытию. А в данном случае у нас даже не феномен, а производное от производного.

Гартман согласен со средневековым убеждением, что... "всеобщее обладает бытием". Ничего странного, у него бытием обладает любое идеальное. Тогда нечего выдавать за достижение высказывание "сущности суть нечто сущее". Однако бытийность сущности сомнительна сразу и оказывается невозможной при отказе в бытийности идеальному. Относительно бытийными могут быть только отдельные субъективные здесь-теперь-так представления, причем представления реальные, но не каким-то образом самодополненные в некотором нигде.

Переходя к конечным дифференциациям, "сущему как экзистующему", Гартман делает весьма сомнительный вывод: "...о

бытию *essentia* беспокоиться не нужно. Ибо экзистирующее содержит *essentia*". Смотрите крайне наивно.

Гартман обижен тезисом номиналистов: "...универсалии вообще не имеют собственного бытия, что они бывают только *in mente* и основываются на абстракции". Его, видите ли, раздражает намек на отрицание собственного бытия идеального! О дальнейшей подозрительной наивности Гартмана, касающейся соотношения *essentia* и *existentia*, не стоит и говорить. А именно на таких нелепостях он основывает пресловутое сущее как сущее. Уничтожьте идеальность, и оно исчезнет. Вместе с условно полагаемой сущностью. Миру сущность не нужна, он прекрасно обходится и без нее. Это человек ради собственных удобств пользуется светофильтрами и прочими насадками.

Мир, полностью очищенный от субъектов? Ему не нужна и структура вместе с пространством и временем. В чистом качестве интенсивность имеет невообразимую природу в прямом и переносном смысле. Она не для философов. Сейчас даже композиторы туда перестали заглядывать. Особо чутким вживания в эту тему грозят сердечным приступом.

В другом Гартман, видимо, хотел сказать нечто разумное, но не получилось: "...реальным всеобщее оказывается только «в» индивидуальном..." Не всеобщее, а намек, ссылка на него! Реальное всеобщее — нонсенс. Ссылка может быть актуальной и на то, чего не существует. Гегельянщина хороша (эвристически), когда дается в отдельности, сама по себе и в некоем заоблачном месте, а Н. Гартман пытается смешать ее с натуральностью. Упорство Гартмана в попытках натурализации абстракций просто поражает: "И если определенность и экзистенция (так-бытие и вот-бытие) составляют все бытие единичного, то сущее как такое в конце концов есть все". Кстати, разрыв между "так" и "вот" Гартман более или менее последовательно не обосновал. Здесь нельзя не отдать дань Бибахину в переводе хайдеггеровского *Da-sein*. Все-таки присутствие — не совсем "вот". А попытка связать сущее с энергией и динамикой чрезвычайно самонадеянна! Это уже низший ранг натурфилософии. Еще не хватает приплести

сюда и напряженность электромагнитного поля. Зато Аристотель многое что мог себе позволить, даже семь небесных сфер.

ЛУКАВЫЙ ХАЙДЕГГЕР

На большинстве портретов Мартина Хайдеггера можно заметить лукавую двусмысленную усмешку. Подобную, разве что, можно наблюдать на лице некоторых "магов", "чародеев" и специалистов по альтернативной истории. Да еще, причем иногда поразительно точно такую же, — на физиономии одного очень исторического деятеля, к тому же внешне похожего на Хайдеггера.

Хайдеггер вроде бы понимает порочность наивного отношения к "окружающему" и "природе", но не собирается высказывать такое отношение слишком лобово. А с другой стороны, как будто не хочет понимать. Но не только. Он не особенно склонен разделять теорию и попытки метатеории, смешивает одно с другим и впадает в типичную для немецких мыслителей риторичность. Вы недовольны главной книгой Хайдеггера? Однако она будто бы — всего лишь проба пера, дебют (хотя были некоторые работы и до нее), а настоящий Хайдеггер появляется лишь в тридцатые годы. Этот новый Хайдеггер — настоящий подарок для искусствоведов, литературоведов и элементарных краснобаев¹. Слишком, уж слишком много в его новых писаниях гуманитарности... Я бы употребил и другое слово. Все же краеугольным трудом Мартина Хайдеггера является тот самый, фундаментальный, сколько бы сам автор от него ни отрецивался. Но отрицать высказанный нашим героем скепсис нельзя, а потому до реплик о "Sein und Zeit" (SZ) лучше поговорить о поздних работах Хайдеггера. Заранее должен предупредить: некая гуманитарная экология меня во все не вдохновляет.

¹ Работы Хайдеггера по эстетике А. В. Михайлов собрал в специальном сборнике. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: "Гнозис", 1993. При этом работа Хайдеггера "Der Ursprung des Kunstwerkes" (Исток художественного творения) — билингва с приложением Введения Х. Г. Гадамера. Перевод работы "Время картины мира" желающие могут сличить с переводом В. Библихина из более доступных изданий.

Читать Бёме и писания масонов XVIII века иногда приятно (как художественную литературу), но бёмовщина Введения к лекции "Что такое метафизика" отталкивает. Введение и послесловие написаны одновременно с лекцией, показывают нам позднего Хайдеггера. Мы видим: как и в SZ, Хайдеггер отвергает предыдущую философскую терминологию. В чем-то ее и нужно отвергнуть, однако вместе с терминологией оказываются убраны и скромные достижения предыдущих философов. Где у Хайдеггера субъект, где вещь в себе? Неизбежно закрадывается крамольная мысль, что высокоуважаемый Хайдеггер уничтожает многие вполне внятные и неизбежные разграничения, дабы быть туманнее, метафоричнее. Ведь он проводит уничтожение чисто словесно, а на заднем дворе его соображений кое-какие прямо не высказанные разграничения остаются. Если он их и выдает, то по каплям, намеками. Остается впечатление неискренности. Часто без всяких оснований Хайдеггер заменяет одни слова другими, даже синкретичными. Перемешав карты, воскрешает древнегреческое слово "алетейя" (ἀλήθεια, непотаенность, несокрытость, истина); частично декапитируя и затемняя читателя, снимая слои Новой философии, возвращает его к Платону и далее — к досократикам. Простите, но подобные антраша не требуются. Греки о многом не догадывались, шли наощупь и наобум, часто были по этой причине непоследовательны и многословны. Современному читателю играть в жмурки не надо, но жмурки — именно то, что желательно Хайдеггеру. Иначе не будет тайномудрия. Почему бы заодно не рассмотреть темные свидетельства об Анаксимене, связанные с вопросом сокрытия звезд небесных? Давно ведомый мир феноменов Хайдеггер пытается сделать как бы не совсем ведомым и не хочет говорить о нем, поскольку о нем многое уже сказано, да он и так ВИДИМ, а дабы его обновить, давайте-ка, братцы, его переименуем. А лучше переименовать не совсем по его границам, и вообще надо повсюду нарушить границы переименований, чтобы ни один черт ни о чем не догадался.

Хайдеггер без конца сыплет метафорами, прячет за ними суть. А как понравится высказывание: "Мысль, думающая об истине бытия..."? Вообще может ли какой философ позволить себе по-

добное? Мысль думающая! Строго говоря, субъект не думает, "я" не думает. А думает ли мысль? Мыслит ли мысль? А ведь кроме нее мыслить некому! Феноменологически в данном словосочетании Хайдеггер куда точнее Гуссерля и Сартра. Заметим только одно: мысль не запускается и не поддерживается без волевого импульса. Будем считать, что Хайдеггер в своей метафоре рассматривает мысль и микроволевое как единый комплекс. Но далее Хайдеггер, к сожалению, упирается в самый обычный метафизический трансцендентализм и фактически говорит ни о чем, но на свой лад и с собственной специфической стилистикой. С метафорами надо здесь говорить не о бытии, но о бытии бледном, недостаточном, без пафоса. А пафос есть и совмещен с нескончаемой эпилептоидной жвачкой. Где она хваленая немецкая лаконичность? Вот еще одно словосочетание: "истина бытия". Вполне подойдет для вещания с амвона. Другой подарок: "...сможет ли само бытие из своей собственной истины..." Во что здесь заплетена архаика? Кошмар! Интуиции Декарта отмечены с порога. А нельзя ли соблазняющее слово "бытие" изъять и брать именно феноменальное как пресловутое "непотаенное"? А от кого ускользает потаенность? Именно от Хайдеггера. Потаенность, поглощенность, и даже иногда пожранность всегда остается незримым часовым. Уже слово МЕТА предполагает подобное. Где у Хайдеггера метафеноменальное? Он вообще не хочет его иметь в виду. Для постсоветского читателя (наследника диамата) на всякий случай говорю: метафеноменальное — отнюдь не мозг, оно не имеет отношения ни к физике, ни к физиологии, ни к природе, наконец. Имеет ли право кто-то говорить о "забвении бытия", если он намеренно забыл малые достижения Новой философии?

"...не привязывать определение человеческого существа к субъективности"? Но заниматься человеческим существом философия и не должна. Это не ее дело. Для нее такого и не должно существовать, не должно быть натурфилософии. Что себе воображает Хайдеггер? Наивную античную синкретичность? Так называемое человеческое существо — бытовой прагматический домисел, бойко подхваченный нефилософскими науками.

А вот подтверждение ухода уже в чисто гуманитарные миры: «*Сущность присутствия (Dasein) заключена в его экзистенции*». Сказано хорошо, но это не философия и тем более не метафизика. Здесь нельзя не увидеть и чисто логического капкана: сущность идеальна (нереальна), а следовательно идеальна (фиктивна, нереальна) и экзистенция. Неужели многочисленные литературоведы не чувствуют стыда и смущения?

Дело не только в греках. Не секрет, что Хайдеггер взял на вооружение хитрое помешательство математика Гуссерля, но использовал его вовсе не для трактовки феноменов. Конечно, область "духа" весьма заманчива, но там слишком многие уже копались. А почему бы эту область не переделать? Не выдумать как-то заново? Одни завоевывают территории, другие их просто выдумывают. А можно выдумать и обустроить так, что они кажутся почти реальными. Есть опыт искусства и художественной литературы. Индуцированные образы не менее действенны, чем образы естественные. Можно вспомнить религии. Но индуцировать можно сам способ мышления! Коварно пользуясь пластичностью психики, можно внести в мышление некоторый кривошипный механизм. Отчего завелся постструктурализм? Чтобы здесь не повторяться отсылаю читателя к словарной статье "Хайдеггеризмы"²

Продолжим. Пусть "сущность" каким-то образом размазана по более полной, чем она, "экзистенции". Неплохо вспомнить, что присутствие и экзистенция являются предикатами, а не субъектами. Их ширина никак не может определяться ими самими. Но в данном случае еще хуже. У Хайдеггера, как он заявляет, экзистенция — обозначение бытия человека. Человек — неправильный термин. Имеющее отношение к человеку бытие, в лучшем случае, — это всплеск субъективного здесь-теперь-так. Феномены (ошибка Гуссерля) не имеют сущности. Нефеноменное не является ментально доступным. Даже воспоминания находятся

² Акулов А. С. Буквы философии. Т. 2: СПб., 2003. — С. 282—284. Третье издание (одномоник). СПб., 2017. — С. 624—627.

здесь-теперь, а не где-то там. Однако Хайдеггер пытается сюда приплюсовать и потустороннее. В итоге получается, что он говорит ни о чем, поскольку на потустороннее можно свалить ответственность за что угодно. Стиль Хайдеггера местами неотличим от стиля Мейстера Экхарта, но куда менее прозрачен, хотя оба говорят о довольно простом. Поясняя сам себя, Хайдеггер продолжает шифровать и в итоге запутывается сам.

"...бытие того сущего, которое стоит открытым для открытости бытия, где это сущее стоит, умея в ней устоять. Это умение устоять продумывается под именем «заботы»". Вот он кот с маслом! Избыточное слово "сущее" (Seiende) портит всё. Нельзя в одном обозначении смешивать идеальное с реальным. А у нас "так" приходит после "тик". Выходит, "тик" не устоял. И конечно, "забота" — вовсе не забота. Это сугубо индуцированное явление — экзистенциал, либо кандидат на него. Штучка, выросшая выше неба. Пусть даже сие новая реальность, но сартровская ГОШНО-ТА гораздо сильнее.

Ясно видно: Хайдеггер выстраивает не философию, но неправильную антропологию. Но полностью вынырнуть из философии ему не удастся. Ему не удастся обойти огородами Беркли и Юма, причем самым катастрофическим образом. Именно поэтому он без конца к ним возвращается, но возвращается тайком, воровским образом, надевая маску на каждый термин. Во многих местах его текстов эти маски полупрозрачны, но это никого не смущает. Многим кажется: Хайдеггер совершает некий сверхчеловеческий подвиг.

О "заботе" у Хайдеггера немало трехэтажной ерунды, предназначенной исключительно для его фанатов. А вот с чем вполне можно согласиться: "...забота удовлетворительным образом осмысливается только в ее экстатическом существе". Однако это вовсе не "стояние внутри открытости бытия". Сей кунштюк, простите, для уверовавших в святость и непогрешимость философа. А словесность какая театральная: "открытость бытия"! Конечно, Хайдеггер нам вещает вовсе не о бытии. Даже у математика творчество временами переходит в поэму экстаза, неведомую по-

сторонним. Экстаз реален. Но что есть в большинстве случаев математические объекты? Фантомы. Фантомы. И небытие. Из дальнейших рассуждений Хайдеггера видно: подобно прочим немцам, он вышибает сознание из феноменального поля, происходит нелепый трагический разрыв. Знание много хуже сознания, поскольку по большей части не может быть феноменальным, как и память. А память нереальна и хуже, чем идеальна. Она невозможна даже в тщательно разрисованном небытии. Нельзя протаскивать в рассуждения бытовые фикции, а равным образом нельзя оперировать с поглощенностями. Мы видим здесь традиционные проскоки, умноженные и умощненные благодаря способам хайдеггеровского вживания в них. Человеческое сознание поверхностно и наперекор всем экзистенциям не является самостью. Понятие "человеческое существо" довольно сомнительно во всех отношениях. Есть соблазн не считать это существо фикцией, но одного наития все-таки мало. За границу феноменов не перепрыгнуть.

Хайдеггер возражает против аналогий названия его главного трактата "Бытие и видимость", "Бытие и мысль" и почему-то больше защищает первое, а не второе слово. А как раз основную критику гораздо проще обрушить на слово второе — время. Где оно время? Дайте его пощупать или вывести. А бытие как база без проблем выводится, убрать или задвинуть его в сторону невозможно. А Хайдеггер стучит по паркету и громогласно заявляет, что некие недоумки совсем забыли о бытии. "...езде здесь бытие понимается еще ограниченно, словно как если бы «становление», «видимость», «мысль», «долженствование» не принадлежали к бытию, тогда как они все-таки явно не ничто и потому к бытию принадлежат". Хайдеггер беспрестанно смешивает вещь в себе (объективное бытие) с бытием иллюзорным (субъективным). Субъективное не является нулем исключительно изнутри себя самого. Вне себя оно расплавляется, исчезает. Конечно, с человеческой феноменностью это происходит как бы не сразу, поскольку она возвращена на почву из промежуточных иллюзий, но это несколько не мешает всему древу субъективного быть опрокинутым и зануленным. Источное пластично настолько, что одни "фи-

гуры" не отменяют других с ними совмещенных, но сравнение с водой и волнами, водой и рябью не идет дальше весьма отдаленного намека. В источном нет левого и правого, центра и периферии. Отсутствие относительности убивает всё³.

"«Бытие» в «Бытии и времени» не есть нечто другое, чем время, поскольку «время» названо собственным именем для истины бытия, каковая истина есть сущностное бытия и таким образом само бытие". Но старая традиция относить прошлое и будущее к бытию подлежит отмене. Хайдеггер запер сам себя в клетке фикций: сущность и истина идеальны, а не реальны.

"Бытие как таковое соответственно открывает свою потаенность во времени". Откуда Хайдеггер взял, что у безотносительного бытия есть время? Или полностью опрокинут Кант? Кант плох оправданием трансцендентального, но отрицание объективности пространства и времени — его главная заслуга. А если бы Хайдеггер действительно был сосредоточен на камбиальности субъективного здесь-теперь, то должен был бы отказываться от бытийности омертвевшего. Бывшее и будущее непотаенное обращаются в ничто. Тайник невелик, но недоступен. Речь может идти не об открывании, но о детектировании и трансформациях, а заодно и об извращении с ними связанном. Извращение-умножение как раз не открывает тайну, но ее прячет. А кому понравится такое: "История бытия в эпоху метафизики..." Вряд ли философу была доступна гипотетическая планетарная ментальность — идол некоторых экстрасенсов. Выражение того же рода, что и "истина бытия".

У нас гуманитарный новодел: в SZ никаких упоминаний ни об истории (Geschichte), ни об истине (Wahrheit) бытия нет. Зато с этими курьезами можно не раз столкнуться в более поздних работах Хайдеггера⁴.

³ Недостигаемость отдаленного оборачивается недостижимостью совмещенного. Времена и пространства оказываются сугубо внутренним рисунком.

⁴ Могут ввести в некоторое заблуждение электронные версии текстов: в немецких версиях нередко исчезают умлауты, в русских переводах — точки над "ё". В примечаниях у В. В. Бибикина "бытиё" вместо "бытие" соответству-

Складывается неотвязное впечатление, что под бытием Хайдеггер чаще всего подразумевает пропитанную и оживленную экзистенциалами потенциальную толщу субъективных кажимостей — заведомо мнимый и сколь угодно далеко раздуваемый околосубъективный мирок. Пусть даже строго логически это ниоткуда не следует. В послесловии к лекции мы видим между строк еще больший напор на глагольность и фактическую схоластическую искусственность понятия бытия по сравнению с сущим.

Вот высказывание о "сущем как сущем". В русском языке здесь четкий элемент маскировки. Понять бессмысленность этого выражения можно через "существующее как существующее". Здесь главный логический изъян — метатеоретическое отсутствие конкретики, которое отлично пародируется "стольностью" и "стульностью".

О кивках Хайдеггера в сторону теологии скромно промолчим.

Единственное, что гипотетически может претендовать на непотаенное, — тоническое как неструктурная сигнальность. Ее моделированием в звуке иногда занимались композиторы. Но парадокс: вневременное они пытались размотать во времени. Правда, здесь важно не время, не процесс, но чисто ментальная схватываемость, в которой изменения переливаются в некую неизменность. Важной оказывается вовсе не музыка, а более или менее константная чувственная выжимка из нее. Это понимают и композиторы, повторяя один и тот же удачный пассаж, добываясь как бы нового подтверждения удачного эффекта. Нейтральное структурное восприятие уже не обладает прямизной, оно косвен-

ет старонемецкому Sein. Бывает хуже: в сканах прижизненных публикаций Э. Гуссерля (немецкоязычные сайты) "Wesen" читается как "Wefen".

ный прибор, а не иллюминатор. В этом смысле речь следовало бы называть не второй, а третьей сигнальной системой.

Речь речью, но термины "спрашивание", "опрашивание", "вопросание" как у Хайдеггера, та и у его эпигонов не могут не раздражать.

И подобно тому, как у феноменов нет сущности, у бытия нет истины. Зачем бытию нужна истина? Конечно, чисто словесно можно, например, заявить истина абсолюта есть сам абсолют. Возможен такой частный теоретический случай, но что это дает? Кроме того, формально абсолют уже бытия.

В послесловии к лекции вдруг говорится о воле и воле к власти. Это пока замнем. Послесловие опубликовано в 1943 году. Плохо другое: Хайдеггер величает метафизику как историю истины. Вместе с рассуждениями об опредмечивании подобное указывает, что уважаемый мыслитель находится где-то далеко за областью мнимых чисел. "...всякое опредмечивание сущего сводится к накоплению и обеспечению сущего, в опоре на последнее обеспечивая себе возможность наступательного движения..." Вот он мнимый и наивный фокус рассмотрения! Главное в метафизике именно МЕТА. А Хайдеггер и Сартр берут иллюзию восприятия и пытаются ее умножить способами, подобными птолемеевским. При этом Хайдеггер никак не уточняет, что "истина бытия" не должна в силу каких-то особенных исключений быть идеальной.

"Не так-то сразу бытие дает сущему предметно представить и установить себя". У Хайдеггера много подобного рода фраз, что дает некоторое право многочисленным комментаторам отождествлять хайдеггеровское сущее с субъективным.

"Другое всему сущему есть не-сущее. Но это Ничто пребывает как бытие".

"...мы должны вооружить себя для единственной готовности — ощутить в Ничто вместительный простор того, чем всему сущему дарится гарантия бытия". К сожалению, далее Хайдеггер не особо мудро сближает ничто с ощущением ужаса. А это, с одной стороны, носит чисто хайдеггеровский патографический харак-

тер, а с другой стороны, показывает странное нежелание выхода из человеческой оболочки вообще. А подобный выход в достаточной мере является обязанностью философа. Интеллектуальная безвоздушность порой необходима.

В русском языке высказывание "бытие бытийствует" в лучшем смысле читается как оксюморон, а в самом слове "бытие" давно стерлась глагольность. Вот еще один оксюморон: "внимание к голосу бытия". С какой стати мы должны следовать за чудачествами Хайдеггера?

"«Ужас» перед ужасом, наоборот, способен заблудиться настолько, что не распознает простых соотношений в существе ужаса". А здесь, наоборот, следует остановиться. Здесь не заблуждение, но один из запахов некоей высшей субстанциональности. Правда, точнее высказывания "ужас ужаса" или "ужас в себе", "ужас как таковой". Заодно можно прийти к пониманию высказываний "красота вообще" и им подобных. Это вам не стольность и стульность! Хайдеггер, однако, похоже, пытается сбежать от предвечного ужаса к ужасу вещному, опредмеченному — "ужасу простых соотношений".

В рассуждениях об ужасе еще присутствует намек на реальность, прочие умствования Хайдеггера откровенно выдают попытку трансцендентальных копаний. Вовсе не трансцендентных. В них и речи не может быть о какой-либо реальности.

"Жертва есть изъятое из всякого принуждения, ибо поднимающееся из бездны свободы растрачивание человеческого существа на хранение истины бытия для сущего". А для чего здесь нужна форма языческой молитвы? Что за тайное братство, к которому словно бы причисляет себя Хайдеггер? В любом случае ни логические проскоки, ни смешение философии с богословием недопустимы. Переход от Denken к Danken никак не обставлен. Далее Хайдеггер окончательно заиклился на витализациях и гуманизациях. Толкать его в бок, пытаться разбудить бессмысленно.

То явно, то неявно Хайдеггер считает философию "исторической наукой". В этом нельзя не видеть порока. Для чистой фило-

софии, философии как таковой источники — ничто. Следование в какой-либо философской концепции авторитетам в действительности оказывается преступлением. Всякая "система" или ее подобие начинается как бы с нуля. Полная переоценка всех предыдущих воззрений обязательна. Нельзя путать философию с философедением.

В рассуждениях о картинах мира Х-р. в очередной раз субъективизирует предполагаемое существующее под видом сущего. Кроме того: "Человек становится репрезентантом сущего в смысле предметного". А это совсем плохо! Слово "человек" опять как бы вне философии, надо говорить хотя бы о сознании. Х-р всё-таки переключается на слово "субъект", но с тем, чтобы сделать его параллельным картинам мира: человек — мир, затем субъект — картина мира. Прочие утверждения Х-ра по этому вопросу не лишены позитивности, но весьма произвольны, необязательны. Но иногда все же выходят даже за рамки обычного здравого смысла: "... у греков на праздничных торжествах в Олимпии не могло быть никаких «переживаний»". После нечетких рассуждений о "спрашивании" неподрасткого Х-р помещает будущего человека в "то Между, где он будет принадлежать бытию и все же оставаться чужаком среди сущего". Казалось бы, здесь проступает много раз прокламируемая разница между бытием и "сущим". Однако о каком бытии идет речь? Бытие кажимости так и остается кажимостью, а собственно существующее всегда будет невидимым и только предполагаемым. Существующее же, гносеологически девальвированное до сущего — всё та же кажимость. В последних строфах стихотворения Гёльдерлина "К немцам", невзирая на их печальную окрашенность, нужно видеть не подтверждение хайдеггеровских слов, но упреждающую тонкую издевку над ними:

Краткому веку людей малый положен срок,
Собственных лет число видим мы и сочли,
Однако лета народов,
Видело ль смертное око их?

Коль и твоя душа вдаль за отмеренный век
Устремится в тоске, скорбно <застынешь⁵> ты
На побережье холодном,
Не узнавая близких своих.

Сличение бытия и существования уйдет в песок, когда мы будем иметь в виду степень и характер существования, степень и характер бытийности. В определенных моментах бытие и существование будут совпадать, не стоит преклоняться перед привычно дающимся формальным словесным обрамлением явлений.

Нельзя не возмутиться словами X-ра:

"Впервые благодаря Декарту реализм оказывается в состоянии доказать реальность внешнего мира и спасти сущее в себе". Подобное можно сравнить только с наивными современными утверждениями о том, что формула Эйнштейна для фотоэффекта наконец-то доказала существование материи.

А как вы отнесетесь к следующей фразе: "Ценность по видимости предполагает, что сообразующиеся с нею люди занимаются самым что ни на есть ценным; на самом деле ценность как раз и оказывается немощным и прохудившимся прикрытием для потерявшей объем и фон предметности сущего". И смешно, и капельку интригующе. Но не для философа! Только для чистых гуманитариев. Но куда до изречений Оскара Уайльда наподобие: "Не дай совратить себя на стезю добродетели".

А говоря о софистах, X-р как бы восхищается их наивным реализмом! Истина у них непотаенное! Как хорошо!

Европейский (западный) нигилизм? Об этой работе X-ра, основанной на извлечениях из лекционного курса 1940 года. И бог умер, и сверхчувственного нет, и метафизика износилась. "Однако для Ницше «переоценка» означает, что исчезает именно «место» для прежних ценностей, а не так, что просто расшатываются

⁵ Либо <замедлишься>. Есть много более точных современных просторечных слов, но они не подходят романтической лексике Гёльдерлина.

они сами". "...*лишается корней сама потребность* в ценностях прежнего рода на их прежнем месте, а именно в сверхчувственном". А главное, конечно, воля к власти. "Коль скоро власть останавливается на какой-то ступени власти, она уже становится немощью власти". Всё это Х-р, о Ницше. Роскошно изданную книгу Ницше "Воля к власти" я последний раз читал в 1971 году. И вынес из нее совсем другое. В "красное" и в "черное" постперестроечное собрание сочинений Ницше "Волю к власти" не включили. Очевидно, по старому соображению, что работу де написала-составила сестра Ницше, а не он сам. Иное можно вынести и из остальных работ Ницше. Однако особо спорить здесь с Хайдеггером не буду, поскольку вообще не склонен заниматься источниковедением. В работах Ницше многое что весьма плохо обосновано (то же "Вечное возвращение" и бесконечность времени при верном (!) ограничении числа "атомов"). У Х-ра вполне отчетливый и приземленный, но болезненно романтичный Ницше оказывается вообще повиснутым в воздухе духом.

Мы здесь рассматриваем не Ницше, а интеллектуальные девиации Х-ра. Цитируют или не цитируют Х-ра церковные мыши — дело десятое. Важнее происшедшее уничтожение метафизики, а затем — и философии, которая фактически превратилась в пшик, в культурно-исторический кунштюк. Старание к этому приложил и Хайдеггер. Он объявляет историческое бытием сущего, а это в любой интерпретации не может не вызвать возражения. Кроме того, термин "сущее" при каждом его употреблении требует четких гносеологических координат, места на бытийной шкале. Х-р никаких обозначений не делает, а потому слово "сущее" превращается в бессмысленный набор звуков. А вот Х-р проговаривается: "Если мы скажем о сущем, например о доме, лошади, человеке, камне, Боге..." Так темнил, но выясняется, что имел в виду всего только предметы обыденного представления, никакого отношения ни к философии, ни к метафизике не имеющие. У Х-ра здесь не лошадь внутри восприятия и не лошадь в рассудке, но некая наивно полагаемая лошадь сама по себе — лошадь из мира практики. Уже здесь без всяких околичностей нужно помахать философии и метафизике ручкой как бесполезным вещам. Давай-

те тогда уж займемся чисто операциональной средой наших действий и высовываться из нее не будем! Пантон хре... А каков мир с уменьшенным эффектом смазанности-заторможенности? Скажем, за время, меньшее

0,001 секунды. Какая еще лошадь! Там нет элементарных частиц и пространства. Нет физики как таковой. А при несколько увеличенном промежутке времени будут только элементарные частицы, но не атомы и молекулы — движение связующих мезонов не осуществится. Наш мир — мазня. А причина этого — размазанность самого наблюдателя или его регистраторов. Пример грубый, но наиболее доходчивый. Примеры тоньше упираются в устройство восприятия и психофизический парадокс.

X-р верит в старые немецкие абстракции: "...бытие есть самое всеобщее..." и далек от консистентных представлений. Если бытие есть, то ему нет дела до человеческой способности суждения. Да и для реального человеческого ума (в отличие от условно выдуманного разума) абстракций нет.

Наивное отношение к "сущему" X-р пытается подтвердить обращением к грекам. Слова *idea* и "эйдос" берет в значении "видимость", "явленность".

Разговор X-ра о невремени предшествовании (в том числе, по отношению к априори), конечно, весьма уместен, поскольку эта проблема объяснения очень часто возникает по разным поводам. И все же X-р порой уходит от "до" как "мета", как "за", как основы — и седлает свой любимый конек — глубинность времённости бытия. Приводит мнение Платона и говорит много благих слов о вторичности сущего, ломится в открытую дверь, но при этом не подчеркивает. Относительность бытийности, многозначность слов остаются вне поля зрения X-ра. {Ведь можно в некотором смысле говорить о бытии преходящих ощущений, а некоторые русские космисты чуть не отождествляли пресловутое сущее с абсолютным.}

А с этим невозможно согласиться: "Метафизика, идеализм, платонизм означают по существу одно и то же". X-р словно за-

бывает о том, что недавно говорил об идее как видимости. Видимостью идея остается и в новом качестве, но видимостью фиктивной, идеальной. А важно рассматривать запредельное бытие не как идею. Подлинная метафизика здесь. X-р множество раз утверждает априорность бытия, однако бытие как собственно метафизический объект вполне выводится из человеческого субъекта. Не выводятся пространство и время (а наоборот закрываются) оттого, что они и так есть в субъекте. Априорность пространства и времени чисто субъективна.

Функцию света в мире идей будто бы выполняет *ἀγαθόν* (ага-тон) — благо, но не благо в новоевропейском смысле, а благо в старом греческом понимании — как годность, пригодность. В нормальном понимании, если нам и нужны фикции, то фикции для чего-то пригодные. Но Платон в понимании X-ра идет, конечно, гораздо дальше. Идеи отождествляются с бытием и возникает новый прорыв в открытую дверь: бытие выявляется как обуславливающее. Некоторая соль здесь есть: неидеальное метафизическое бытие необходимым образом ологичено. Но где она висит эта логика как не в царстве идей? На первый взгляд, мы имеем неплохую головоломку, но наши логики вторичны по отношению к способам бытийности. Уход от фальши новоевропейской классической философии — особого труда не представляет.

Достаточно комично хайдеггеровское сближение аристотелевской "энергии" с волей к власти. Даже в качестве намека. Всенправленность добытийного таковой остается и после его обкорнания бытийным. Отделенность-детектирование ничего не меняет в исходном. После распада абсолютного? Разделенная на рукава шопенгауэровская воля вроде бы вступает в войну сама с собой. Вот здесь какой-то намек есть. Но какая там метафизика в утверждениях "о воле в природе"! Нужно делать поправку и на германские тридцатые — сороковые годы, в которые возникли ассоциации X-ра.

Рассматривая простейшие предложения с глаголом *ist* (первое лицо, единственное число настоящего времени от *sein*), X-р рас-

суждает о пустоте и богатстве бытия. Поиски эвристического здесь в наличии, но по большому счету остаются напрасными. Обыденность хороша, но часто не может никак быть взята за основу.

В начале "Преодоления метафизики" Х-р совсем уж сбивается на стиль Ницше и Шпенглера, но не забывает твердить о своей "истине бытия". А далее остается поклонником архаики: "«природа», «что» и «как» его [человека] бытия сами по себе метафизичны: animal (чувственность) — и rationale (внечувственное)". Способность человека оперировать в области математики или инженерии замкнута на неизбежные фикции, что являются необходимыми строительными лесами. Но фикции не способны изменить субъективное сознание. В нем нет ничего внечувственного. Внечувственное просто отсутствует. Ум, в отличие от предполагаемого и нигде не существующего "точного" разума, вполне феноменален и неабстрактен. И двигаются в нем не абстракции, но их поюсторонние суррогаты, либо только ссылки на абстракции. Аналогично и с действиями любого обывателя: инерционно кажущиеся предметы не суть феномены. Феномены потребны для того, чтобы совсем уж не играть в жмурки.

Хайдеггер жил не во времена Декарта. Самым нелепым образом он рассматривает некую лжеметафизику. Предмет (пред-мет) у него характеризуется эссенцией и экзистенцией (сущностью и существованием). Для чего подобная галиматья? Для собственно метафизики нет обыденных предметов, нет столов и стульев. "Преодоление" метафизики для Х-ра есть превозмогание пресловутого "забвения бытия". Пытаясь сблизить бытие то с энергией, то с волей, Х-р так это и не осуществляет. Х-р ругает Ницше и Шопенгауэра за отсутствие точности, заодно мог бы обругать и Бергсона, но сам путается в двух соснах. Попытка гипостазировать и субстанцировать историю философии — странная нелепость, местами завязанная на Гегеля. У Библера прорезывалось "развивающееся понятие", у Хайдеггера выпухает из ниоткуда фантастическое существо — истина сама по себе. Вот намек на теологические корни Хайдеггера: "Что «есть» бытие? Имеем ли мы право исследовать в «бытии», что оно такое? Бытие остается

неспрошенным и само собой разумеющимся и оттого непродуманным. Оно таится в давно забытой и безосновной Истине". Вполне артистично! Чуть не Экхарт. Неизречено имя Божие! А Хайдеггер-то бормочет всё vsue и vsue. Зачем нас без конца поливать абсолютом? Похоже на матерщину. Ведь матерные слова издревле святы. Обозначают собой родовое и для Рода главнейшее.

"...существо предметности как таковой обнаруживается только там, где существо мышления познается и в собственном смысле осуществляется как «я мыслю нечто», т. е. как рефлексия". Да никому это существо не нужно! Идет громохание полезными фикциями и не более того.

"Кант вступает на путь продумывания существа рефлексии в трансцендентальном, т. е. онтологическом смысле". Онтологическое трансцендентальное? Железо именуется деревом, притом порубленным на дрова и сгоревшим, но затем почему-то воскресшим и приобщившимся к бытию.

"Воля сама по себе есть уже акт стремления в качестве реализации цели стремления, причем эта цель осознанно и сознательно полагается не иначе как в понятии, т. е. в качестве чего-то обобщенно-представленного". Увы, волевой импульс безотносителен и действительно он сам в себе. Его истолкование и его градиент — вне его самого — в меру испорченности неволевой практической направленности. Система ценностей — вне воли. Воля слепа и доосновна, добытийна по своей сути. Относительно субъекта полное бытие выглядит капканом воли, да и относительно самого полного бытия. Но для изначальной внелогичной и внебытийной воли капканов и абсолютов не существует. Что ей Гекуба?

Власть, руководители, подчинение? X-р здесь много на себя берет и еще не достиг достаточного просветления, не говоря уже о логически организованной мысли. А рассуждая о технике, он попросту умножает обыденно данное.

И Х-р не желает иметь в виду, что метафизическое — это прежде всего МЕТА, нечеловеческое "забытое" полное бытие, в конце концов. Бытие "пред-метов"— оксюморон.

Очередной проговор Х-ра: "Отыскивая сущность дерева, мы неизбежно увидим: то, чем пронизано всякое дерево как таковое, само не есть дерево, которое можно было бы встретить среди прочих деревьев". Хайдеггер — древний грек? На какой стадии находится его философствование? Если бы философию преподавали в церковно-приходских школах (чего, к сожалению, не было), то именно так и следовало бы говорить. Однако есть факт: последующие этапы введения в философию неизбежно отрицают предыдущие. А это предыдущее отдается на откуп науке. Аналогично нельзя не считать странным заявление Хайдеггера в *Die Grundbegriffe der Metaphysik* (Основные понятия метафизики) о том, что философия когда-нибудь достигнет ранга науки. Подобного никогда не произойдет! Либо полученное попросту уже не будет философией. Х-р запутался сам и пытался запутать своих слушателей. А главный фактор путаницы — представления Х-ра о сущем. Хайдеггеровское сущее недостаточно бытийно, чтобы быть философским термином. Утверждение о философии как будущей науке не шутка, поскольку, говоря о сближении философии с прочими сферами, Х-р не скрывает собственного скептицизма. Но мыслительный самоконтроль все же присутствует: "При всем том сравнение философии с наукой есть неоправданное снижение ее существа..." Кто с подобным будет спорить! Поиски Х-ром дефиниции философии небезосновны, но искать определения метафизики не стоит, оно в этимологии. Правда, метафизика не есть зафизика, метафизическое — строгая заобыденность, зафеноменальность. Решения физики и метафизики резко расходятся. Первая нужна для практики, вторая — для пунктирных наметок об абсолютном знании, о направлении этого абсолютного знания. Не только наметки, но и само абсолютное знание в своем полном, а не в расщепленном виде совершенно бесполезно для нашей относительной жизни. Итак, метафизика смотрит в область за субъектом. Но искать нечто за самой физи-

кой бессмысленно из-за логической кривизны физики. Метафизика и физика исходно расходятся по своим методам. Сам факт сбора эмпирического материала предполагает резкий отрыв от реального субъекта и переход на объективацию тех или иных фикций. Фикции уточняются-уточняются, яростно птоlemeют, но по сути фикциями и остаются. Отсюда превращение философии в науку смотрится не иначе, чем преступлением. А поскольку наука не занимается собственно реальностью, то есть реальностью в предельном значении, то претендентом на эту область выглядит философия, при этом не только философия в качестве философии как дисциплины, но и в любом своем облике: внутри поэзии, музыки, живописи, внутри сосредоточений отдельного субъекта, а не связанного формальными конвенциями социума.

"Конечность не свойство, просто приданное нам, но *фундаментальный способ нашего бытия*". Не думаю, что с этим согласятся мудрецы из числа психологов. И насколько наше бытие исчерпывается нашим бытием? Внутри любого восприятия много чего несчетного и лишнего, неухватываемого. И разумеется, отсутствие конечности вовсе не утверждает наличие бесконечности. Наоборот, здесь намек на отсутствие конечности и бесконечности в метафизическом. А для Х-ра индивидуальная "конечность" — своеобразная розонощина. Он расцветивает ее как может. Но мало того: Dasein здесь, пусть в качестве риторического вопроса, приобретает фихтевский масштаб, а прочее рисуется театром теней. И важно "не быть повсюду дома" по Новалису и Хайдеггеру, но в противовес всему увидеть нечеловеческое, чуждое. Для престарелых подобные схватывания сопряжены с сердечным приступом. Думать о подобном требовалось на заре туманной юности. Спрашивание и вопрошание нужно отправлять туда же. Важнее углубленность, а еще больше — сопряженность с максимальным уходом из области соотношений. А вот острая мысль и вполне в рифму сказанному: "Что значит — предписать философии в качестве мерил познания и идеала истины математическое знание? Это означает не менее как сделать совершенно необязывающее и по своему содержанию самое пустое познание

мерилом для самого обязывающего и полного — т. е. нацеленного на целое — познания". Помнится, Декарт не менее резко выразился некогда об алгебре.

Выраженный по-разному аргумент за здравие: "...мы как раз не знаем и никогда не сможем знать с абсолютной достоверностью, философствуем ли мы вообще во всех наших разбирательствах", "...мы в своем философствовании не удостоверены".

Аргумент за упокой (по отношению к искомой истине): "Философия имеет смысл только как человеческий поступок. *Ее истина есть, по существу, истина человеческого присутствия.* Истина философствования укоренена в судьбе человеческого присутствия". А почему бы в таком случае не поговорить о неприсутствии? Неприсутствие в связи с существованием тысячу раз провозглашенного потаенного куда важнее!

Кажется перлом: "Никто из познающих не стоит каждый момент так тесно к краю ошибки, как философствующий". А если подумать? Познание чаще и не имеет отношения к науке и философии. Что происходит каждую секунду?

Работа "Тезис Канта о бытии"⁶. Здесь можно видеть попытку Х-ра преодолеть ложность своего сущего через общие представления: "Бытие сущего является в виде того, что мы называем основанием. Сущее вообще — это основание в смысле почвы, из которой вырастает все дальнейшее рассмотрение сущего. Сущее как высшее сущее есть основание в смысле того, чем все сущее выведено в бытие". Никакой подстановки или подставки не выходит, дело ограничивается риторикой. Высказывание самого Канта: "Понятие полагания, или устанавливания, совершенно просто и тождественно с бытием вообще". И предыдущее, парное ему: "Существование вовсе не есть предикат или определение какой-либо вещи". Х-р яростно отрицает направленность положительного момента кантовских утверждений на вещь в себе.

⁶ В частности по трактату И. Канта: "Единственно возможное основание для доказательства существования Бога" (1763). Прочие обращения к Канту — по "Критике чистого разума".

Тем не менее настаивает на взаимопринадлежности бытия и единства. Далее Х-р впадает вместе с Кантом в трансцендентализм и находит новые дополняющие мысли у Канта: "Итак, синтетическое единство апперцепции есть высшая точка, с которой следует связывать всякое применение рассудка, даже всю логику, а за нею — трансцендентальную философию; больше того, эта способность [вышеназванная апперцепция] и есть сам рассудок". Если здесь нельзя говорить о просто апперцепции, то еще хотя бы о предсуществующей апперцепции, возможных способах любой реальной апперцепции. А говорить об онтологии многие бы пока воздержались.

"«Все предметы вообще» критика разделяет на «феномены и ноумены». Эти последние подразделяются на ноумены в негативном и в позитивном рассудке. То, что в чистом, не связанном чувственностью рассудке вообще представлено, но не познано и непознаваемо, расценивается как X, который мыслится как то, что лежит в основе являющегося предмета. Ноумен в положительном смысле, т. е. нечувственный предмет, взятый сам по себе, напр. Бог, остается закрытым для нашего теоретического познания, поскольку мы не располагаем никаким нечувственным созерцанием, которому этот предмет мог бы непосредственно предстать сам по себе". Комментируя, Х-р чрезмерно налегает на понятие предметности и связывает с ней понятие бытия, что в общем случае чрезмерно избыточно. Степень бытийности здесь слаба до исчезновения. Зато Х-ра так корезит истолкование бытия как субстанциональности субстанции и радуется оставлению субстанциональности в области полаганий. Канту не был чужд наивный реализм, и соответственно Х-р приветствует понимание предмета и объекта в буквальном смысле. В кантовских антиципациях восприятия есть смешение априорно-апперцептивного чистого восприятия с прагматическими фикциями предметности. А во втором постулате кантовских законов эмпирического мышления ощущение путается с материальным: "То, что связано с материальными условиями опыта (ощущения), *действительно*". В третьем постулате ("То, связь чего с действительным определе-

на в соответствии с общими условиями опыта, есть (существует *необходимо*) используется сомнительное антиметафизическое словосочетание "связь с действительным". Метафизика откровенно подменяется обывательской практикой. Сверх того, возможность и необходимость не могут быть видами бытия ни в каком смысле. Но нельзя забывать об осторожности Канта, отрицавшего предикативность существования применительно к "вещи". А как мы полагаем, должно иметь в виду совсем иную модальность, нежели возможность и необходимость. Величины обратные степени бытийности — степень иллюзорности, степень неполноты. А в фундаментальном смысле — и степень структурности. Структура — уже не совсем бытие. Она требует субъекта-регистратора и оказывается комбинацией вырванностей-вычлененностей. В целом ее изолированность родо-субъективна. Время — координата не бытия в полном смысле этого смысла, но родового древа субъективностей и каждой субъективности в отдельности.

Далее X-р ничтоже сумняшеся повторно отождествляет трансцендентальное с онтологическим. Кантовское определение бытия как полагания, явно, ему импонирует. Однако онтическое он вроде бы (пока косвенно) считает реальным. Слова Канта: "Всякое наше различие просто возможного и действительного покоится на том, что первое означает лишь полагание представления той или иной вещи относительно нашего понятия и вообще нашей мыслительной способности, а второе [действительное] — полагание вещи самой по себе (вне этого понятия)". С одной стороны, наши мыслители уточняют характер полагания, а с другой стороны, указывают на наивный реализм. Защита от оппонентов (фиговый лист!) — во введении представления о "трансцендентальной рефлексии". По словам Александра Блока: "И ручки скрещиваю я, а также скрещиваю ножки".

Ближе к концу работы X-р всё чаще употребляет слово "материя", но всегда вскользь. Метафора ловка, но не способствуют продуктивности, например, когда X-р взывает к "координатам точки, определяющей место бытия как полагания" в некоей данности или в условном рядоположении материи и формы. В лю-

бом случае, говоря о трансцендентальной рефлексии, не стоит забывать о логической порочности самого понятия "рефлексия"⁷. О порочности, либо узкой относительности и ложности трансцендентального как среды приходилось говорить неоднократно.

Кант о материи и форме: "Первое [материя] означает вообще все то, что поддается определению, второе — определение первой". Весьма впечатляет! А главное: не обещает инфаркта. Но медленный склероз сосудов головного мозга — точно. Туда, господа! Вслед за Кантом.

Нельзя не видеть умножения данностей, то есть нарушения принципа Оккама, в словах Х-ра: "Доступ к субъективности дает рефлексия". Субъективное сознание дано, как дано, его никто не намазывает маслом. Сознание есть, но субъект как таковой всегда пуст, поскольку граница субъективного сознания не видна из самого этого сознания. Сознание ограничено насильственно.

В результате долгого говорения и массы подготовок Х-р пришел (и не совсем по Канту) к фразе: "Поскольку бытие высвечивается как присутствие, то отношение к сущему как предлагающему может стать полаганием, устанавливанием, представлением и установлением". Можно заметить перескок: вначале Х-р метил на роль предлагающего несколько иное. К перескоку Х-р подошел через этимологию слова бытие в испанском языке (*ser* от слова "сидеть" — *sedere*). А вначале у Хайдеггера было редкое древнегреческое слово юпокейменон — *ὑπόκειμενον*⁸: "Что же все-таки называется бытием, если его оказывается возможным определить из *subjectum*, т. е., по-гречески, из *ὑπόκειμενον* [юпокейменон]? Это последнее есть заранее-уже-предлежащее, ибо постоянно присутствующее. Поскольку бытие определяется как

⁷ См. Акулов А. С. Мировоззренческая рефлексия как стереотипная ложь. (Есть в этой книге.)

⁸ Наиболее известны слова: *κειμαι* — кеймай (лежать, покоиться, пребывать, простираться) и *μενος* — менос (сила, мощь, мысль, жизнь, суть). Ионийский префикс и предлог *ὑπό* — юпо (1 — внизу, снизу; 2 — из-под, под, при). Да и вообще не было у Х-ра в абзаце никаких обращений к древним! В данном случае слово он взял будто бы с потолка.

присутствование, сущее есть данное и предлежащее, ὑλόκειμενον [юпокейменон]?" Игра в слова вдруг находит отождествление.

В любом случае нельзя согласиться с представлениями Х-ра об объективности. Его объективность — фактически субъективность, а так называемое сущее оказывается совершенно излишним термином. В конце концов, философия не физика и не биология. Объективное для науки остается отсубъективным для философии. Николай Гартман хотя бы пытался размазать философию по всем знаниям. У Х-ра такого нет, но ложная тенденция остается.

И все же Х-р хочет выразить здравую мысль в трактовке парменидовского тождества бытия и мышления: тождественность не означает равенства, бытие не есть мышление, союз "и" сохраняется: бытие и мышление. Тем самым Х-р оставляет нишу для кантовского полагания бытия субъектом, но это полагание и без того было весьма скромным и умеренным, на слишком многое Кант не покушался, об идентичности в духе Х-ра не заявлял. Кантовское полагание оставалось сугубо общим и абстрактным, но не тотальным и полным.

В общих чертах соглашаясь с характером кантовского полагания, Х-р выставляет вперед свое коронное: "Если дело обстоит так, не должен ли также и *способ* истолкования бытия, образ мышления, иметь соответственно другой характер?" На-чи-на-ет-ся! "В неприметном «есть» таится все достойное осмысления бытия". Но и этого мало. Известно, что Х-р расфуфырил подобное до странностей собственной неонтологичной онтологии. Это "есть" может пребывать в совершенно разных смыслах и степенях. А если сюда подключить вообще неклассическую многозначную логику? Или что-то похожее на логику квантовой механики, но метафизичное?

Иным образом чувствуя шаткость своей позиции, Х-р заявляет: "Бытие не может *быть*. Если бы оно было, оно не оставалось бы уже бытием, а стало бы сущим". "Насущным," — хочется сказать. Хайдеггеровкое сущее — весьма сомнительный набор иллюзий, и более того — тень иллюзорного в области лжесред. А

иллюзориумом кто-то объявил бы бытие, но только не вдруг опомнившийся Хайдеггер, поскольку по его прочим рассуждениям "сущее" оказывается ножнами для "бытия" (предлежащим), но не наоборот. Хайдеггеровское вырождение бытия идет другим образом, чем сартровское вырождение сознания. Хайдеггером заправляет древнегреческая филология (с сильными ионийскими элементами), Сартром — порочные тенденции новоевропейской философии.

Х-р дает еще одну поправку: "Бытие — в собственном смысле: то, чем присутствие предоставлено". На первый взгляд фраза выглядит нейтрально, но некоторый подвох в ней чувствуется практически сразу. Ударение падает на слово "присутствие", положенное дополнение отсутствует. Присутствие чего? Сознания или производных от него всякого рода фантомов? Ведь Х-р уже подмочил свою репутацию представлениями о предметном и объективности. А в словах "чем" и "предоставлено" видно сползание мыслителя с метафизики в пустую риторику. Словно бы он собирается выжать некий сок из вербального. Даже неявная логика, в которую всё вплетено, не сможет подменить спрятанной за субъективным сути. Хайдеггер не предусматривает пограничных столбов, его сносит инерцией в наиболее близко данное — время, но коли вторично реально субъективное, то вторично и субъективно узорное время. Отрицая утилитарную предметность, мы отрицаем и некое объективное время. И то и другое постсубъективно, но не досубъективно.

Х-р пытается соорудить ловушку: "Если положенность, установленность, предметность оказывается производной присутствия, то тезис Канта о бытии принадлежит к тому, что во всей метафизике остается непродуманным". Так уж ли? Конечно, мы чаще сталкивались с весьма неважной метафизикой. Слово присутствие, я бы заменил выражением "здесь-теперь-так сознание". Слово "установленность" отбрасываем из-за наличия в нем откровенной двусмысленности, необходимости смыслового дополнения и уточнения при каждом его использовании. "Полагание-положенность" и "предметность", скажем, берем в предыдущих контекстах, почти кантовских. При всем этом "пост", "по-

сле" (в том числе, во вневременном значении) вовсе не означает "из-за". Способность к полаганию чего-то и сотворению прагматически полезных миражей придается сознанию фактически тем же, чем субъективное сознание и образуется — метафеноменальным. Не надо придавать частному полаганию фихтевский и тем более гегелевский размах.

Не является ли именование "история философии" ошибкой? Возможна ли история у некоей гипотетической истинной философии? У философии нет истории, но есть история ошибок мысли. X-р без конца сливает философию и историю человеческих заблуждений в одно общее. Человечество заблуждается и блудит (в широком смысле) больше четырех тысяч лет, если начинать отсчет с появления развитой письменности. Это гигантский срок! По нему можно судить: груз под названием "философия" человечеству не по силам. Философию уничтожали и уничтожают. Однако перед полным ее уничтожением надо сформулировать хотя бы десять кратких тезисов, вполне помещаемых на одной-двух книжных страницах. Этого не сделали и делать это не собираются. Люди к этому неспособны.

"...субъект производит свою субъективность: продуцирует ее" [X-р. Гегель и греки]. Фундаментальная ошибка! Не продуцирует, а констатирует. Трансцендентального не существует. А потому неизбежна мысль: субъект отнюдь не абсолютен. И по строгому счету, у субъекта никогда нет объекта. Объект может только смутно предполагаться, ибо исключительно метафизичен. Именно к этому смутному (не данному субъекту) объекту могут прилагаться главнейшие из названных выше тезисов. Обычные объекты практики и обыденности вообще не имеют никакого отношения к философии вследствие заведомой фиктивности. Хайдеггеровский Гегель и сам Гегель весьма далеки от этих элементарных соображений. Они убегают от метафизики и философии в сторону риторических обобщений. Существует словосочетание "риторический вопрос", то есть вопрос вопросом не являющийся. А на поверку мы имеем аналогичную "историю философии" и "философию". Просто поражает патологическая лживость того и

другого. Созерцание? Пусть, чисто умственное, но последовательное. А может ли оно быть плохим? У Гегеля его нет. Масса проскоков. Зато размышлений на эту тему — сколько угодно.

"Интимнейшее «стремление», «потребность» духа, по Гегелю, — отрешиться от абстрактного, разрешив себя в конкретное абсолютной субъективности и тем освободив себя для себя самого". Не будем спорить, хотя Гегель не особенно-то воевал с абстрактным. Х-р вроде бы недоволен тем, что истина для Гегеля вовсе не является непотаенностью.

Х-р прямо не заявляет, но с зачина доклада "Время и бытие" видно: сущее — не бытие, а бытовщина. Это всегда подспудно у Х-ра чувствовалось и раньше. И всегда без подчеркиваний, без законных издевательств над "сущим". Однако вместо того, чтобы повернуть в сторону "мета", в сторону "за", наш мыслитель упрямо упирается в слово "есть". Можно устать повторять: "эта аудитория" никаким бытием не обладает, частичное бытие у восприятия аудитории, а полное бытие никакому нормальному восприятию никогда не дается. Оно за границей субъекта. А так называемое "сущее" — обозначение фиктивных положенностей-упрощений прагматики, набор инерционных проекций из разбросанных по субъективному времени моментов субъективного настоящего. "Сущее" никакой реальностью не обладает, оно идеально. После проведения подобных пассажей вполне можно выбросить вон и слово "сущее". За ненужностью. И разумеется, с заявлением Х-ра: "...бытие как присутствие, как настоящее определено временем, временным" нельзя согласиться, невзирая ни на какие оговорки. Х-р не хочет знать, что время — лишь соданность структурам субъективного. Можно размышлять о загадках субъективностей-предсубъективностей, подпирающих субъективности настоящие. В предсубъективностях-субъективностях нечто есть, но толку из размышлений о них никакого нет. Неполное бытие обладает неполной реальностью и объективно развалено, но суть структуры-времени именно в неполноте, в онтологической виртуальности.

"Что *есть* во времени и таким образом определяется временем, называется временным". Что это за кладезь мудрости? Определяет ли время? X-р таким вопросом не задается. Время, пространство, структура — то, на чем нам распинают некоторую частичность, не поддающегося человеческому восприятию, существующему вне каких-либо соотношений. Всё это пьальцы, растяжки для узрения.

А вот иная песня: "Но при том что время постоянно проходит, оно остается в качестве времени. Оставаться значит: не исчезать, стало быть присутствовать. Тем самым время определяется бытием". Риторика! Субъективно постоянно не время-линейка, но ощущение текучести, не длительность, но длённость. Время — симптом неполноты субъективного бытия. X-р без конца отрывается от субъективного, но хайдеггеровская лжеобъективность остается достаточно прозрачной.

"О сущем мы говорим: оно есть". Не мы, а X-р. Мы говорим: сущего нет. Либо продолжать читать X-ра невозможно, либо брать другие слова. Вот тогда можно и говорить о присутствии, скажем, ощущений, подразумевании фикций... Далее X-р сам без конца переиначивает обозначения, заявляет о мистическом впуске присутствия, выводе его из потаенного в непотаенное, заменяет слово "есть" (по отношению к бытию, времени) словосочетанием "имеет место", но никакого мысленного приращения или продуктивности в этом нет. Одна филологическая игра.

"Откуда берем мы право на характеристику бытия как присутствия? Вопрос запоздал. В самом деле, эту печать бытию было предопределено нести давно без нашего содействия и тем более нашей заслуги. Мы соответственно привязаны к характеристике бытия как присутствия. Она имеет свою обязательность от начала открытия потаенности бытия как такого, которое допускает речь, т. е. мысль о нем". А почему не заговорить о неприсутствии? Первично жизнь — это присутствие при. Бытие — нечто иное.

Полное (абсолютное) бытие, в отличие от времени, не имеет места и координат. Оно внеместно. Субъективность и время — это выдавание бытия мелкими порциями. Смешно пафосное высказывание Х-ра из вынужденно замкнутого мира философии: он начинает непоследовательно рассуждать о технике, цивилизации, летающих спутниках... И тут же назад — к грекам. И всегда — прыжки через океан фикций. А словосочетание "история бытия"? Оно подрывает, опошляет сами названия "Бытие и время", "Время и бытие". Кроме того, у Х-ра постоянно спутываются время и соображения о нем, время и воспоминания. О прошлом, будущем и настоящем Х-р говорит как о живых существах или неких духах. Они у него "действуют": несут, наступают, приводят, протягиваются, протягивают. Что они протягивают? "Ничто другое, как самих себя, и это значит: протяженное в них присутствие". Мы видим филологические переворачивания, переименования и ничего более. В лучшем случае — набор метафор и общих мест. Филологическая игра переходит в геометрическую: Х-р пускает время по протяжению и объявляет его четырехмерным; а затем вновь уходит в филологию, увлекшись особым таинством безличных предложений в негерманских языках. Мысль о возникновении дленностей, длительностей и соотносительных протяжений с вычленением и замыканием субъективностей не приходит Х-ру в голову. А событие — в большинстве случаев вообще понятие надсубъективное, прагматическое. Но Х-р вдруг поворачивает назад в сторону метафизики и говорит о бытии как событии. Можно было бы начать думать об этом словесном курьезе, но Х-р тут же выходит из такого рода игры и неправоммерно заявляет о событии как роде бытия, то есть тем самым мешает бытие с фиктивным "сущим", поскольку чисто внутрисубъективные события он не думает рассматривать. Да и при упоре на частоту употребления слова "событие" события внутри субъективного сознания рассматривают достаточно редко. Нашему мыслителю всё нейдет, он выворачивает свое выражение наизнанку и говорит уже о бытии как роде события. А это звучит еще хуже. Надо учесть и то, что Х-р слишком далек от чисто философской космологии, погружаться в некий добытийный Ungrund он не собирается и

остается исключительно в рамках словопрений с самим собой. В них можно уловить истоки будущей псевдонауки постструктуралистов.

А здесь переворачивание хуже некуда: "Продумать бытие без сущего значит: продумать бытие без оглядки на метафизику". А кто нам долдонил о сущем? Вся суть метафизики как раз вне какого-либо "сущего".

* *

От января 1962-го переходим к июлю 1929-го. Сама лекция "Что такое метафизика".

По Хайдеггеру, науки якобы нацелены "на сущее как такое". По-нашему, они продолжают творить постсубъект, исходя из тех или иных данных субъектам неустранимых зацепок. Строго говоря, никак нельзя обозначить ту область, в которую "вторгается" человек или наука. Итог такого "вторжения" в случае удачи — полезные фикции. При этом исследователь вынужденно оказывается в большой мере наивным реалистом. Наивность, прежде всего, заключается в мнимом продолжении психических образов за их собственные грани, туда, где их нет и быть не может. Человек или наука творят некий идеальный мир с идеальными объектами. Идеальность хороша тем, что ее можно подбирать, подгонять. Возникают модели или картины мира. Некое обратное воздействие можно испытать, конечно, не от них, но от попыток наложить эти модели на прагматику и испытать их на ней. Субъект всякий раз имеет дело с фактором или факторами икс, но вовсе не с мифическим сущим. Это вам не столы, стулья и планеты. Грубо говоря, субъект играет в жмурки.

Как бы случайно, вскользь, словно бы необязательно X-р употребляет слово "ничто": "То, с чем работает вторгающееся в мир исследование, есть само сущее — и сверх того ничто". И вдруг ни с того ни с сего, с бухты-баряхты переключается на него полностью. Подобное нельзя даже назвать ораторским приемом. Требуется иной термин для обозначения такого псевдоассоциативного перехода. Изобильный каскад слов о ничто сводится у X-ра к одному и тому же: "Наука не хочет ничего знать о Ничто". Одна-

ко далее Х-р заявляет: "С той же очевидностью, однако, остается верным: когда она пытается высказать свою собственную суть, она обращается к помощи Ничто". Первый тезис кажется неоспоримым, но слышал ли кто-либо о втором? В любом случае риторическая интрига создана, по крайней мере, ее видимость. Однако не надо забывать: во втором тезисе нет никакой очевидности, нас элементарным образом надувают. Никакой Ипполит Тэн не спасет от такого обвинения. А почему было не пролистать это место? А потому, что здесь уже рисуется будущий разлюбленный Сартр. Вместо того чтобы объявить небытием трансцендентальное и intersubъективное, Сартр хоронит в ничто живое и реальное сознание.

Нет никакого стыда и смущения в словах Х-ра по поводу ничто: "Наука с высокомерным равнодушием по отношению к нему оставляет его нам как то, что «не существует»". А как же математика? Что есть ноль? Да и все объекты математики, что они, как не призраки в небытии? А остальная наука? Ее объекты — муляжи, состоящие из ничто. Как и человеческое восприятие, наука работает донельзя косвенно и напрямую не вникает в запредельное, но иллюзии восприятия реальны и частично бытийны, а муляжи науки такими качествами не обладают. Они суть фиктивное псевдопродолженное восприятие. Нет зримого мира за нашим затылком. Повернем голову, поставим зеркало — детские шутки. Наука нам похожие шутки и подсовывает. Практически полезно? Полезно, но не более того. Фундаментальности — тот же ноль.

"В самом деле, Ничто есть отрицание всей совокупности сущего, оно — абсолютно не-сущее". Наоборот! Хайдеггеровское сущее и есть ничто, его нет. Оно в мнимом фокусе мнимого восприятия, то есть искусственно продолженного восприятия. Эта искусственность может показаться естественной, поскольку вытекает из инерционно созданных модусов практики. Сути это не меняет. Какое же ничто, если это ничто наполнено? Оно наполнено ничем иным, как понарошечностью, то есть ничем, поскольку понарошечность внутри постсубъекта, но не объекта.

Сделав заявление о позитивности объектов в науке, Х-р пока витает в облаках по вопросу ничто. Без особых аргументов он приходит к мнению о первичности "Ничто" по отношению к "Нет" и "отрицанию". Выискивая и перебирая варианты о возможном нахождении и статусе ничто, Х-р вдруг объявляет: "Ничто есть полное отрицание всей совокупности сущего". При этом как бы извиняясь, он утверждает, что делает это объявление на скорую руку, но тем самым зачеркивает свой предыдущий пиетет в отношении к "сущему". Однако фраза, остается только фразой, одной из многих. Ведь Хайдеггер не философ при философии, но философ при обыденности, а через обыденность — немного и при науке. Смотреть далеко и глубоко он может только на древних греков, но даже их видит на свой лад. Особый случай — эмотивные и иные витальные пространства. Иногда Х-р их усиленно разжигает и увеличивает. "Сущее" в момент подобных внезапно возникших или искусственно созданных озарений — вовсе не сущее, как считает Х-р, но особое внутрисубъективное явление. Оценить здесь кажущуюся причастность философско-поэтическому космосу не всегда возможно. Как и следовало ожидать в рассматриваемом контексте, от подобного рода положительных настроений Х-р перешел к ощущению универсального ужаса.

Переживание отрицательного бытия, либо отрицательности бытия нельзя сравнивать с ничто-нулем, поскольку отрицательное находится по ту сторону ничто. Отрицательное можно связывать и с разрушением нейтрального из-за ухода положительного. А ничто, особенно для математика, просто распрекрасно.

"В ужасе происходит отшатывание от чего-то, но это отшатывание — не бегство, а оцепенелый покой. Отшатывание исходит от Ничто. Ничто не затягивает в себя, а сообразно своему существованию отсылает от себя. Отсылание *от* себя как таковое есть вместе с тем — за счет того, что оно заставляет сущее ускользать, — отсылание *к* тонущему сущему в целом. Это отталкивание-отсылание *к* ускользающему сущему в целом, отовсюду теснящее нас при ужасе, есть существо Ничто: ничтожение. Оно не есть ни

уничтожение сущего, ни итог какого-то отрицания. Ничтожение никак не позволяет и списать себя на счет уничтожения и отрицания. Ничто само ничтожит". Вполне литературно, но масса путаницы. Так рассказывают мифы. Вдобавок "сущего" и без того нет, подразумевается всплеск представлений.

Еще перл: "Человеческое присутствие означает: выдвинутость в Ничто". Можно говорить только о неполнобытности субъективного сознания.

"Это выступание за пределы сущего мы называем трансценденцией". Слабый неточный намек. И не за пределы "сущего", а нацеленность за пределы сознания, за пределы феноменов. Привлекать сюда ничто не обязательно, да и ненужно. Нашел Архимед точку опоры!

"Ничто — источник отрицания, не наоборот". Опять-таки разное. Лучше бы говорил об отрицательном наличии. Ничто всегда одинаково, а отрицательность может усиливаться или уменьшаться.

"Сама идея «логики» расплывается в водовороте более изначального вопрошания". Еще не дошел Х-р до тех интересных пределов. Слишком далек от проблем возникновения всего.

"В вопросе о Ничто такой выход за сущее в целом имеет место". В прямом понимании — нет.

"В каком смысле вопрос о Ничто пронизывает и скрепляет собою совокупное целое метафизики?" Перебор! Далеко замахнулся. Скорее уж раскрепляет. Ничтожность хайдеггеровского "сущего", то есть набора наивных прагматических фикций, как раз заслоняет метафизические объекты, подменяет их собой.

В качестве дополнения: "Вместе с тем если Бог есть Бог, то знать Ничто он не может — постольку, поскольку «абсолют» исключает из себя всякое «ничтожество»".

"Наше научное бытие..." Оксюморон! К тому же метафизика и наука несовместимы.

Разумеется, метафизика за пределами "сущего", но заявление "Она и есть само человеческое бытие" выглядит слишком самоуверенным.

"Философия — то, что мы так называем, — есть приведение в движение метафизики, в которой философия приходит к себе самой и к своим настоящим задачам". Небесмысленно, но и безукоризненно. Лучше бы без метафор.

Подстрижено и оставлено для дальнейшего вдохновения:

"...свободное отпускание себя в Ничто, т. е. избавление от божков, которые у каждого есть и у которых каждый имеет обыкновение прятаться; наконец — допущение размаха этой безопорности, чтобы в своих взлетах она постоянно возвращалась к основному вопросу метафизики..." К сожалению, этот основной вопрос фактически не бы назван.

* *

К определению бытия до перехода к SZ.

Бытием можно считать всё, что реально. Бытие тождественно реальности. Таким образом, бытие это субъективная или объективная реальность. В нынешний момент понимания прошлое и будущее не являются бытием. Однако при последующих уточнениях можно будет заявить: бытие это субъективное здесь-теперь-так, то есть субъективное настоящего мгновения, а в объективном плане — вневременное объективное. Тем самым мы имеем два бытия: мгновенно схватываемое субъективное и трансцендентную вещь в себе вне времени и обычного пространства. О возможной неполноте или полноте бытийности я говорил. Хайдеггеровское *Seiende* ("сущее") для нас вполне прозрачно.

Позиции Хайдеггера, конечно, заведомо чужды.

§ 2. Формальная структура вопроса о бытии

Переходы искание — спрашивание — допрашивание — выведывание — выспрашивание выглядят несколько смешными.

"Спрашивание само как поведение сущего, спрашивающего, имеет свой особый характер бытия [В подлиннике: *Das Fragen selbst hat als Verhalten eines Seienden, des Fragers, einen eigenen Charakter des Seins*]" . Спрашивает не субъект — он формальность. Спрашивает не сущность, ибо она идеальна, как голая геометрическая фигура. Спрашивание может возникать только в мыслях. А по философской сути (а не по бытовому разумению) мысли никому не принадлежат, хотя они порождаются в сознании конкретного субъекта. Фрагменты мысли внутри сознания, сложная целая мысль — в пакете индивидуальных сознаний. Единичное реальное сознание контактирует с ней несколько косвенно. Существование сложной мысли (а значит и длительно произносимого вопроса) не идеально и не реально. Ее существование может быть только истинным. Здесь нет ничего особенного и нет никакой хитрости. Так наши прошлые сознания уже нереальны, но они вполне могут считаться истинными. Перед нами три возможности: реальное, истинное и фиктивное (идеальное). Однако во многих случаях прошлое реальное лучше никуда не относить, либо считать условно фиктивным, поскольку контакт с ним или его полная проверка невозможны, а в настоящий локус времени или близкие к нему локусы времени всё прошлое сильно искажено и обычно предстает в ложной перспективе. С отдельной мыслью всё может обстоять иначе, поскольку она, в особенности недавняя мысль вполне уловима и естественным образом не попадает в разряд фикций. Чисто идеальным является только заведомо непредставимое, в частности логически противоречивое. Абстрактные объекты классической геометрии противоречат логике благодаря способу обобщения.

Х-р говорит о спрашивании и как уточнении, разъяснении в процессе спрашивания — как о эксплицитной постановке вопроса и переходит к смыслу бытия. "Как искание, спрашивание нуж-

дается в опережающем водительстве от искомого. Смысл бытия должен быть нам поэтому уже известным образом доступен". "Эта усредненная и смутная понятность бытия есть факт".

Итак, если иметь в виду исходные посылки, а не конечные выводы, то можно заметить, что Хайдеггер гораздо ближе к принципу естественного ментализма, чем ушедшие в искусственные построения Гуссерль и Сартр. Зато у него есть другие неприятные особенности. Так он чрезвычайно любит витализировать свои филологические изобретения. Хайдеггер пользуется тем, что задолго до него практиковали всякого рода жрецы. Психика слишком пластична! Возьмите себе и подумайте/не подумайте что-нибудь о красном козле или белой обезьяне. Кто-то попробует откреститься, но Х-р дает свои словеса, словно мантры и на разные лады их повторяет.

"Поскольку спрошенное составляет бытие, а бытие означает бытие сущего, опрашиваемым бытийного вопроса оказывается само сущее /*Sofern das Sein das Gefragte ausmacht, und Sein besagt Sein von Seiendem, ergibt sich als das Befragte der Seinsfrage das Seiende selbst*"/. Здесь видна разница с поздним Хайдеггером, который вряд ли напрямую и без оговорок заявил бы: "*Sein besagt Sein von Seiendem*". Нам же известно одно: хайдеггеровское "сущее", как правило, небытийно, нереально. Частичное исключение связано с поворотом в сторону присутствия /*Dasein*/. Частичное именно потому, что не всё рассматриваемое Х-ром как присутствие может быть реальным, возможна излишняя приплюсовка трансцендентального и здесь. В *Dasein* реально только сугубо феноменальное в настоящем локусе субъективности (а не в прошлом или будущем). Именно оно обладает статусом неполной реальности, а всевозможные надстройки над ним (постсубъект) нереальны, фиктивны, идеальны, небытийны. Нельзя, как это делает Сартр, считать надфеноменальное сознанием. Сартр неправ, но у него хотя бы расчленено то, что у Хайдеггера катастрофически перепутано уже на старте размышлений. Перемешивание феноменологии с обыденными фикциями идет у Сартра задним числом и как бы невзначай.

Говорить "сущее" бессмысленно, не поясняя какое именно это сущее. Х-р вопросом о статусности и разнокалиберности⁹ своего "сущего" даже не задается и пытается даже чистить логические основы своих безответственных размышлений, задаваясь проблемой круга /Zirkel/ в переходах представлений о бытии и "сущем". Несоразмерность претензий кладет довольно мрачную тень на все его старания.

§ 3. Онтологическое преимущество вопроса о бытии

"Вселенная сущего [des Seienden] может по своим разным сферам стать полем высвечивания и очерчивания определенных предметных областей. Последние, напр. история, природа [Natur], пространство, жизнь, присутствие, язык и т.п." И всего только? Из перечня выпадает только присутствие /Dasein/, остальное сливается в одно. А где находящееся по ту сторону присутствия? Его почему-то нет. Не прояснено слово "жизнь" /Leben/, но не думаю, что Х-р нам здесь предлагает нечто необычное. И биологическая и "психическая" жизнь попадают в псевдосреды, то есть присоединяются к уже слитому в одно. К счастью, "психическая" жизнь (модели психологов, психиатров и самих субъектов) не есть сама психика.

Х-р коснулся теологии.

У Библихина: "Теология ищет... ..толкования бытия человека к Богу".

У Хайдеггера: Die *Theologie* sucht... ..des Seins des Menschen zu Gott. Перевод точный, но некоторая возможность предлогов "в" и "по". Полные фразы:

1. Теология ищет более исходного, предначертанного смыслом самой веры и остающегося внутри нее толкования бытия человека к Богу.

2. Die *Theologie* sucht nach einer ursprünglicheren, aus dem Sinn des Glaubens selbst vorgezeichneten und innerhalb seiner verbleibenden Auslegung des Seins des Menschen zu Gott.

⁹ Основная масса хайдеггеровского "сущего" — философски несуществующее.

В сухом остатке: Des Seins zu Gott [Бытия к Богу, то есть бытие к Богу (иначе: по Богу, либо в Боге)]. Всякий ли воспримет это "бытие к богу"? Х-р подразумевает не здесь-теперь-бытие, по своей привычке сливает бытие с историей субъекта (и даже, к сожалению, человека). У него получается: жизнь человека, направленная к богу. Некий идеал, который неизбежно проходит мимо теологии, за отсутствием у нее нужного инструментария, а потому-то речь идет всего лишь о толковании. Да и вряд ли это главное для теологии. Мы специально подробно остановились на этом пункте, чтобы выяснить, нет ли хотя бы здесь выхода из хайдеггеровской сферы мертвого "сущего" и выяснили — нет. Остается лишь надежда на пресловутое Dasein или его окрестности, поскольку жив и реален только всплеск здесь-теперь-так.

На основе фикции "сущего" Х-р пытается высмотреть через общечеловеческие сферы (в том числе, науку) некоторые третичности, а именно: Grundstrukturen, Grundbegriffe, Grundverfassung (основоструктуры, основопонятия, основоустройство). Сколько бы не ссылался Х-р на Платона и Аристотеля, не считал эти третичности лучше "хромающей вслед за ними «логики»" [der nachhinkenden „Logik“], мы знаем одно: философия науки чрезвычайно слаба.

Еще слава богу, невзирая на всю путаницу, у Х-ра: "Онтологическое спрашивание, в противоположность онтическому спрашиванию позитивных наук, исходнее". [Ontologisches Fragen ist zwar gegenüber dem ontischen Fragen der positiven Wissenschaften ursprünglicher.] Онтическое в данном случае у Х-ра означает "сущейные" вопросы, спрашивание о "сущем". При этом Х-р не может понять, что бытийный вопрос совсем не касается позитивных наук, что априорность они должны искать в другом месте. У Х-ра перемешивается онтологическое и трансцендентальное. А в норме онтология должна быть направлена на трансцендентное. "Сущее" таковым не может быть. Онтология (и даже предполагаемые онтологии) вовсе не фундируют "онтические науки". Метафизическое и постсубъект прямо противоположны и находятся по разные стороны от субъективного здесь-теперь-так. Именно по-

этому скромнейшие достижения в области метафизики никоим образом не коснутся позитивных наук.

§ 4. Онтическое преимущество бытийного вопроса

В соответствии с вышесказанным название этого параграфа представляется абсолютно бессмысленным. А если мы припустим сюда какие-то натянутости, передергивания, допущения? Х-р их и без того делает. Как-то нелепо считать реальное присутствие "сущим", если "сущим" считаются несколько кривые, но полезные "образы бытия", поставляемые наукой. Но ведь наука пытается продолжать образы присутствия! Продолжает она их в области рассудочных фикций, которая реальностью в полном смысле не может быть названа и имеет сильный запах небытия. Иллюзорность нашего присутствия вполне наглядна, но это живая иллюзия. Это та площадка, из которой мы, играя в рассудочные жмурки, пытаемся использовать незримое с помощью незримого, основываясь на выводах из эфемерных образов. Важно то, что эта площадка в качестве философского лужка имеет фундаментально иной статус, чем все данные наук вместе взятые. Это принципиально иная среда. Обозначать разные среды одним и тем же термином абсурдно. Х-р совершает примерно те же ошибки, что и Николай Гартман. Отсюда слово "онтический" способствует не меньшему замыливанию истины, чем и слово "сущее". Х-р это чувствует и пытается спасти положение с помощью филологии: "Онтическое отличие присутствия в том, что оно существует онтологично". [Die ontische Auszeichnung des Daseins liegt darin, daß es ontologisch ist.] "...что оно онтологично", то есть в немецком варианте четче видно беспардонное перемешивание "онтического" с онтологическим. Х-р идет на новое сглаживание конфликта терминов: онтологичность Dasein у него имплицитна, а настоящая онтология де эксплицитна, и в связи с этим вводит приятный на вид термин "доонтологическое". Поиграем в слова и мы: досубъективное претендует на полноту бытия и не имеет никакого отношения ни к какому "сущему", а назван-

ное "доонтологическим" (я-среда, присутствие, но вовсе не собственно "я") при наличии сосредоточения легко обращается в философский лужок. Но Х-р так-таки страстно пытается протащить сюда свое нелепое "сущее", но отличное "способом понимания бытия" [...in der Weise eines Verstehens von Sein.]. Он все-таки признается: "...сущностно определить это сущее через задание предметного что нельзя..." А экзистенцией он именуется бытие, к которому Dasein "может так или так относиться и всегда как-то отнеслось". Довольно расплывчато. Неопределенным образом у Х-ра сюда примешано и время. Всё равно, что ничего не сказать. Вот эта фраза: Das Sein selbst, zu dem das Dasein sich so oder so verhalten kann und immer irgendwie verhält, nennen wir *Existenz*. Изложено черным по белому.

"Присутствие понимает себя всегда из своей экзистенции, возможности его самого быть самим собой или не самим собой". Но слово "экзистенция" опорочено! Куда идти дальше! А вот чуть вразумительнее: "Об экзистенции решает способом овладения или упущения только само всегдашнее присутствие". Ох, и далеко эта экзистенция может разлиться, а упустить присутствуемость (здесь это менее казенное словечко больше подходит для перевода термина Dasein) может еще больше. Только вдобавок смущает слово "всегдашнее", но (не будем ругать Бибикина; как мы без него) *jeweiligen* гораздо элементарнее переводится словом "теперешнее"¹⁰. Тогда мы окажемся на саниметр ближе к собственно философскому лужку здесь-теперь-так. Это чувствуется даже кожей.

Новые попытки прояснения через элементы некоторого замыливания: "Вопрос экзистенции должен выводиться на чистоту всегда только через само экзистирование (Existieren). Ведущую при этом понятность (Verständnis) себе самой мы именуем экзистентной (*existenzielle*)". А можно было выразиться по образцу математики: "экзистентой", но Х-р все же использовал прилага-

¹⁰ У Хайдеггера: Die Existenz wird in der Weise des Ergreifens oder Versäumens nur vom *jeweiligen Dasein selbst* entschieden.

тельное. А дальше он говорит о структуре и зря, поскольку это понижает витальность терминологии. Лучше бы говорить не о вписывании в структуру, но о соприкосновении с ней или наложении на нее. Структурность понижает статус витального всплеска. Вырождение бесструктурного в структуру — одна из философских загадок. Она по ту сторону субъекта и имеет прямое отношение к появлению субъективного времени. Раздробленность субъективного сознания — симптом неполным образом сплавившейся полисубъективности. Говоря об "онтологической структуре экзистенции", Х-р смотрит не в сторону полного бытия и никакого "осушения" сознания у него не выходит. Зато выскокить за рамки субъекта ему хочется, пусть и другим способом, чем Н. Гартману. Фикции Х-ра больше напоминают камлание шамана. И это не столько фикции рассудка, сколько фикции эмотивности и "намоленности".

"Поскольку стало быть экзистенция определяет присутствие..." Как раз не дано знать, что чего определяет. Рождено — как рождено. Из всплеска тик-так всё не увидеть, а за пределами тик-так ничего нет. Не надо примешивать догмы висящего в небытии трансцендентального. В том числе "Seinsverfassung (бытийный узор) сущего, которое экзистирует". Если перевести Seinsverfassung словом "бытийное устройство" (как у Бибикина), то будет совсем плохо, поскольку "внутреннее сущее" тогда окажется уподобленным подозрительному внефеноменологическому прагматическому. О "подсущем" субъективного "сущего", как правило, ничего нельзя говорить вследствие разнородности этого хайдеггеровского Seiende.

Науки суть способы присутствия быть... [Wissenschaften sind Seinsweisen des Daseins...] У феноменального поля забирают Dasein и отдают косвенности наук. Куда мы катимся, как не на обгон Н. Гартмана? В таком случае, долой философию вообще! Чего стоит подобное Dasein? Ничего.

"Присутствие имеет таким образом многократное преимущество перед всяким другим сущим". Именно потому, что оно вовсе не "сущее". Нельзя смешивать расплывающуюся субъективную

реальность с идеальными прагматическими положенностями. Дальнейшее теоретическое паразитирование на видоизмененных или нововыдуманных терминах после подобного смещения уже не выручит. И далеко не всякое Dasein онтологично. Для онтологичности требуется как минимум сосредоточение на вещи в себе, попытка трансценденции. И разумеется, неполное бытие никак не может вобрать в себя или как-то отразить в себе бытие полное. По крайней мере, в штатном порядке. Требуется актуальный уход от соотношений и всех количественных характеристик, то есть не просто трансформация сознания, но — метаморфоз в бесформенность, возврат в бесструктурность-вневременность.

Далее разбирать SZ, а равно прочие произведения Хайдеггера представляется бессмысленным.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АБЕРРАЦИИ Ж.-П. САРТРА

ВВЕДЕНИЕ

Почему здесь выбран Сартр? В достаточной степени его можно считать последним философом. Философия новой Европы начинается французом и французом заканчивается. Структурализм, постструктурализм и соответственно постмодернизм живут в собственных сферах, как правило, далеко не философских.

Что плохо в Сартре? Почти всё, что от Гегеля, Гуссерля, Хайдеггера.

Что хорошо? В отличие от названных господ он изредка пытался сказать нечто сокровенное, выходящее за рамки пустой бумажной схемы. Крышка ларчика открыта: как мыслитель-прозаик Сартр сильнее, чем...

Итак, аберрации и проскоки. Прежде всего это заимствованная у Гуссерля попытка сохранения наивного реализма. Вот рассуждение Сартра о белом листе бумаги. Он всерьез говорит о нем как о вещи и при этом различает существование в образе и в реальности. Довольно странно. Сартр вроде бы демонстрирует нам свою эрудицию, понимание сути вопроса, но затем же свое понимание зачеркивает гуссерлевскими догмами.

Ничто в принципе может быть хорошо, но есть шансы рассуждения и о степени ничтожности. Так разум ничтожнее сознания, конкретная научная картина мира ничтожнее обывательского восприятия здесь-теперь.

По большому счету небытием можно назвать сами по себе цвет, форму, пространство. Что в восприятии наиболее бытийственно и менее всего ничтожно? Только чувство присутствия. Всё прочее вполне могло бы быть и иным. Мир не только навязан, он заваливается логически. Однако субъективная реальность — реальность. И образ, и перцепция. Статус объективной реальности — только у трансцендентного.

Je — не более чем прагматическая условность, moi — нечто философски значимое. Вряд ли имеет смысл сплавливать их в единое, то есть в эго по Сартру. Сюда нужно добавить и злоупотребление словом объект. Объект в субъективном мире — заведомая фикция. С термином "трансцендентное" у Сартра обстоит не лучше. Похожим образом феноменологическое постоянно переплетается у Сартра с практическим, что никуда не годится.

"Другой внедряется в мою субъективность и меня-субъекта делает своим миром". Подобное просто невозможно, такого рода метафоры недопустимы в философском рассуждении. Аналогичное можно заявить и о взволнованном субъекте, и о волнующем объекте. Сартр отрицает реальность экзистенциалов, а зря.

"... в сознании субъект имеет дело с образами, а в действиях — с объективным миром..." Ничего подобного. Даже представления о пантографе не спасают положения. Мягко выражаясь, субъект вообще не действует. Его переключает. Конечно, он прикладывает усилия, но усилия — не совсем действия, как и апперцепции действий. И не может существовать действие в трансцендентном. У метафизического — иной расклад.

Бытие-для-себя, якобы сознание, оказывается чем-то вроде нелогичного разума. Кажется, подобный эпифеномен не может не быть свободным, однако на деле он, тем не менее, собственно свободным не оказывается.

Реально нет ничего трансцендентального и быть не может. Какая еще система принципов сама по себе! Фактуально нет места риторической бухгалтерии. В наличии ментальные пласты и зоны, в которых нет духов и гомункулусов. Одного чувства присутствия недостаточно для их оживления. Разного рода соматические ощущения не имеют феноменологического приоритета перед прочими. "Рефлексия" носит децентрированный и деперсонализированный характер. Скачки внимания, сосредоточенности, концентрации — только обволакивания малодифференцированными труднолокализуемыми ментальными зонами дифференцированных, в том числе представляющихся перцепциями. Мало-

развернутое малоструктурное как бы сшивает развернутое и структурное.

В методах Гуссерля, заимствованных Сартром, немало нелепостей. Рефлексия по Гуссерлю — рассмотрение, вместо обычных предметов и целей, субъективного опыта, в котором они являются, но беда в том, что собственно практические предметы и цели — внепсихичные условности, которые должны были быть изъяты с самого начала философского рассмотрения из-за своей фиктивности. Вообще говоря, рефлексия отсутствует как феноменологический факт.

В первом параграфе своей главной работы, Сартр хватается сразу за Ницше, Гуссерля и Хайдеггера, пытавшихся в той или иной степени реабилитировать наивный реализм; пользуется отчеловечески-идеалистичным (в т. ч. неданное), относительно распространенным, но исторически многозначным, в этом смысле малоудачным, фактически лишним во многих контекстах термином "сущее"; всячески апеллирует к общему желанию уйти от дуализма; ссылается на успехи естественных наук, якобы закрывших (!) проблему кантовского ноумена; делает заявление об относительной абсолютности (!) феномена: "Тем, что он есть, он есть абсолютно, ибо он себя разоблачает, *как есть*". Не от фирмы ли "Майкрософт" мы это слышим? Тогда у нас абсолютно всё абсолютно!

"Феномен можно исследовать и описывать как таковой, потому что он *абсолютно изъясляет самого себя*". Это из какого кино? Как бы обрадовались редкие у нас исследователи восприятия, если бы так именно и обстояло дело. Схватился — как схватился, дался — как дался, но уместно ли здесь слово "абсолютно"? Явление какого-либо даже узко понимаемого феномена связано со степенью включенности и акцентуализацией всего остального сознания. То, что дается в одно-два мгновения, во многих случаях — уже не феномен. Отсутствие или наличие воспоминаний о недавнем феномене — не критерий, база "абсолютности" подрывается всевозможными способами. В словосочетании "изъясляет самого себя" так и хочется заменить глагол на "изъязвляет".

"...в конце концов, сущность, будучи основанием ряда, есть не что иное, как связь явлений, то есть она сама – явление". Гм... Это вообще не для сферы чистой философии!

По совершенно кривой логике у Сартра феномен оказывается объектом. "Чашка не есть Я, а значит..." Опять у нас гомункулус варится в реторте! Мы видим пустую игру в конечность и бесконечность. А ведь очень большое, реально не перечислимое число — вовсе не бесконечность! По Сартру нелепо, если былые образы не появятся вновь, но они действительно не появятся. Нельзя и одного раза в одну и ту же реку... Кроме того, явление у него не есть часть условной рамки, именуемой субъектом. Идет постоянный сбой на риторику, как у немцев. Риторическим рядом, математической фикцией (отношением к ряду) Сартр пытается подменить ноумен. Трансцендентным Сартр называет не нечто космологическое в философском смысле, но... всё ту же чашку. На редкость оригинально вышел человек из дуализма. Сартровская развернутость феномена в ряд до тошноты напоминает схоластику. Никакой Пруст подобное не растущет. Но и вполне конечного Пруста Сартр отправляет в немецкий театр, а точнее в немецкую бухгалтерию воображения, заявляя о бесконечности точек зрения на его творчество. Выбирайте, господа-товарищи, либо философию, либо математику. Даже сама бесконечность — не что иное как арифметическая фантастика: ни в космологии, ни на этой грешной планете никакой бесконечности нет. Бесконечности нет и на практике, не говоря уже о реальных феноменах. Даже если мы сделаем себя неисправимыми фантастами, мысленное стучание по бесконечным математическим рядам ничего не сдвинет ни в гносеологии, ни в онтологии, а Ж.-П. Сартр чудесным образом проваривает здесь своего гомункулуса. Коацерваты в математическом бульоне не зарождаются.

А появляются здесь всего-навсего беспардонные протоатомы постмодернизма. Конечно, постмодернизм беспардонен по самой своей природе. Однако причём здесь философия? В субъекте и за его пределами нет не только бесконечного сартровского ряда явлений, но и вообще большого ряда. Где-то раз-два-три-четыре, максимум семь. Всё прочее моментально проглатывается как в

перцепции, так и в апперцепции. Ахинея может существовать только в специально заданной идее, а ее нигде нет, всякая абстрактная идея условна, она как бы есть, но ее нет. У нас рисунок на небытии. С целью оправдания Сартр просто вынужден апеллировать к ничто, иначе ему не отмыться от алогичной чертовщины. С другой стороны, с помощью речевой эквилибристики он отделяется от метафизики.

Далее мы остановимся только на работе "Бытие и Ничто". Ссылаться будем не на страницы и строчки (в унифицированной электронной форме подобное исчезает), а на разделы и подразделы, которые в дальнейшем и будем ставить в заголовки.

2

ФЕНОМЕН БЫТИЯ И БЫТИЕ ФЕНОМЕНА

Конечно, у Сартра здесь неполное, неполноценное бытие. О его подпорках здесь говорить рано. Определенным образом это бытие в своем роде даже закруглено, особенно если подразумевать незрительные феномены. Но Сартру не терпится, он сразу бросается в глубину: говорит о приступах тошноты и скуки. Это вам не чашка.

"...онтология будет описанием феномена бытия..." Увы, здесь повторяется Хайдеггер. Если школярская онтология есть учение о бытии, то почему бы описанию бытия феномена или наоборот не быть онтологией или ее частью? А если не описывать? Хватит фенологии, идите к матушке природе и работайте там натуралистами. Дабы не вязнуть в риторике, проще ограничиться указаниями-соотнесениями. При уходе от фундаментальности самих этих описаний мы уничтожаем остатки Хайдеггера. Нет описаний — нет онтологии. Онтологическими тогда окажутся только указания на вещь в себе. Никаких чашек, деревьев и стаканов.

Феномен бытия? Звучит неплохо, но касается лишь соотнесений здесь-теперь-внутри субъекта. Фактически Сартр по старой средневековой традиции реанимирует платоновское царство идей, но на уровне немецкой бухгалтерии. Правда, идея Тошноты

— вовсе не идея, в любом случае здесь чуть-чуть попахивает метафизикой. Однако Сартр нелепейшим образом нам предлагает перейти от данного оттенка красного к... сущности последнего, да еще восторгается при этом. Ох, Краснота — вовсе не Тошнота, поскольку не является экзистенциалом.

"... не быть здесь — значит быть где-нибудь еще". Какое-то вульгарное скатывание в фикции. Аналогичное можно сказать и о разваливании субъективного предмета на аналитические качества. Называть субъективный предмет объектом не совсем хорошо. Проще говорить о прагматическом объекте, но это уже идеализм, выводящий за грань философии.

Вообще данный подраздел сильно нуждается в уходе от традиционной терминологии. Иначе уже близко шаманские танцы постструктуралистов.

3

ДОРЕФЛЕКСИВНОЕ COGITO И БЫТИЕ PERCIPERE

Очень соблазнительно было бы сказать: "...бытие явления есть его явление". Однако фактические явления внутри рамок субъекта слишком уж мимолетны. Нет никакого римского права отвлекаться от психологической действительности и подменять ее догмами инерции. Гуссерлевский чистый феномен — на самом деле чистейшей воды блеф. В реальной перцепции всё меняется в доли секунды. Мы оперируем не с являющимся, но с прагматико-стереотипными (прагматико-идеалистическими, условными) чашками и площадками. Это у нас вроде бы получается, но онтологии здесь нуль. Наши действия вынужденно опираются на автоабстракции.

"Если всякая метафизика в действительности предполагает теорию познания, то и в свою очередь, любая теория познания, предполагает метафизику". Вот все не так — надо бы сказать. Ни в первом, ни во втором случае. Даже ом мани падме хум обойдется и без теории, а теория на то и теория, чтобы иметь шанс оказать-

ся завиральной. В дальнейших пояснениях Сартра можно увидеть и антифилософскую позицию Витгенштейна (отсутствие вопроса о статусе логических утверждений). Из ошибочной формулы провидца Беркли (еще достаточно узкий слой!) вырастают затем и бытийные чудовища Хайдеггера.

Пока не будем подробно говорить о трансфеноменальном Сартра (а он пытается отождествить его с сознанием), но трансфеноменальное у психологов — миф, карта-фикция того же примерно типа, что и фрейдовское подсознание или фокусы советской психологии-физиологии наподобие "установки", "акцептора действия", "памяти" и тому подобного. Конечно, установка имеет реальные корреляты (как и память — воспоминания), но не полный вид, полагаемый психологами.

Люди, пока они не трупы, — вынужденные идеалисты. Насквозь идеалистична вся наука. Однако философия быть таковой не обязана. Иначе она вообще не нужна. Ее задача и заключается в выискивании кардинальных дефектов обыденного и научного знания.

Поэтому достаточно и одного прыжка от действительности, второй — не требуется, соответственно не требуется удостовериться "в бытии знания".

"Таким образом, *regrīri* [воспринимаемое — вне цитаты.] отсылает к *regrīriens* [воспринимающему], познаваемое — к познанию, а последнее — к бытию познающего, поскольку оно *есть*, а не поскольку оно познано, то есть оно отсылает к сознанию", — утверждает Сартр и ссылается на Гуссерля. Ошибочка, господа! Здесь и завелся у вас червячок. Ничего никуда не отсылает, именно отсюда идет традиционный фантастикум. Дикари одушевляли явления природы, а что делают наши мыслители? Хотя бы специй для обмана вкуса добавили. Мало ли что у нас есть в обыденном смысле. Фактичен лишь обертон присутствия, а ему сопутствуют всякого рода естественные фикции — идеализм на бытовом уровне. Сознание? Этот термин прикладывают к слишком разным вещам. В сугубо философском смысле воспринимающий восприятию (и соответственно воспринимаемому) не нужен. Соотношение познаваемое — познание условнее и много-

этажнее, но его суть в том же. О "направленности" мы уже говорили, Гуссерль изменил и ухудшил понятие "ноэзы". А под термином "интенция" (от него уже никуда не уйти) лучше понимать здесь-теперь удерживаемую смысло-чувственную свернутость, способную несколько развернуться и частично расшифроваться через представление.

Чувство присутствия — только один из интегративных феноменов суммарного восприятия, как "внешнего", так и "внутреннего". Реально и апперцепция — своего рода перцепция, кажущаяся произвольной, то есть восприятие. Промежуточных градаций — масса. Имеется единый, но негеометрически расслоенный, перебивающийся оттенками, кисель ментальности. Его бытие иллюзорно, но реально. Даже "субъект" оказывается припиской (либо пустое именование, либо незримая, несуществующая рамка, вмещающая названный кисель). Инертно возникающие, заимствованные и прочие поправки-конструкты по своей сути не лучше птолемеевских эпициклов. Коли до поры до времени работают — значит работают, а существование их — никакое. Более или менее представляться они могут лишь частично и заведомо не могут быть чем-то фундаментальным.

Сознание у Сартра — "измерение трансфеноменального бытия субъекта". Звучит красиво, но по смыслу не лучше метафорических значений, которые постструктуралисты придают математическим терминам. Так высказывание "у сознания нет «содержания»" скатывает нас опять к бытовейшему смотримому и смотрящему. У Сартра идет смешение внутрисознательных данностей с якобы трансцендентными чашками и плошками. Он смешивает прагматический стол, стоящий у окна, с феноменами. Зачем исключать вещи из сознания, если их там никогда и не было? Прокручивание реальных всплесков смысла как бы соответствует прокручиванию несуществующей (идеальной) прагматики. Фактически к жизнедеятельности приспособливается не столько сознание, сколько отбрасываемые смыслами конструкты. Они-то и есть истинное небытие. Феномены же — в сознании, иначе мы бы вообще о них ничего не знали, не осознавали их. Если вещь в себе — до субъективного сознания, то конструкты — после него.

Не во времени, имеется в виду. Целое сознание само по себе никуда не направлено. Сложнее говорить о его составляющих. Вроде бы эта мысль направлена сюда, а эта на нечто другое... Однако в действительности? Есть мысль, а есть идея. Идеи — только механические продукты мышления. Они могут быть какими угодно. Именно они являются поправками реальных феноменально данных смыслов, но даются они понарошку, а потому являются ничем. То, что нам кажется сосредоточенностью — не есть направленность. Идет перетопология внутри зон и пластов ментальности.

Сартр никак не может избавиться от гомункулуса, у него обязательно сознание самого себя (познающего). Выглядит всё это учено, но дикарски. Фактически в представление о "самом себе" вводится всевозможная необязательность, либо сугубая спрятанность. Однако сознание достаточно прозрачно и наглядно. И целое, и частное. Того, чего в нем нет — того нет. Ощущение присутствия вовсе не есть познающий или сознающий. И в современных философских текстах мы имеем дело с фетишизацией обыденных кажимостей и мнимых умственных продуктов, отбрасываемых в небытие. Эти мнимости часто непредставимы, но обладают механистичной рассчитываемой, расчерченной структурой, а также интерсубъективно-межчеловечески удобны. В них стерты всевозможные индивидуальные особенности ПСИХИЧЕСКОГО (реального, феноменального) мышления и предельные мимолетности, никак не вытаскиваемые во внятную теорию. И на практике никому нет дела, как именно всякий подходит к этой искусственной постсубъективной архитектуре. Язык не поворачивается называть этого монстра знанием, но в противном случае знанием словно бы окажутся его проглоченные и поглощенные корреляты в подложке субъективного. А о них никто не скажет ничего путного.

"Всякое сознание полагает, когда выходит из себя, чтобы достичь объекта..." Это про мышшь или ежа? Сартр откровенно не знает, о чем говорит. Дабы действительно подойти к теме, требуется освобождение от стереотипного мышления, отказ от обы-

денных проскоков в рядоположении реального. Стол-восприятие, стол-представление, прагматический стол-конструкт в несуществующем идеальном плюс остальное сознание, плюс предчеловеческая проглоченность. Никакой дьявол не устремлен к "столу". И даже проголодавшийся или не проголодавшийся французский философ. Описываемое Сартром созерцательное устремление к столу — по ту сторону философии. Похоже, мы имеем дело с художественным текстом. Было бы неплохо, но подобных текстов — великое множество. В итоге возникает гигантская интеллектуальная каша. Поскольку действительное философское "я" есть только чувство присутствия, можно вполне убрать слово "я" вообще. Даже парадокс лжеца в исправленной формулировке звучит не "Я лгу", но "Лгу". Новые исправления парадокса будут вариантами формулировки: "Лжется". Логические подвижки в этом направлении еще возможны. К сожалению, нет надежды на прогресс в проблеме: "Почему здесь-теперь-так, а вовсе не-здесь-не-теперь-не-так?" /Наивная формулировка этой же проблемы: "Почему я именно сейчас нахожусь в этом теле, на этой планете, в этих координатах, а не в другом теле, не сейчас, не в другой галактике?" Либо: "Какого черта я здесь?", "Почему я — это я?"/

Познавать сознание нет никакой необходимости, выражение "познание сознания" — очевиднейший оксюморон. Сознание нужно только видеть, оно само себя видит. Важно лишь отбросить навязываемые нам с детства ошибочные схемы, неверные толкования.

Существуют феномены, как бы обслуживающие другие феномены, либо интегрирующие в себе тем или иным образом другие. Сами по себе даются феномены — пересечения или объединения других феноменов. Ментальный образ ("внешний", "внутренний") уже есть и мысль о нем. Это неизбежно, поскольку мысль растворена во всем субъективном. Мысль — это не только высказывание. Особенность мыслей в том, что они часто связываются с псевдопредметным ненативным миром. Мы вполне говорим о чашках и площадках без внятной представленности их, чисто механически, скороговоркой. Слова-знаки там и сям подменяют денотаты и эфемерные отблески самих этих денотатов. При этом де-

нотатом обычно является не нечто реальное, но уже упоминавшийся нами несуществующий конструкт прагматического. Однако нас это нисколько не смущает. Идет операция со свернутостями. В арифметических действиях чисто психически мы имеем дело не с числами, но со знаками чисел. Думать о собственно числах у нас нет необходимости. Мы мыслим смысловыми скороговорками, в которых де-факто отсутствуют понятия и прочая мишура, нацепленная на нас еще с античной классики. При переходе к философствованию возникает необходимость в замедлении мышления и скепсисе ко всему, что ранее было известно. В противном случае мы ничего не добьемся. Как и логика, философия отмывает всё дающееся нам почти до тавтологий, а потому не может не вызвать укора сартровское злоупотребление термином "познание". Нужно заявить и о заведомой нефилософичности, условности местоимения "мы", которое таки пришлось оставить в этом тексте. Вряд ли большинству читателей понравилась бы пестрота из значков современной неклассической логики. Да и их бы не хватило. Перейдя на значки, можно утратить смыслы, соотнесенности, что увеличивает возможность ошибки. Формализованное проверяется формализованными же способами (алгоритмами), но любая формализация окажется недостаточной. С другой стороны, журналистское "мы" в какой-то степени способствует взаимодействию автора и читателя.

Первое и второе сознание Сартра не особо требуются — уже говорилось о массе сознаний в суммарном сознании. Не надо путаться в спонтанных или каким-то образом организованных перекоках. Можно говорить об умственной доминанте, желтом пятне умственного зрения, умственном фокусе, но это — приблизительные формулировки. Мысль видит саму себя, какой бы она ни была. Сплошь и рядом нас обманывает движение глазных яблок. Упростите, возьмите запах. Я не есть запах? Да ведь кроме запаха есть еще масса всего! А это всё и не есть запах! Не надо, господа, дурить.

Нететическое? Неполагающее? Да всё таково. Наша практика — с несуществующей стороны сознания. А о некоей объективной или даже чисто буферной подложке сознания, как правило, ни

один нормальный обыватель не думает. Иначе? А что из того? Вещей в подложках нет. Нет пространства-времени-структуры. Собственно метафизический мир сточен в геометрическую неопределенность. Зато как раз называемые Сартром "нететичности" (боль, удовольствие...) куда ближе безродно-родной источной сингулярности. А любые образы чашек и плошек также нететичны из-за примата иллюзорности дающихся разверток. Субъективность наполняется подобными суррогатами вследствие расщепления чувственного. Время и пространство — малоудачные подмены бесструктурной и беспредметной глубинной характеристики. Об образе ("внешнем", "внутреннем", внешне-внутреннем) еще не разорванном аналитической чепухой, холистичном можно заявить почти то, что Сартр говорит об удовольствии, скорби, поскольку в абсолютно строгом смысле никакого "я" не существует. И местоимение "я", и философское существительное "я" применяются из соображений удобства, как и слово "субъект". Отдельного наблюдателя в сознании-восприятии нет. Всё наблюдает себя само. Устройство всего этого таково, что пересечения и суммы самовосприятий — также самовосприятие. Шкаф ничего не знает о вкусе конфеты, но и то и другое связаны путаницей совосприятий-надощущений. Надвосприятие не стоит выше восприятия, оно в том же ряду и равноправно ему. Лучше бы вообще не говорить об ощущениях, восприятиях, мыслях, сознаниях... и употреблять одно слово — менталы. Топология уже существовала во времена Гуссерля и жаль, что этот математик ею или какими-то ее гуманитарными аналогами практически не пользовался.

В разделе Сартр не скатывается на риторическую ерундику Гегеля типа: единичное, частное, общее, но таки злоупотребляет по-бухгалтерски словечком "бытие" и именно не в экзистенциальном, а в категориальном смысле. Какое уж там бытие в реальном субъективном! Реальное психическое, а не предполагаемое субъективное слишком эфемерно. Идет скрытое разлитие по предполагаемому времени (где оно такое?). Нет ничего ужаснее, чем название основной работы Хайдеггера. Хуже всякого оксюморона. Ведь получается, что рассматриваемое Хайдеггером "бытие" есть малый/большой расплеск по времени, а его в действи-

тельности нет, оный лишь условно предполагается. До строгости и точности, психической соотнесенности дальше, чем до лампочки. Пруст, Пруст, Пруст — Прокруст.

Единственное безукоризненное бытие — бытие вещи в себе, то есть сингулярного абсолюта.

Брал бы Сартр в качестве примера не мелькнувшее чувство удовольствия, а непреходящую нестерпимую боль онкологического больного. Был бы ближе к "бытию"! Подумать только, как все топорщатся, как пытаются убежать из бытия, прямо так рвутся всеми фибрами. Жизнь и бытие несовместимы. Жизнь — бегство в виртуальность, иллюзорность. Однако надо заметить, подобные картинки с неизбежными суперпозициями метафизического рисуются из человеческого мира, в космологии необходимы несколько иные рассмотрения. Субъективное сознание логически завалено, не поддерживает себя в собственной наглядности, а потому увлечение навешиванием кантовских табличек и категориальных ярлычков — довольно бесплодная игра.

Самодетерминация субъективного сознания? Увольте, увольте, господа. Давайте без матерных выражений. "Сознание есть полнота существования и самодетерминация — его существенная особенность". Неполнота! Неполнота, дорогие вы мои! Вырванность, вычлененность, раздутые в мимолетном калейдоскопическом иллюзионе. Всё кажется устойчивым только благодаря произвольному толочению воспоминаний, идущих так и сяк, наваливающихся на всякое сознание-восприятие (суммарное, частное, какое угодно). Фикции? "Идеальное"? Их нет по самой их природе. Мыслительная деятельность в каноническом понимании? Хотя бы кажимостно она раскочегаривает сама себя, но она по большей части не в одном сознании, но в пакете сознаний, кои (сами понимаете), не сопresentствуют и неизбежно вываливаются из реальности. В физиологии мы вынуждены превращать человека в машину, но внутри философского знания подобному — Verbot. Иначе не получим ничего, кроме бесполезной болтоло-

гии. За три тысячи лет она не надоела? Сколько можно ее терпеть?

Сартр различает "причину" и "основу". Субъективное сознание у него — не основа субъективного сознания [Прилагательного "субъективное" у Сартра, к сожалению, нет, но получается, что его он монополюбно имеет в виду.] И то хорошо. А причина у высокоуважаемого француза какая-то Спинозовская (невзирая на специальную оговорку о непрогрессии), кузанская. Термины "до" и "после". До сознания нет сознания, ergo... Кто сказал, что нет сознания до сознания? Не факт. В субъективном времени словно бы идет смена сознаний, похожих друг на друга. А не во времени? В уничтоженном времени? Повисает недифференцированность, неструктурность. Там общие чувства, вываленные из частных сателлитов, а ввиду удаления производности, всех этих спектральных разложений и последующих интерференций исходного, беспредметное получает усиление и те характеристики, кои подменялись пространством и временем. Здравствуйтесь, Ваше Величество, Абсолют — объективное сознание. Не идеальность-материальность, но полноценная ментальность. Подобные заявления не положено делать во время эпистемологических рассуждений, но Сартр к тому вынуждает. А поскольку теперь изложено, добавлю: философский абсолют — не персона, не личность, ergo не бог. Мы в действительности имперсональны. А всякие наши сделанные для практического удобства отумственные положенности и стихийные допущения и есть ничто. Об оппозиции идеальное — материальное давно пора забыть, ничто-идеальному нужно противопоставлять только реальное. Где находится так называемое "материальное" пусть читатель догадывается сам.

А вот и Сартр, похоже, заговорил о том же. Какие прыжки! Вот только от "бытия познающего" он никак не может отделаться. В познании мы как раз движемся прочь от абсолюта. А в процедуре, описанной в предыдущем абзаце, мы ничего не познавали, а наоборот отмывались от всяческой грязи, связанной с по-

знанием. У Сартра? Вы только подумайте: познающего Сартр признает, а примат познания отвергает. И говорит он вовсе не о субстанциональном абсолюте. [У нас материя — не субстанция, но фикция, абстракция. Постсубъективное, а не досубъективное в пронцаемостном, не в хрональном смысле. Сартр, явно, смотрит на субстанцию по-спинозовски.]

"В сознании нет ничего субстанциального – это чистая «видимость» в том смысле, что она существует лишь в той мере, в какой являет себя". Кто возражает? Субстанции в человеческом субъективном действительно не наблюдается. Однако к словосочетанию "чистая видимость" (по отношению к субъективному миру) Сартр тут же приплюсовывает, будто не признавая реальности субъективного сознания, — "полная пустота (поскольку весь мир вне его)..." Откуда-то извне (если такое в наличии) иллюзорный субъективный пузырь действительно схлопывается, но изнутри себя он есть и отнюдь не является пустотой. Зачем путать термины физики и философии? Субъективная ментальная протяженность есть ментальная протяженность изнутри самой себя и нулем не является. Далее Сартр продолжает, скрытым образом подразумевая чисто субъективное: "... по причине тождества в нем видимости и существования его и можно рассматривать как абсолют". Как говорится, дошел человек до ручки! Что это за абсолют в иллюзии? Видимость есть (и не только в зрительном смысле), но абсолют-то здесь дегенерировавший, распавшийся, растащенный на развертки, на терабиллионы общих сознаний-мгновений. В рассуждениях данного раздела мы далеки от сферы собственно онтологии-метафизики, трансцендентного. Перед фразой "Здравствуйте, Ваше Величество...", ох, и много подсократили, а надо освобождать от производного, оставляя неуловимые капли константного, не только совокупность распятых по локусам субъективного времени общих сознаний одного конкретного земного существа. Если бы существовал некий деперсонализированный философский архангел (скажем, в компании двух других) — тогда другое дело, но архангелов нет, чисто философская космология идет иначе.

"Мы оторвали бытие видимости от феномена, чтобы отдать его сознанию, и мы рассчитывали, что сознание потом возвратит видимости ее бытие". Не слишком ли самонадеянно? В действительности бытие субъективного — квазибытие.

"...есть бытие воспринимаемой вещи, поскольку она воспринимается". Ох и нелепость! И так, и так — даже в наивном реализме, не говоря об идеальном конструкте вещи прагматической. Упомянутый Сартром Гуссерль — здесь не подспорье. Оттуда это, оттуда: "Даже если бы я хотел свести этот стол к синтезу субъективных впечатлений, по крайней мере необходимо отметить, что он себя открывает *в качестве стола* через этот синтез и что он представляет собой трансцендентную границу, основание и цель этого синтеза". Печально, господа, печально! Слово "трансцендентный" по-гуссерлевски опошлено. Сплошное богохульство, черная месса. Сама себя оплевать может только трансцендентальность. Сартр подкладывает нам то свинью, то унтер-офицерскую вдову. К тайной радости постструктуралистов.

Если Сартр столь слаб в суждениях о бытии, не лучше ли он в рассуждениях о ничто? Не каждый захочет впустую тратить время на чепуху. Пролистаем вводную часть? Да нет! Хотя бы немного поводим ситом. Не всё же у него пустая порода. Попробуем найти ценное при последовательном чтении. Как видим, французский философ почти отказался от первичных посылок и сильно удалился в область фикций как спонтанных общечеловеческих, так и придуманных (надуманных) немецкими мыслителями. И конечно, во многом оставил неувязки античной философии нетронутыми.

О древних. Они верно говорили об отсутствии небытия, отсутствии ничто. Откуда же ничто постоянно вылезает? Оттого что треугольник Фреге сломан, в предельном уточнении нет денотатов, нет понятий. Да и первичные знаки — будто бы не зна-

ки, поскольку их фактура должна бы быть необязательной. Мы оказываемся в мире субъективных сигналов, которые не описываются ни треугольниками, ни квадратами, ни прочими фигурами. Эти сигналы отчасти — самосигналы, отчасти сигналы для порождения других сигналов, отчасти сигнальные композиции. И они логически заламываются, являются неавтоабстрактные смысловые абсурды, могущие как-то разрешиться только в несуществующем. Возникает эпифеномен понарошечного постсубъекта, в коем и утонули наши профессора, да не только они.

Нынешние субъективные связности становятся прошлыми, то есть... несуществующими. Опять они — ничто. Гипотеза о неуходимости прошлого, его скрытом наличии малоперспективна из-за неполноценности этого прошлого в его бытность настоящим. Трегубо кажущееся реально есть, только когда оно в настоящем. Однако часть субъективного прошлого есть и в настоящем. Это феномен присутствия сам по себе плюс феномен протяженности (общементальной, а не исключительно зрительной), плюс кое-что иное неструктурное. Этот сухой остаток неперсонален, обезличен вследствие своей универсальности, неопционности, константности. Для него словно бы не существует времени. Прерывания? Прерывания чего? Забытой, то есть несуществующей памяти? Память на то, что и так есть, не нужна. Ощущение текучести, ощущение изменений — также константа. Мы называем его дленьностью (не длительностью!). Итак, присутствие-протяженность-дленьность — скелет восприятия в себе.

"Воспринимание" — не совсем из данной оперы, отдайте-ка его физиологам. Его значение в феноменологии не относится к общим вопросам. В феноменологии — это иногда дающийся кунштюк, без какой-либо важной нагрузки, либо микроданность, наподобие смутно зримого наложения разных восприятий. Апперцепция — по сути иная перцепция, перцепция якобы "изнутри". Percipiens (воспринимающий, гомункулус)? Такого не существует. Здесь не базар.

А что нам хочет поведать Сартр? Бытие воспринимаемого не по Беркли? Лучше звучит "наличие суммы феноменов" или "субъективная данность в этот момент". Смысл "бытия" слишком близок к смыслу "бытования". В русском языке слова "наличие" и "наличествование" больше соответствуют иллюзорности и эфемерности.

"Стол присутствует перед познанием и не может быть ассимилирован им, иначе он был бы сознанием, то есть чистой имманентностью, и исчез бы *как* стол". Was ist das? У нас здесь физиология восприятия? Утроение мира? Это никуда не годится! ...Другой вдруг встал и стал перед ним ходить... Вот и живем, мешая манную кашу с бузиной на огороде. Где предмет разговора? Его нет. В сартровском комиксе гомункулус-наблюдатель привязан веревками к столбу-столу. К чему тогда философская терминология и попытка рассуждения? Зато нет желания разобраться, отчиститься от цивилизационного мусора. Есть субъективное сознание и есть нечто, что в это сознание не вмещается в качестве соотносимого с ним. В собственно философской области мы не имеем права обустраивать мир так, как это делает обыденность и продолжение этой обыденности — наука. Может ли практически ориентированный рассудок знать качественную сторону времени и пространства? Наличие протяженности, длительности, длнности внутри сознания, внутри кажущихся пакетов сознаний не дает никакого права теоретически трансформировать и объективировать. Раскладки-развертки-раскатки могут быть принципиально иными. Мы представляем движущееся в пространстве твердое тело по образцу зрительно и осязательно наблюдаемого движения, но теоретически — это фундаментальная ошибка. Попробуйте применить к движущемуся телу представления о масштабах охвате. Существует ли в этом смысле некий истинный и объективный масштаб? А объективный ракурс? Разве не треснут форма, пространство и время при отсутствии пренебрежения слишком большим или слишком малым? Кроме того, даже чисто физически структура-форма парадоксальным образом строится из времени. Нет водораздела между локковскими первичными и

вторичными качествами. Для науки подобное деление долгое время было удобным, но одного удобства мало. Кто сможет поместить в декартовы координаты и трансформировать музыку? Или упомянутые Сартром удовольствие и скорбь?

/Замечание. В подразделе (и не только) Сартр как-то скромничает с термином "сознание" (conscience). По контексту оно — то реальный феномен, то заведомо несуществующий, но пунктирно полагаемый разум-рассудок... Плотного подхода к подобному у Сартра почему-то не было в течение всего предыдущего изложения. Не может не возникнуть подозрение об очередной, но тщательно скрываемой трансцендентальной пакости, крайне надоевшем отвязном старом пережитке. Чисто этимологически слово "сознание" (в русском языке калька с латинского conscientia) не может не считаться абсурдным.

Не лучше обстоит и с навязшим в языках словом "рефлексия". Оно могло считаться приличным только на заре возникновения философской мысли. В крайнем случае, на первом этапе формирования самостоятельного (нетрафаретного, не "клипового") мышления у подростка. Может подразумеваться особая разновидность критического мышления или критического взгляда. Сознание как мысль мысли или мысль о мысли — только один из вариантов. Кстати, мысль мысли может означать, наоборот, начало, исходную ступень, а не конец внутренней эволюции.

Выражение "направленность сознания" фактически убивает само сознание, создает несуществующую рамку. Сознание есть там, где оно есть, то есть только в себе, оно идентично своему содержанию. Нечто похожее можно видеть со словами "восприятие" и "ощущение". Восприятие не нужно путать с восприятием в физиологическом смысле. Карты может сбивать одновременное наличие суммарного и какого-либо конкретного сознания. Здесь мыслители почему-то начинают путаться в нескольких соснах. Так воспоминание — это именно то, что вспоминается, но вовсе не восстановленное бывшее где-то когда-то, которого ныне просто нет, отнесение носит заведомо условный или обманный характер, связанный со стереотипом раскладывания всего по воображаемым полочкам. Кажимость некоей тонкофлюидной ем-

кости мнимо рисуется из-за разнородности повиснутых сознаний в общем сознании и отсутствии специальных перегородок. Конечно, воспоминание — яркий, но не самый удачный пример из-за вовлечения в рассмотрение осложняющего фактора времени. Другим осложняющим фактором может быть неизбежное творение мнимой постсубъективной сферы — идеального. Чисто логическая направленность на него смыслов не подлежит отрицанию (сравните реальную приблизительно представляемую окружность и точную окружность в математике). Чаще всего подобная направленность носит сильно свернутый вид. Однако в реальном феноменальном (а не фантомном!) представлении само представление остается идентичным само себе и в качестве самовоспринимаемой смысло-образной (образносмысловой) фактуры никуда не направлено.

Поскольку постсубъект — фикция, а досубъект (предсубъект, подложка субъекта), как правило, не воспринимается и никак не полагается, по факту для субъекта нет мира как такового. Собственно мир для субъекта невозможен. Чтобы узреть мир, нужно распороть субъект изнутри субъекта. Но в обыденности и ее продолжениях мы выстраиваем над субъектом мнимые этажи, творим птолемеевские системы.

5

ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

"Есть «онтологическое доказательство», выводимое не из рефлексивного *cogito*, но из *дорефлексивного бытия percipiens*". О *percipiens* уже говорили. Без комментариев.

"Всякое сознание есть сознание чего-то". Можно заявить: не всегда; возможны своего рода исходные неопределенные сознания внутри составного общего сознания. А "чего-то" — не обязательно соотносимо с иным, но чаще с самим собой. Так предметные сознания-восприятия по большей части замкнуты внутри самих себя и на себя же направлены. Философов здесь подводит акт смотрения как такового. Раз смотрю, значит... Да забудьте

про это. Сартр запутал себя аналогичным образом и начал по-гуссерлевски полагать обыденный "трансцендентный объект". В обыденности таковой практически отсутствует. Сверх того, Сартр часто отделяет феномен от сферы сознания, что довольно странно. А у Гуссерля имелся похвальный порыв — смутный слой гилетического, редуцированный затем Сартром. Зато от Сартра мы наконец слышим в некотором смысле благие слова: "...бытие объекта есть чистое небытие", невзирая на старые скачки с бесконечностями и попытки околичных умозрительных рассуждений.

А вот цирковой номер: "Сознание есть сознание чего-то. Это значит, что трансцендентность составляет образующую структуру сознания, то есть сознание возникает как *направленное на бытие*, которое не есть оно само. Именно это мы называем онтологическим доказательством". Воистину воскрес! Ни одного свежего аргумента. Даю эту цитату только из-за совпадений с названием параграфа. Трансцендентностью здесь нисколько не пахнет. Сартр явно не ухватывает и суть субъективности. Мы видим разнovidность наивного реализма.

"... сознание предполагает в своем бытии бытие несознающее и трансфеноменальное". Ничего такого оно не предполагает.

6

БЫТИЕ-В-СЕБЕ

Вот ссылка на схоластику: "... во всяком предложении, касающемся бытия, есть порочный круг — поскольку всякое суждение о бытии уже предполагает бытие". Конечно, Сартр заявляет, что порочного круга здесь нет, доводы в пользу этого заявления не слишком убедительны, опять идет ссылка на "феномен бытия", который не есть бытие, но бытие обозначает "и требует его". О примитивности такого воззрения не стоит лишний раз упоминать. Зато можно вспомнить, что в немецком варианте известной статьи для британской энциклопедии Гуссерль заявляет об ин-

терсубъективном трансцендентальном, которое де является основанием для трансцендентного... Комментарии излишни.

Самый яркий порочный круг, наоборот, наблюдается в пост-субъекте, когда с набором физико-биологических данных пытаются подойти к человеческому сознанию. Ведь сами эти физико-биологические данные появились через всяческое посредство субъективного сознания, а условный физико-биологический мир — только продолженный и несколько уточненный обывательский мир.

Пойти навстречу Хайдеггеру и Сартру практически невозможно. Предположим, что в наших мгновениях проблескивает некое субъективное бытие: нечто пышет, нечто дышит и как-то меняется. Казалось бы, вот оно живое бытие-то, а всё прочее — домыслы и абстракции. Однако не эту нативную витальность имеют в виду наши мыслители, они желают перепрыгнуть через Пруста и Бергсона, впадают в порочный трансцендентализм. Кроме того, живое-дышащее-вот-оно — обман инерции. В реальности нам чаще даются мимолетные срезы и восприятия-вспышки. Мир нам воображается через пакет суммарных сознаний, разделенных субъективными мгновениями. Конечно, для разных феноменов-менталов субъективное время различно, но субъективный мир мы творим на основе не медленных или постоянных чувствований, но как раз — самых быстрых и сменяемых. Из-за хрональной разницы восприятий (несовпадения-различности локусов субъективного времени, одни локусы больше других) отчасти и возникает иллюзорное убеждение в наличии некоего внутреннего наблюдателя.

Из-за подмены истинного трансцендентного трансцендентальным воззрение критикуемых нами философов оказывается жуткой смесью наивного реализма с наивным идеализмом. Нам подадут к обеду отварного гомункулуса с гарниром из фальшивого бытия-в-себе.

Вначале Сартр выстраивает ложную иерархию, отрывая феномен от сознания. Отрыв феноменального смыслового от дескриптивного смыслового связан с вербализацией, но не носит какого-то кардинального характера. Утверждение [Не цитата.]: "Человек существо мыслящее, поскольку оно говорящее" — в фундаментальном плане неверно, хотя в ряде контекстов может оказаться существенным. Однако Сартр, взяв на вооружение немецкую традицию, идет и на еще больший отрыв.

С помощью "Непосредственного феномена бытия" Сартр пытается установить смысл бытия и заявляет: "прояснение смысла подходит только для бытия феномена". При этом бытие сознания (то есть у Сартра не совсем сознания, но выдуманной надстройки, связанной с вербально мыслящим гомункулусом) — "совершенно иное". Это бытие-для-себя якобы противостоит бытию-в-себе феномена.

/Замечание. Термин "дорефлексивное" — у Сартра обычно подменяет термин "неосознанное". А неосознанное как таковое должно быть вообще изъято из философской плоскости. Однако вопрос в том, что термины "неосознанное" и табуированное Сартром "бессознательное" обычно употребляют довольно неосмотрительно и произвольно, чему на практике служит отвлечение от свойств мнестического. Почти незаметным образом мы живем в среде амнезии. Забыли? Ну и что? Забвение феномена вовсе не означает его неосознанности в тот момент, когда он был. Получается, что Сартр, подобно марксистам, социологизирует, интересубъективирует представления о сознании, то есть фактически отрывает часть сознания от сознания./

Сартр связывает сознание-надсознание с бытием-для-себя, противопоставляет его бытию-в-себе феномена, изобретая тем самым лишние сущности. В резюме предыдущему изложению он почему-то считает, что многое из упомянутого доказал или показал, чего в действительности не было. Правда, как следует развернуть высказанные в параграфе наброски он намерен на протяжении остального текста.

Уходя от креационизма, Сартр между делом наделяет субъективное сознание фантастическими свойствами и считает их само собой разумеющимися: "Бытие не может быть *causa sui* наподобие сознания. Бытие есть *само по себе*".

А вот новое крайне наивное заявление: "Активность есть тогда, когда сознающее бытие распоряжается средствами ввиду какой-либо цели". Можно было бы задать вопрос: "А насколько последовательно и глубоко было бы подобное «распоряжение»? А не опрометчиво ли словосочетание «сознающее бытие»? Не слишком ли много бытовизмов?

Далее идет школярская словесная эквилибристика о бытии-в-себе и бытии-для-себя. А соответствует ли она чему-то действительному? Таким ли должен быть уход от идеализма? В предыдущем изложении Сартр собирался заодно уйти и от реализма. По Сартру, жирное бытие-в-себе слишком себя наполняет, чтобы как-то давать отчет о себе или быть активным.

Часть первая ПРОБЛЕМА НИЧТО

Глава I ИСТОЧНИК ОТРИЦАНИЯ

1. ВОПРОС

Хайдеггеровское бытие-в-мире, как и названный в подразделе человек-в-мире — вещи чисто художественные. Они неизбежно вываливаются как из гносеологии, так и онтологии. А если не годятся для романов-повестей, то могут подойти для околотеатральных или околокинематографических эссе.

О каком-таком мире собственно идет речь? Это явно не мир естественных наук и уж точно не миры философии. И конечно — не прагматический мир обывателя уже в силу теоретического замаха. Это нечто такое, на что и не стоит тратить воображения. Сплошная беспринципность. Синтез? Простите покорно, но подобные помои никому не нужны. Даже различные области одной

и той же науки могут никак не сопрягаться теоретически. Каждая из человеческих сфер смотрит только в свое окно, отменить подобное положение вещей невозможно.

Клочковатое поведение человека и цивилизации в целом? Неплохо вспомнить о Тришкином кафтане, о Сизифовом труде, о бочке Данаид.

Тем не менее Сартр заявляет: "...только при условии, чтобы мы рассматривали ...формы поведения в качестве объективно постигаемых реальностей, а не как субъективные привязанности, открывающиеся только рефлексии" и выдается бытие-в-мире ("человек, мир и отношение, которое их объединяет").

Спрашивается: "Возможно ли объективное постижение реальностей? Что это за басня? Когда это Сартр перешел на позиции марксизма и в чисто философском плане?" А "человек, мир и отношение, которое их объединяет" не слишком ли это много для собственно философии? Она слишком топчется. Начиная с Фалеса и по сей день, еще не оторвалась от Аз, Буки, Веди, да и в их суть еще как следует не вникла. Нам не требуется безответственная журналистика на философские темы.

"...отношение человека к миру..."? Отдайте это социологии, биологии и прочему подобному. В противном случае придется выбирать какую-либо дутую прикладную философию. Ближе всего к чистой философии здесь может оказаться только эстетика. Говоря о человеке, Сартр пока не подразумевает хирургическое мясо, но вновь идет к несуществующему гомункулусу, прикладывая к нему скромнейшее местоимение "я". Слова "субъект" он по-прежнему избегает.

"...мы удерживаем себя перед лицом бытия, которое вопрошаем". Какой пафос в этой фразе! Однако не будем слишком ругаться: вдруг Жан-Поль Сартр нам что-то такое спаштает!

А что следует из названной фразы? Пожалуйста: "...всякий вопрос предполагает бытие, которое спрашивает, и бытие, которое спрашивают". Вот вам дуализм, от которого философ так хотел уйти, два бытия сразу плюс разновидность того самого онтологического доказательства. Как вам такое понравится? А сколь

обязано опрашиваемое бытие отвечать? На самом деле Сартра всё это не интересует, он говорит и спрашивает словно бы со сцены, ставит спрашивающего в положение актера, представляет всевозможные формально-фантастические ситуации, конечно, упирается рогом в ничто, ничего и никак — и словно бы очень этим доволен.

Какая-либо строгость и точность в "вопрошаниях" и предполагаемых ответах на них у Сартра отсутствует, у нас чистой воды актерство. Трактаподобность предыдущих разделов отсутствует.

2. ОТРИЦАНИЯ

Рассуждения Сартра об отрицаниях, о ничто какие-то необязательные, натянутые. Для того чтобы с ним хотя бы частично согласиться, нужно ему сочувствовать, заранее быть на его стороне. Зато мнение своего противника Сартр никак не пошатнет. В чем дело? Фактически Сартр имеет в виду не совсем ничто, но тень ничто, отблеск ничто, он весь во власти смысловых полутонов. Вспомним: сартровское бытие — также не совсем бытие, но бытие частичное, полусъеденное, неполноценное, недоделанное. Таким он его нигде не величает, но по всем контекстам это видно невооруженной мыслью. Сами посудите: субъект и не может иметь никакого приличного контакта с бытием. Ему даются только отрывочные мельтешения в одно-два мгновения. Эти одно-два мгновения он попросту дополняет в воображении, да и сущности воображения большинство людей не могут более или менее внятно представить. Мы всегда имеем дело с различного рода фантомами, суррогатами мира, но не с самим миром.

От экзистенциальных примеров Сартр переходит к игре с ото-логическими доказательствами, к подкидыванию рассыпанного или рассыпающегося треугольника Фреге. Знаки слов не обязаны соответствовать чему-то объективно наличному. Сартр идет и еще дальше. Вчувствовавшись, вмыслившись, да еще имея за спиной понукания Сартра, мы легко замечаем: за каждым пози-

тивным суждением словно бы присутствует его тень, пахнущая небытием... Далеко пойдем, господа-товарищи! Туда, где нас встретит обрадованный Хайдеггер, оплетет своей паутиной и переварит!

Обратите внимание на сартровский мультфильм: "...бытие-в-себе, вопрошаемое относительно отрицания, отсылает к суждению, поскольку оно не что иное, как то, что оно есть, и суждение, эта цельная психическая позитивность, отсылает к бытию, поскольку формулирует отрицание, касающееся бытия и, стало быть, трансцендентное". Эта сценка разыграна положенностями мысли самими по себе. Сартр играет абстракциями, никак не соотносящимися с наличными денотатами. А что касается трансцендентного, то оно вовсе не тождественно попытке трансцензуса. Давайте-ка странсцендируем таким образом макаронного монстра или полковника Скалозуба.

Далее Сартр высказывает некоторое усомнение в оде несуществующему. "Очевидно, что небытие всегда возникает в рамках человеческого ожидания". "...если я *ожидая* раскрытия бытия, значит я подготовлен одновременно к возможности небытия". Притом смотрятся нелепыми обращения Сартра к карбюратору или механизму часов, он явно путает различные несовпадающие миры, неправомерно накладывает один мир на другой. И далее Сартр рассматривает всякого рода прагматику и впустую раскидывает ее фактики по абстрактным немецким полочкам. Это один из способов убежать вон из области философии.

"А что такое хрупкость, как не вероятность небытия для данного бытия в определенных обстоятельствах?" Совсем немного до перехода к душе человеческой. Рассуждения Сартра просто смешны. Ничтоже сумняшеся он механически переносит прагматические бытовые факты в свою мегафилософию. И сюда же подсоединяет каким-то чудом приснившуюся полноту бытия. Мы имеем дело с намеренным оглушением-опрощением? Какое-то детское, прямо-таки дошкольное восприятие мира! Плюс пресловутая попытка глубокой философии на мелких местах. Отсут-

ствующие в кафе Пьер или Веллингтон вполне бы пошли только для чисто художественного текста.

По большому счету нет ни субъектов, ни объектов, но только сознание-восприятие, в котором исчезают-появляются показания-феномены. Предназначение его — утилитарное. А чем оно занимается у Сартра?

3. ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НИЧТО

Затеянная Сартром "феноменологическая онтология" заранее обречена на конфуз. Он содержится уже в самом заковыченном словосочетании. Однако в данном параграфе Сартр опирается на работы Гегеля и рассуждает предельно абстрактно. Он приводит цитату Из "Малой логики": "Это чистое бытие есть чистая абстракция и, следовательно, *абсолютное отрицательное*, которое, взятое также непосредственно, есть *небытие*". Как известно, похожих фраз у Гегеля немало. Игра в понятия, лишённые соотношений, к подобному обязывает. Имеем дело с изъятым онтологическим содержанием.

Если пользуемся формализованными системами, то подобное, казалось бы, и надо, но давать задания алгебраической или электронной системе, пользуясь методами Гегеля, нельзя, поскольку знаки здесь не заменят съеденной сути, а она скрыто должна предполагаться.

В словесной игре чистое небытие вызовет куда больше сомнений, чем чистое бытие. Чистое небытие начинает пухнуть лишними соотношениями, а это плохо.

Сартр опять заводит речь о бытии феномена, тем самым убирая онтологию как таковую, поскольку в философском смысле феномен может ссылаться только на себя самого, а не на что-то вне себя. При этом диалектику внутри выдуманного или предполагаемого разума-рассудка нельзя переносить на нечто объектив-

ное, то есть нельзя по трансцендентальному судить о трансцендентном.

В частности, противопоставление бытия и ничто нельзя считать особо продуктивным. Бытие возникло из ничто? Конечно, нет. Приходится искать третье, которое могло бы претендовать на источность. Если человеческая ментальность представляет собой грязное недобытие (или грязное бытие, что все равно), можно вообразить недобытие в чистом виде. Человеческое восприятие-сознание лишено таких атрибутов субстанции, как самосуществование и самопроницаемость. В противоположность этому источность полного бытия должна иметь самосуществование в смысле самоподдержания, самосущности, а также самопроницаемость, но без некоторого иного атрибута бытия-субстанции. Приобретение новых атрибутов одновременно должно оказываться уменьшением степеней свободы. Источное по своему смыслу беспричинно-внелогично. Если бытие равно самому себе, то добытие — не равно. Человеческая ментальность (реальная, а не какая-то воображаемая идеальная) должна оказываться надбытием.

По отношению к подобной или иной метафизике мы имеем право на скептицизм, однако бытие категориально-риторическое должно быть вообще изгнано из философии. А под ним мы понимаем условное подстановочное бытие для подстановки в него чего угодно. Мы должны избавиться от упорно навязываемого нам трансцендентального. Философия — не место для такого рода абстракций. Хватает и тех абстракций, которые возникают сами собой из человеческого способа существования.

Сартр далее отрещивается от гегелевского понимания небытия на том основании, что небытие вторично по отношению к бытию и высказывает массу мыслей, с которыми более или менее нельзя не согласиться. Даже возвращается к пониманию ничто у элеатов и прочих греков.

4. ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НИЧТО

Сартр приветствует "прогресс" по сравнению с Гегелем в мыслях Хайдеггера о бытии и ничто. Однако аналоги ничто в обыденном понимании (ненависть, защита, сожаление) довольно условны и натянуты. А вот достижение: "... Хайдеггер, вполне допуская возможности конкретного постижения Ничто, не впадает в ошибку Гегеля, он не сохраняет в небытии бытие, хотя бы и абстрактное". В остальном хайдеггеровские поклоны наивному восприятию мира вряд ли можно принять. Подход Хайдеггера художественен, близок простому восприятию, но остается только стартовой декорацией. Хайдеггеровская погруженность в бытие в действительности есть погруженность в воспоминания о воспоминаниях. Нельзя согласиться с трактовкой Сартра "... человеческая реальность сразу возникает как «обложенная» бытием, она «находит себя» (sich befinden) в бытии, и одновременно человеческая реальность заставляет бытие, которое ее осаждает, расположиться вокруг нее в форме мира". Может вызвать сомнение отдающее биологией словосочетание "человеческая реальность". Прочие приводимые Сартром мнения Хайдеггера больше претендуют на поэзию, а не на философию. В XX веке — синкретизм.

Здесь и поджидает капкан: "Но это явление себя по ту сторону мира, то есть целостности реального, есть внезапное возникновение «человеческой реальности» в ничто. Только в одном ничто можно подняться над бытием". Взятки гладки! Театральную сцену сюда плюс произнесение вслух с выражением.

Мир дается, по Хайдеггеру, таким, а не иным, что означает ничтожение... Но не внутри ли риторики мы находимся? Ментальность сама по себе не претендует на экспансию. Импульсы внутри нее — всевозможные, но расцениваться они могут самым противоположным образом. Всё зависит не столько от специальных ощущений с плюсом или минусом, сколько от раскладывания мнестических картинок, всякого рода умственного тасования реальных смыслов-образов. Эту темную/светлую чисто феноменальную деятельность как-то и не принято выставлять напоказ;

по привычке к подлому очковтирательству говорят о работе "рас-судка", "разума". Последние как фиктивности подлежат отсече-нию от феноменологии. Образованному феноменами и их "тик-так" арифмометру они не нужны. В нормальном случае до хайдеггеровского "ничтожения" просто не доходит дело. Отдельно взятые фантазии? Они могут завести куда угодно. Хоть во сне. Можно, как писано у Геродота, сидеть на золотом троне и голо-вой касаться неба.

Гегелевский Дух вместо Dasein Хайдеггера? Сартр заявляет: "Недостаточно видеть в духе опосредованность и отрицательное, нужно показать отрицательность как структуру бытия духа. Чем должен быть дух, чтобы он мог себя образовать как отрицатель-ное?"

И говоря о Гегеле и Хайдеггере: "В обоих случаях нам пока-зывают отрицающую деятельность и не заботятся о том, чтобы основать эту деятельность на отрицательном бытии." На простых примерах Сартр показывает нелепость сведения бытового, а рав-но логического отрицания к внемирному/сверхмирскому Ничто.

5. ПРОИСХОЖДЕНИЕ НИЧТО

Сартр рассуждает о Бытии и Ничто, словно бы уподобляя их обыденным вещам, получившим некий геометрический статус, но в то же время не отказываясь от их традиционной категорий-ности.

"Бытие, посредством которого Ничто прибывает в мир, есть Бытие, в котором, в его Бытии, стоит вопрос о Ничто его Бытия, *Бытие, посредством которого Ничто приходит в мир, должно быть своим собственным Ничто*". Сартр возвращается к "во-прошающему", причина ничто у Сартра — человек. Правда, ока-зывается весьма неточной фраза: "... человек есть бытие, посред-ством которого ничто приходит в мир". Для философии расплывчат сам термин "человек". Уточнение, в смысле ограниче-ния, возможно, однако у Сартра выплывает новый термин —

"свобода". Опасаясь быть поспешным, Сартр заявляет: "Нам еще нельзя обсуждать проблему свободы во всей ее широте", отсылая к части IV, главе I книги. При этом он близок к спорному отождествлению человеческого бытия со свободой, указывает на свободу приостанавливать суждения.

Далее Сартр в довольно сомнительных контекстах оперирует терминами "образ", "интенция", "трансцендирование", пытаясь рассмотреть здесь очередное ничтожение на примере "пустых интенций". Бытовое и философское оказываются до смешного перемешанными. Препараты точного мышления не требуют скальпелей и вивисекций, нужна только предельная обрисовка субъективных картин и сред. Этого Сартр не делает. В итоге эпохе оказывается весьма поверхностным. А вот настоящая смута: "Нет распада непрерывности в потоке временного течения; в противном случае мы возвратились бы к недопустимой концепции бесконечной делимости времени и к временной точке или мгновению как границе деления". Здесь нам субъективное восприятие мешают с некоей геометрией. Есть ли теоретический распад, нет ли — к субъективности это не имеет никакого отношения, поскольку она иллюзорна по определению.

"То, что отделяет предшествующее от последующего, и является как раз *ничем*". Сартр прямо не хочет говорить о том, что нуль не ничто. Этот нуль не может играть упомянутую Сартром роль лезвия ножа? Сартр попросту неуклюже сваливается в древнюю апорию. Можно ли сводить неопределенности к ничто? Кроме того, наивно предполагать в субъективности отсутствие скараденности и полную открытость. И то и другое не препятствует наглядности. Пусть наглядно, зато нелогично. А Сартр приписывает ментальным свойства абстрактной картинке.

А вот грубейшая ошибка: "Предшествующее сознание всегда находится *здесь* (хотя и с модификацией «переведенного в прошлое»), оно вступает всегда в отношении интерпретации с присутствующим сознанием..." Тихий ужас! "Здесь" находится не прошлое сознание, но воспоминание, а чаще — воспоминание о воспоминании. И нужно говорить не об отдельном, но о суммарном сознании, а оно имеет концентрическое устройство. Чем со-

ставляющее отдельное сознание периферийнее — тем оно структурнее и хрональнее. Даже если воспоминание не имеет достаточной развернутости, выглядит тычком, то все равно у него не менее двух-трех точек приложения, то есть составных частей, что образует структуру. А константно в сознании только бесструктурное. Сверх того, воспоминание по своей природе уже предполагает распад времен. Даже отвлекаясь от персонности, говоря о сознании, Сартр превращает последнее в гомункулуса-амебу, которая де вытягивает псевдоподии и обволакивает то одно, то другое. Ментальное никуда не скачет и не ползает. Две ментальности настоящего локуса субъективного времени не проникают друг друга, но косвенно соприисутствуют в третьих ментальностях в качестве объединений и пересечений. Украденность/неукраденность "промежуточных состояний" в дифференцированном (сартровское "ничего") не имеет никакого значения, поскольку остается продленным по времени недифференцированное. И даже какая-то кража части всего сознания (прерывание) не столь важна, как это кажется Сартру. Одно из свойств человеческой ментальности — пластичность. Амнезия чего-либо диагностируется обычно лишь косвенно. Для этого всегда необходимы веские улики. А некий провал мгновения вообще остается незаметным. "Приостановка бытия"? Да сколько угодно! Речь не идет об объективном бытии. Отделенность сознаний "посредством ничто"? Что-то и можно называть горшком, но не в данном случае. К чему здесь такая определенность? Оказывается, ничто у нас — агент воздействия! Кому-нибудь подобное очень бы понравилось. Вооружись себе ничем — и действуй. Существующую там и сям проглоченность, поглощенность или просто отказ от чего-то крайне зазорно называть ничем.

Сознание отрыва от прошлого у Сартра якобы не феномен, но осознающая структура. Таким образом, мы приехали к деревянному железу. То, что в субъективном не есть феномен, того в субъективном нет. А в рассматриваемом случае псевдосуществование идеального как раз не требуется; убежать из сферы реального еще рано.

"Свобода и есть человеческое бытие, ставящее свое прошлое вне действия, выделяя свое собственное ничто". У Сартра здесь — цирковой фокус. У вас нечто тайно, либо открыто похитили, а вы же делаете вид, что сделали подарок. Хороша свобода! Образование субъективного прошлого — вне компетенции субъективного настоящего. Сартр словно бы намеренно путает субъективное сознание с его спрятанной подложкой. Сверх того, он выделяет специальное ничтожащее сознание.

"В свободе человеческое бытие *есть* свое собственное прошлое (так же, как и свое собственное будущее) в форме ничтожения". Прошлого и будущего (а тем более субъективного, заведомо иллюзорного) никак не существует. Они — фикции. Настоящее предстает в виде кажимости, а воспоминания и предварения именно в нем, а не в прошлом или будущем. О прошлом мы можем говорить как об истинном прошлом или ложном, фальсифицированном, но в любом случае подробное субъективное прошлое окажется только идеальностью. Сартр внезапно переключается для подспорья на составную эмоцию под названием "тревога". Внезапность в том, что можно было бы выбрать какую-либо иную эмоцию и возвести ее в ранг экзистенциала. Дальнейшее присвоение тревоги, автологичивание ее по отношению к субъекту не может не вызвать возражений. Страх перед собой, за свои реакции не есть атрибут тревоги. Явно нечто не то с этим термином. Не лучше здесь, как и было раньше, с термином трансцендентность. Конечно, можно убрать философские аспекты, оставить чисто обывательские, но тогда к чему этот термин? Сартр неявно предлагает забыть о вещи в себе. Вещь в себе настолько отдалена, что испытывать перед ней какой-то ужас просто невозможно. Сартровское повествование ближе к фантастическому роману или к психологическому триллеру. Сартр оперирует с предполагаемыми прагматическими возможностями: одни отвергаются (ничтожатся), другие оставляются и пр. Одновременно возникают ассоциации со всевозможной бульварной литературой на психологические темы. Сартр не желает глубоко забираться ни в философский, ни в психологический план. В сухом остатке — проповедничество. То, что расписывает Сартр о человеке близ

пропасти, реально невозможно. В подобной ситуации важны такие импульсы, какие полноценно не развернуть.

"Итак, как мы видели, сознание бытия есть бытие сознания", — заявляет Сартр, как всегда не поясняя, какое бытие и какое сознание он имеет в виду. А под бытием он чаще всего подразумевает чрезвычайно разнородную смесь из заведомо несуществующего с инкрустацией осколков реального настоящего или без последних. Подход чисто обыденный. Однако в эпизоде с пропастью философ словно бы пытается навести нас на некую предвещь в себе, либо на тайный компонент вещи в себе в форме экзистенциала: "... само бытие ужаса обнаруживается в себе как *не являющееся причиной* действия, которое оно требует". Увы, здесь не Ужас, но только слабый намек. Отказываясь от потенцирования ужаса до бытийной объективности, Сартр переходит к ссылкам на прагматическое, к феноменальным предтечам-коррелятам обывательского разума-рассудочка. При этом лирический герой Сартра донельзя нестандартен и больше напоминает артиста: Сартровец (по аналогии с Евгением Гришковцом), да и только. Сартровское ничто слишком артистично, чтобы быть истинным.

"Как раз сознание быть своим собственным будущим по способу небытия мы назовем *тревогой*". Наконец, таки определились, но определились литературно-артистически! Здесь небытие — прежде всего эмоциональный термин, какого-то истинного небытия от него ожидать сложно. А небытие из настоящего как несостоявшееся будущее, да еще предположительное... Теми ли костями пытаемся играть?

"Эта свобода, которая открывается нам в тревоге, может характеризоваться посредством существования того *ничто*, которое проникает между мотивами и действием". Подобно подпольному человеку Достоевского Сартр здесь чувствует нечто тонкое, но способен ли он это чувство выразить или перевести наличную/спрятанную тонкость на язык философии? Архимедов рычаг близок, но возможно ли коснуться его? Наибольшее сомнение вызывает слово "ничто". Не то это, не то! А слово "свобода" не слишком ли затерто? Требуется ли диалектика, ничтожащая всякую свободу, формально детерминирующая ее с другой стороны?

Порыв-прорыв, а человеческий ли это прорыв-порыв? Думается, нет. Нужно говорить не о человеке, а о субъекте. К сожалению, субъект свободен только там, где его нет. А вот это "нет" вовсе не есть сартровское ничто. Пустоты не бывает. Даже до всякого рода логических детекторов. Есть направления мысли, в которых пасуют не только философы, но и визионеры. Мысленный эксперимент с тропинкой над пропастью вообще не из той обоймы. Субъект — только условная рамка совокупности слоев сознания, а если там и есть мотивы, то по большому счету они имперсональны. Некоторые малодифференцированные сознания внутри общего сознания вполне могут устраивать приписки, индуцировать монизирование, как бы создавать единое воление. Иллюзия? Да! Но что из того? Иллюзия вполне может быть действенной.

Вот оригинальная мысль: "...никогда нет мотива в сознании: он есть только *для* сознания". Впрочем, подобное не должно волновать, поскольку важнее наличие импульса хоть как-то смыслово оформленного. Это обычно и называют мотивом, но не некие обстоятельства, не ссылку на что-то. Юридический мотив не есть мотив психологический. Между ними — лакуна. Именно ее мог бы заполнить Сартр, но он предпочитает идти другим путем и обзывает мотив "трансцендентностью в имманентности". С подобным, конечно, нельзя согласиться, как и с вставкой ничто. Всякой небыли в окрестностях сознания и без того хватает. Сартр, же наоборот, извращая действительность, пытается свести сознание к пустому мешку, сплетенному из трансцендентальных характеристик, то есть из нереального.

Совокупность жутких слов "...перedefыльвать Я, которое обозначает свободное бытие" у Сартра никоим образом не относится к реальному здесь-теперь-сознанию", подразумевается очередной идеалистический рудимент старой трансцендентальной философии. Впрочем, похожими рудиментами была полна и официальная советская философия. А вот уже откровенное саморазоблачение: "Это Я со своим историческим и априорным содержанием и есть *сущность* человека". Договорились! Именно такую сущность уже не вытянуть из общегуманитарного болота. Сартр, и правда, пишет не трактат, а проповедь. В речи у него фигурирует

даже "целостность свойств, которые *объясняют* действие". Некая педагогическая поэма. А термин "ничто" слишком близок к логике и неявной философской математике, а потому требует иной меры строгости. Внутри сознания как реального феномена нет ни задатков, ни способностей. Сартр пытается сделать сознание такой же обыденной фикцией, как эти самые задатки, способности, память, установки. Все эти предполагаемые чернотягичные бирюльки давно пора отбросить. Всякую поглощенность и следует называть поглощенностью. Игра в трансцендентальные кубики просто смехотворна.

А формула "это есть в силу того, что это было" поражает своим безумием. В субъективном то, что было, как правило, уже отсутствует. Что было — то ушло. Идеальности, идеалистического нет. Сущность — выдуманная связка. Мы понарошечно выстраиваем те или иные перпендикулярности явному, но эти постройки — только вспомогательные леса. Не следует об этом забывать. Наличное в разуме должно отсутствовать и отсутствует в уме. Ум не должен находиться в тюрьме разума, то есть условно-потенциального фантастического ума. Многочисленные псевдосреды, выстраиваемые вокруг реального здесь-теперь-так, не должны затмевать действительности. А действительности у нас чрезвычайно мало, именно ее и следует видеть в первую очередь. И конечно, собственно трансцендентное не в псевдосредах, не в постсубъекте, но — в досубъекте, в проницании наличности здесь-так, а не в достраивании и надстраивании.

"В тревоге свобода тревожится перед собой, поскольку она не побуждается, не сдерживается *ничем*". А вот новый вариант гомункулуса — свобода! Оказывается, внутри субъекта живет непоседливая змея. Ее имя — Свобода. Вживание, вчувствование в разного рода застывшие тоновые ощущения, не имеющие никаких названий, особого рода интроспекция иногда многое может дать. Это проваливание-вмысливание, как уже говорилось, пластично и легко может обмануть, породить незрительные призраки. Тоническое не имеет коррелятов в средах зрительного, никак не исправимо сравнениями-сличениями. Прагматики у него —

нуль. Под словом "тоническое" мы не понимаем воображения звуков, но только нечто гораздо более общее, близкое к ощущению присутствия как такового. Представление тонического может быть идентичным самому тоническому. В итоге (импульсивно, вне дления по времени и далеко не всегда!) можно получить намек на вхождение в метатрансцендентное, минуя само трансцендентное. Здесь можно заявить о попытке субъективного войти в провал субъективного дальше дальнего, то есть дальше вещи в себе. Субъективное тоническое бесструктурно-иррационально, мы же говорим о попытке достижения доиррационального — дологического-внелогического некоторым неинтенсивным микроскопическим образом. Каких-то позитивных интерпретаций возможно достигнутого и быть не может в силу природы той неуловимости-малоуловимости, о какой идет речь. Некая лишенная нудной диалектики свобода может быть только там, на той стороне действительности. К "персонам", "личностям" она не имеет никакого отношения. Если до обыденных мыслей доходят какие-то импульсы оттуда и в силу каких-то причин усиливаются, то формально могут трактоваться самым произвольным образом. Обыденное сознание пасует перед ними, не зная что именно они есть. Хочу де одно, хочу де другое, а на самом деле вовсе не так. Одевание в тот или иной привычный мундир неизвестных сил. В достаточной степени сартровская "тревога" есть это самое пасование с одновременным втискиванием импульсов запуска в сознательные намерения.

Образчик сартровского высказывания: "... будущее, которым я являюсь, остается вне моей досягаемости". Однако экспансия! Но не только. Хватает странных мыслителей, которые считают прошлое и будущее бытием. А здесь к тому же бытие обозначается многозначным словом "я". А ведь весьма сомнительно и то, что именуют настоящим. Посмотрите на вентилятор. Месиво из вращающихся лопастей — пародия на любую структуру, почти на всё воспринимаемое. Структура — не что иное, как кажущееся заторможенным время, новообразованная лжедействительность. Быстрое извращенным образом фиксируется медленным. Вот и

попробуйте провести разграничения между памятью, сознанием и временем. Искать объективность в постсубъективном — задача крайне нелепая.

Обыденные инструментальные действия Сартр норовит объективизировать, говорит о них как ни в чем не бывало, словно и не требуется философский аппарат.

"Требование бытия является самым смыслом букв, которые я вывожу, и его зов не ставится под вопрос...", — под этим бы подписались и постструктуралисты! От их стиля не отличить. Сартр заявляет о трансцендировании слов к бытию. Этак можно очень хорошо "натрансцендировать". Бытие у Сартра — та самая неразбериха, возникающая при искусственном продолжении всевозможной субъективной мешанины, наподобие слитых в месиво лопастей вращающегося вентилятора. Физики спотыкаются, по-своему корректируют, идут по своей линии, выполняют важные прагматические задачи. Линия философии — принципиально иная. Фотографии с телескопа Хаббл для гносеологии с онтологией аналогичны виду водоема с турбулентно взмученным илом. Иная не только линия, но и ее направление. Естествознание идет над субъектом, философия — в обратном направлении — сквозь субъекта, сквозь сознание. Такой путь требует освобождения от многочисленных риторических, в том числе категориальных, издержек, от пустого перемешивания ила из надуманных понятий и фикций. Соответственно ни до какой трансценденции Сартр не доходит. Постсубъект остается фактически несуществующей надстройкой. В данном параграфе у Сартра она не выдвигается дальше рамок обыденности.

Сартровская "тревога" применительно к буквам, словам, тексту — не более чем сомнение в дальнейших собственных желаниях продолжать работу. Сартр отвлекается от "трансцендентной" конъюнктуры и называет книгу... бытием (!). По нашему мнению, актуальна только часть текста, непосредственно воспринимаемая, она имеет некоторое питаемое субъективностью существование. Прочий текст, пока он не читается, реально отсутствует. Общие умственные ссылки на него никак его не реанимируют. Сартр утонул в фетишах обыденности, в наивных представлениях

и отнюдь не пытается выискать собственно философскую ипостась сознания. Имеет место не заброшенность в мир, а заброшенность в инерцию обыденных псевдосред. Так или иначе, но всё, называемое Сартром бытием, весьма условно.

Подведение к мысли "моя свобода есть единственное основание ценностей" проходит у Сартра слишком внезапно. Само слово "ценность" не совсем обычно, в философском аспекте вырывается из прочих. Своим существованием оно как бы говорит: "Ройте отсюда! Отсюда ройте!" До того Сартр напоминал нам о всяких "вопрошаниях", вбивал в голову читателя термин "тревога", придавая последнему крайне нетрадиционное значение, затем заговорил об "этической тревоге".

"Этическая тревога существует, когда я рассматриваю себя в моем первоначальном отношении к ценностям. Последние несомненно настоятельно требуют основания. Но этим основанием ни в коем случае не может быть *бытие*, так как всякая ценность, которая основывала бы свою идеальную природу на своем бытии, прекращала бы этим самым быть ценностью и реализовывала бы гетерономию моей воли. Ценность получает свое бытие из своего требования, а не свое требование из своего бытия. Она, стало быть, не дается в созерцательной интуиции, которая постигала бы ее как *существующую* ценность и тем самым устраняла бы ее права на мою свободу. Но она, напротив, может открыться только в действенной свободе, которая делает ее существующей в качестве ценности одним фактом ее признания как таковой. Отсюда следует, что моя свобода есть единственное основание ценностей и что *ничего*, абсолютно ничего не оправдывает меня в принятии такой-то или какой-либо другой шкалы ценностей. Как бытие, посредством которого существуют ценности, я не могу быть оправдан. И моя свобода тревожится быть основанием ценностей, в то время как сама не имеет основания. Она тревожится, кроме того, и тем, что ценности в принципе раскрываются в свободе, поскольку они не могут раскрываться, не будучи тут же «поставленными под вопрос», потому что в качестве *моей* возможности существует дополнительная возможность перевернуть шкалу цен-

ностей. Как раз тревога перед ценностями является признанием их идеальности".

Изначально ценность возникает из наличия в сознании специальных реактивно заряженных тонических чувств-ощущений. Многие из них уже содержат в себе плюс или минус той или иной интенсивности. Слово "ощущение" здесь и всегда я употребляю только в холистическом смысле, а не в сугубо аналитическом, препарированном. Соматика — не есть наблюдатель, соматическое облако — само в сфере менталов и равноправно с прочими менталами. К чувственным ценностям добавляется то, что именуют "инстинктами", "предрассудками", всевозможные рассудочные схемы, но, как и в случае текста, актуальны лишь конкретные импульсы, а также охватимые умом реалии в тот или иной момент, в том числе всевозможные выжимки, резюме из имевших место рассуждений. Подобное связано с явным или неявным финализмом, целеполаганием. Липовые объекты по мере возможности изгоняются из чистой философии, но не является ли липовым объектом сартровская свобода? А если является, то что от нее остается? Межевые отношения и характеристики могут и не иметь собственной ипостаси. Но "идеальная ценность"? Вы меня простите. Идеального не существует, невзирая на его полагание, задавание или косвенное рассмотрение. Ценность сама по себе и в любом ином качестве не может быть псевдосредой, пусть полностью отрицать некоторую связь ценностей со спонтанными или специальными псевдосредами не приходится. Ценность макаронного монстра и ему подобных объектов не в нем самом, не в них самих, но в приписанных значениях. Важно не то, где находятся эти значения на какой-то постоянной основе, но само их появление в конкретный момент. Задача визионеров, а не мыслителей выискивать тонкие следы ныне отсутствующего, но остаточного впаянного в реальные феномены. Пусть это дегустируют некие профессиональные интроспекторы, создают специальные методики и способы проверки полученных результатов. Однако есть тонкости, которые вынуждены выискивать все думающие о субъективном сознании. К подобным тонкостям в частности относятся реальные корреляты того, что именуют волей и свободой.

А с ними обстоит куда хуже, чем с ценностями. Субъективные ценности на то и ценности, чтобы их чувствовать. Ошибаются не в них, но в их мысленном и волевом рядоположении в конкретный момент. Субъективное сознание растет не только из дивергирующей вещи в себе, но также из доиррациональной недобытийной подосновы последней, то есть из провала в логическую недетектированность. Говоря "субъект свободен там, где его нет", мы имели в виду это. Чаше подразумевают макросвободу, макронамерения — отношения и явления уже усиленные интерпретированные сообразно с ситуацией. При этом предполагаемая фатальность выбора формально никак не ограничивает свободы. В приведенных выше словах Сартра сбиты реперные точки, расплавлены термины как таковые. "Моем", "бытие", "идеальное". Не отмечены многоступенчатость ценностей и коварство свободы. Настораживает совокупность слов: "моя свобода тревожится", а выражение "тревога перед ценностями является признанием их идеальности" требует особого истолкования. Всё сознательное, к чему бы оно ни апеллировало, на что бы ни ссылалось, остается феноменально реальным; в проблематичное (план отношения к фиктивности) упираются затверженности и степень упомненности. С одной стороны, проглоченность, поглощенность, с другой стороны, степень упомненности имеет прямое отношение к воле, а воля в чистом виде — граница сознания. И не только субъективного. Провал-прогал идет не к объективному бытию, но в добытийность-внебытийность вообще, к началу-истоку, стоящему вне какого-либо применения закона достаточного основания. Имперсональность человеческого сознания упирается в имперсональность еще большую. Контуры чего-либо не отменяют изначального.

Сартр в собственной терминологии пытается свести обыденные ценности к внутренним. Фигурируют пресловутое "дорексивное сознание", "тревога", "ничто". Некое я ("которым я являюсь" и одновременно "ничто") должно "...реализовать смысл мира и свою сущность".

"...я принимаю решения в одиночестве, без оправдания и без извинения".

"Тревога есть, следовательно, рефлексивное постижение свободы ею самой. В этом смысле она выступает посредником, так как, являясь непосредственным сознанием самой себя, она возникает в отрицании требований мира. Она появляется, как только я освобождаюсь от мира, куда был вовлечен, чтобы постигнуть самого себя как сознание, которое обладает доонтологическим пониманием своей сущности и смыслом своих возможностей прежде, чем о них судит".

Мы знаем, какую фикцию подразумевает Сартр под словом "мир". А "требования мира" — всего только трафаретное реагирование самого индивида. Мистическое словосочетание "доонтологическим пониманием своей сущности" можно расшифровать как додескриптивное смысловое схватывание, но схватывание чего? Совсе не сущности. Речь идет о совокупности обыденных интуиций и предположений, а не понимании. Нужно исходить из того, что сам Сартр в этом подразделе не стремится далеко заглядывать. А свободу Сартр превращает если не в субстанцию, то в поэтическую стихию, внутреннюю валькирию. А в большинстве отчетливо просматриваемых случаев, свобода — всего-навсего формальное и скучное отношение одного к другому, да еще вплетенное в скучную диалектику. Например, свободное в коротком отрезке времени будет несвободным в длинном; свободное по отношению к одним структурам будет несвободным по отношению к другим. У физиков есть специфическое именование: "свободное падение". Звучит цинично. У человеческого субъекта существуют ситуации выбора.

1. Выбирает-то он сам и потому свободен.

2. Выбирает-то он на основании А, В, С, D..., а потому несвободен.

Другие варианты.

1. Субъект может объявить себя ослом, козлом, трупом и таки плюнуть на А, В, С, D...

2. Субъект объявил себя ослом, козлом, трупом и таки плюнул на А, В, С, D... благодаря L, M, N...

Одна из причин возникновения параметра, под названием "свобода" (то есть "макросвобода") — узость рассмотрения, условность субъективного оконтуривания. Сомнительность свободы — в онтологической сомнительности времени: нет времени и структуры — нет свободы и несвободы.

Возникает контрфизический парадокс залипания мгновений. Каким образом субъект может действовать, опираясь на уже ушедшее, уже несуществующее? Он действует не в бытующем мире, но некоем буферном междумирии, имеющем отношение к родовому и предродовому. Субъективное сознание представляет собой совмещение объективно несовместимого. Субъективные иллюзии как бы вырастают из иллюзий предсубъективных, предсуществующих. Субъективное бесструктурное сохраняет в себе больше объективности.

Не соглашаясь с психологическим детерминизмом, якобы отрицающим "трансцендентность человеческой реальности, которая осуществляет ее появление в тревоге по ту сторону ее собственной сущности", Сартр выставляет впереди очевидность свободы. Как уже говорилось, трансцендентное Сартр часто отождествляет с денотатами гуссерлевской интенции, но не с чем-то объективно реальным, опирается на чисто бытовые возможности и сугубо бытового гомункулуса. Во многом Сартр старается зря, поскольку оформление волевого импульса внутренними речами необязательно. Главное — сознание желаний и намерений, а еще больше сознание импульса к фактическому действию, сознание ускорения или замедления его прихода.

Неоправданно расширенные рассуждения Сартра о свободе представляют собой богатый материал для патографа, но патография одновременно потребует и подробнейшего знания о жизненных обстоятельствах Сартра. Проблема и в том, что философы и поэты могут жить в особом герметичном измерении, недоступном постороннему.

В качестве некоторых фантазий Сартр предлагает то представлять себя как небольшого бога, то свою свободу как свободу другого. Подобное условное изменение ракурсов будто бы позволяет увидеть себя как источник своих действий и несколько скрыть тревогу, создать утешение. Эта ТРЕВОГА смотрится у Сартра уже не экзистенциалом, а явным пунктиком. Вместе с тем тревога не разрастается у Сартра до кромешного ада и мистического ужаса, оставаясь в обывательских рамках. Собственные соображения Сартр пытается приписать и всякому другому, хотя эти патографические соображения чрезвычайно уникальны. "...мы бежим от тревоги, пытаюсь постигнуть себя *извне* как *другого* или как *вещь*". Конечно, такое где-то возможно, но не во всяком произвольно взятом случае. Высказывание "...мы *являемся* тревогой" не лишено занимательности, но на место тревоги можно поставить многое что. Например, волнение имеет место куда чаще, чем тревожность. Сартр словно бы не знает куда и как вмазать своего гомункулуса, с чем бы таким его отождествить, а в данном случае отождествляет его с комбинированной эмоцией. А почему бы эмоции не считать чем-то посторонним? Паразитическим? Это для Сартра неприемлемо: "... я *являюсь тревогой, чтобы бежать от нее*".

А вот лихой поворот в старом духе: "Впрочем, проблема ничто не может быть исключенной из нашего исследования, если человек *действует* перед лицом бытия-в-себе, и наш философский вопрос есть тип этого действия, значит он *не есть* это бытие. Мы снова находим здесь, стало быть, небытие как условие трансцендентности к бытию". Своя логика, но неполная и смешная. Не бытие — вовсе не значит небытие-ничто. А что есть у Сартра бытие, уже говорилось. Если закрыть глаза на сартровскую трактовку терминов, можно заметить здравую мысль о вторичности "ничтожений", связанных со свободой. Правда, он ничего не говорит о вторичности самой этой свободы и клонит совсем в другую сторону: "Чем должно быть сознание в его бытии, чтобы человек в нем и исходя из него появился в мире как бытие, которое является собственным ничто и посредством которого ничто приходит в мир?" Мы долго видели, как Сартр обманывал сам себя, но те-

перь он, похоже, ищет источник истины в этом же самообмане. Где еще такое можно встретить? Сверх того, Сартр наконец-то заговорил о мгновении, то есть о том, с чего надо было начинать. "Чем должно, однако, быть сознание в мгновении дорефлексивного *cogito*, если человек обязан уметь существовать в самообмане?"

Глава II САМООБМАН

1. Самообман и ложь

Сартр заново приводит два своих определения сознания:

- 1) «бытие, для которого в его бытии стоит вопрос о его бытии, поскольку это бытие предполагает иное, чем оно, бытие»;
- 2) «Сознание есть бытие, для которого в бытии есть сознание ничто своего бытия».

Конечно, это не совсем определения. В них есть повтор: во втором случае слово "сознание" повторяется открыто, в первом — замаскировано ("...предполагает иное, чем оно...").

Немало натянутостей у Сартра и с отождествлением НЕТ и НИЧТО, в навязывании рассмотрения НЕТ для тех или иных актов. Некая алгебра здесь есть, но она явно требует принципиально иного подхода.

Сартр заканчивает с предисловиями и переходит к рассмотрению самообмана и лжи. При этом под словом "трансцендентное" он, как часто и раньше, попросту подразумевает бытовое внешнее, либо любой денотат интенции, независимо от его свойств или отношения к бытию. Какая-то немецкая дурь. Чаше идет речь о фикциях.

Сартр пытается размежевать ложь и самообман. Не лгут, де, когда заблуждаются. Однако даже в сартровском быту заблуждение может носить частично прозрачный характер, заблуждающийся может несколько подыгрывать своему заблуждению и транслировать его далее.

Лжец де изображает из себя другого, и этот другой якобы трансцендентен по отношению к лгущему. А почему бы другому не быть внутри лгущего? Не быть имманентным? Сартр вроде бы

не философствует, а выписывает то одну, то другую уникальную картинку, а затем собирает их в воображаемый комикс. А вообще говоря, на рассуждениях о чашках, пачках сигарет и Пьерах в кафе нельзя строить философию.

Далее Сартр поясняет: "Несомненно, мы определили ложь идеально; несомненно, довольно часто происходит, что обманщик более или менее оказывается жертвой своей лжи, что он в ней наполовину убежден; но эти обычные и тривиальные формы лжи являются здесь также дегенеративным аспектом ее; они представляют собой промежуточные формы между ложью и самообманом". Оправдание картинки? Но далее идет многосмысленное и ненужное: "Ложь является действием трансцендентности", затем упование на *Mitsein* Хайдеггера. Это *Mitsein*, как и многое у Хайдеггера, быстро превращается в нечто квазисубстанциональное, в кубик для маневрирования на пустом месте. *Mitsein* — тот же обман, очередное порождение воображения, возможно даже, необходимое для каких-то совместных целей. Его нужно отдать какой-нибудь карнегистой психологии, но не философии. А в данном разделе Сартр похожим и занимается, пусть и несколько отстраненно.

Слово "я" многосмысленно, однако сартровское "Я *являюсь* своими собственными психическими феноменами..." не может не вызвать возражений. Причем с любых позиций. И уже совсем смешно звучит фраза: "я *являюсь* этим побуждением украсть такую-то или такую-то книгу с этой выставки". Даже со словом "субъект" это побуждение не отождествляется. Сартр тут же отрекается от своих слов, будто бы ссылаясь на фрейдовские Я и Оно, но мы не первый раз сталкиваемся с похожими противоречиями сартровской мысли, первоначально не декларируемым подыгрыванием оппоненту или гипотезе. В данном случае речь заходит о самоотчуждении. Сартровский герой может здесь познакомиться с другим собой, скажем, через посредство психоаналитика. Психоанализ в его целостном значении Сартр отвергает.

То, что Фрейд и Сартр (в данном пункте изложения) именуют цензурой вполне можно сводить к особенностям мнестического. Говоря о знании, сознании, Сартр словно бы забывает о разном

времени всякой суммы субъективных сознаний. В любом случае всё подразумеваемое знание нельзя отождествлять с сознанием. В субъективном сознании может присутствовать только здесь-теперь актуализированное знание, то есть лишь малая часть знания в обычном понимании. Сартр отрицает воззрения психоаналитиков, но в то же время подробно их рассматривает.

2. ДЕЙСТВИЯ ИЗ САМООБМАНА

То, что Сартр именует "быть и фактичностью, и трансцендентностью" надо читать: быть присутствующим и отсутствующим, быть чем-то обычным и одновременно чем-то псевдометафизическим (в частном случае первобытно-стихийным). "Можно видеть, как здесь осуществляется единство между *настоящей* любовью в ее фактичности («контакт двух кожных покровов», чувственность, эгоизм, механизм прустовской ревности, борьбы полов Адлера и т. д.) и любовью как *трансцендентностью* («огненный поток» Мориака, зов бесконечности, эрос Платона, космическая тайная интуиция Лоренса и т. д.)". Далее Сартр в действительности противопоставляет обыденные и редкие тонкие менталы, называет их сосуществование обманом. Первые у него фактичны, вторые трансцендентны. Однако трансцендентность, конечно, стоит и за теми и другими, но по-разному. Так обертоны менее структурны, у них меньше посредников между ними и вещью в себе. Еще раз повторяю: трансцендентной может быть только вещь в себе, а также стоящая за ней недетектированность, но не всё что попало, как у Сартра. Буферное мы не считаем трансцендентным, поскольку оно не имеет объективного статуса. Разумеется, интерсубъективное и прочее псевдосреднее необъективно.

Сартр подключает к своим рассуждениям картинку с разными взглядами на действие (для себя, для другого и т. д.) и единственностью действия. Затем идет дальше: при нелепом отождествлении человека с сознанием несоответствующее грубым фактам сознание, тем не менее, получает свой статус бытийности. Имитация бытия оказывается бытием. Идет сравнение человека, выпол-

няющего профессиональные функции с актером. При этом остается и другая сторона такого положения. Сартр долго и нудно рассуждает на эту тему. Подобное к лицу какому-нибудь проповеднику средней руки. А вот вывод из всего этого нагромождения: "Таким образом, чтобы самообман был возможен, необходимо, чтобы сама искренность исходила из самообмана. Условие возможности самообмана в том, что человеческая реальность в своем непосредственном бытии, во внутренней структуре дорефлексивного *cogito* есть то, чем она не является, и не есть то, чем она является". Прав ли Сартр? Если он прав, то не огульно, но исключительно в некоторых случаях. Перечислять эти случаи следует не философу, а какого-либо рода психотерапевту. Для чисто философского делопроизводства выводы Сартра не годятся.

3. ВЕРА САМООБМАНА

"Истинная проблема самообмана проистекает, очевидно, из того, что он оказывается *верой*. Он не может быть ни циничной ложью, ни очевидностью, если очевидность является интуитивным обладанием объекта".

"Решение быть в самообмане не осмеливается назвать свое имя, оно думает и не думает о себе как о пребывающем в самообмане". И далее Сартр рассуждает в диалектическом ключе, но почему-то сразу не раскрывает его суть применительно к теме. Зато пытается ввести термин под названием "неубедительная очевидность". Опять у нас больше психологии, чем логики: "*Начинают* самообман, как засыпают, пребывают в самообмане, как во сне". Диалектические связки и привязки Сартр подменяет афористичностью в духе Ницше и Оскара Уайльда. Одного упора в нететичность недостаточно. А вот попытка пойти дальше: "Верить – значит не верить. Можно видеть основу этого: бытие сознания есть существование посредством себя, следовательно, осуществление бытия и посредством этого преодоление себя", но эта попытка переходит в старую ошибку, поскольку субъективное сознание не существует посредством себя. За пределами по-

добного мы видим у Сартра только весьма приблизительные наблюдения литератора и психолога.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ БЫТИЕ-ДЛЯ-СЕБЯ

Глава I НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ СТРУКТУРЫ ДЛЯ-СЕБЯ

1. ПРИСУТСТВИЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К СЕБЕ

Сартр начинает с традиционной одиозной¹¹ критики пунктирных положений Декарта (самим Картезием полностью не развернутых), слегка касается феноменологических воззрений Гуссерля и Хайдеггера и возвращается к своему "дореклексивному *cogito*". А нельзя ли наряду с Декартом покритиковать досократиков? Допустима ли здесь современная пристрастность? Критика хайдеггеровского подхода вполне уместна: "...*Dasein*, лишенное вначале измерения сознания, никогда не сможет вновь обрести его". Зато мнение самого Сартра по-прежнему остается смешным: "...научиться опрашивать *cogito* о его бытии..." Да и задача этого опрашивания невозможная и непотребная: "... ускользнуть от мгновенности к тотальности бытия..." Гегелевские словечки "тотальный", "тотальность" выдают чисто риторические устремления уйти от конкретики в заведомо несуществующую заоблачность, к обязательному смещению бульдога и носорога, фикции и реальности. Дальше еще смешнее: повторяется определение сознания через само сознание, за субъективным сознанием закрепляется статус полноценного бытия (при яростном открешивании от субстанциональности), идет имитация диалектики, противоположные посылки (словно в кантовских антиномиях) не имеют достаточно приличных привязок.

Мы видим у Сартра слишком вольное обращение со словом "плотность": "плотность бытия-в-себе бесконечна". А подразуме-

¹¹ Зависть Гассенди к Декарту так и приобрела всемирно-историческое значение.

вает он здесь совсем иное: "Нет в-себе ни одной частицы бытия, которая находилась бы на каком-то расстоянии от себя самой". Попытка офизичивания не может не вызывать настороженности. Как посмеялись бы здесь Жан Брикмон и Ален Сокал! Вот перл: "Принцип тождества, можно сказать, синтетичен не только потому, что он ограничивает свое значение определенной областью, но особенно потому, что он объединяет в себе бесконечность плотности". До постструктуралистов здесь один шаг, если не меньше. Бессмысленное моделирование одной области на другой. Проливается иной свет на частое, но бесплодное использование Сартром гегелевской риторики. Конечно, Гегель иногда озаряет, но озаренное не должно повисать в воздухе.

Термины "сжатие" и "разжатие" Сартр применяет к субъективному сознанию, оно у него фигурирует как декомпрессия бытия в смысле несовпадения с самим собой. В игру включаются пресловутые дорефлексивное и рефлексивное *cogito*, а в качестве предмета рассмотрения берется... вера! Не по принципу ли: чем смутнее, тем лучше? Долой картезианскую отчетливость! Однако каков подарок? Грубо говоря, вер столько сколько людей. Отход через эпохе от "mit-machen" мало что даст. А если мы берем веру как нечто искусственно выделенное и отпрепарированное, то уходим от сути вопроса. Сартр под видом итогов бросает свои строительные леса и вдруг переходит с веры на "свойства" сознания: "...сознание веры и вера являются одним и тем же бытием, характеристика которого – быть абсолютной имманентностью" и далее: "...мы оказываемся перед возникающей двойственностью, игрой отражений, ибо сознание есть отражение; но именно как отражение оно является отражающим, и, если мы пытаемся его постигнуть как отражающее, оно исчезает, и мы возвращаемся к отражению". Смесь художества с диаматом! А куда подевалась собственно вера? Последующие попытки смешения риторики с механикой уводит прочь и от ментальности как таковой. Будто бы Сартр не догадывается что она такое. Она же перед ним!

Общая рекомендация: дабы не думать об отражениях, забудьте, господа, о зрительности. Возьмите восприятие тонких сложных запахов или проигрываемых мысленно мелодий. Можно

дойти до осознания мнимости грани между перцепцией и апперцепцией. Нужно думать не об отражениях, но о связностях между разными менталами внутри общего ментала. Противопоставления искусственны, наблюдатели-гомункулы отсутствуют. А у Сартра мы видим "отражения-отражающего", то есть псевдоэкзистенционалы — то, что на Руси называют намоленностью. Ментальность слишком пластична. Вылепленное не является атрибутом психики, но нечто из сознательно или спонтанно сотворенного может далее преследовать вас всю жизнь. Наибольший вред проистекает от сотворенного через заражение, интерсубъективно. Далее Сартр рисует будто бы фундаментальное — "способ бытия, отличный от бытия-в-себе". Притом Сартр бежит от спинозовской *idea ideae* и упирается в "дореклексивное сознание": "Именно дореклексивное сознание является сознанием себя, и как раз само это понятие *себя* нужно изучить, так как оно определяет бытие сознания". Долго думало! Но Гегель не спасает от риторической избыточности, а Хайдеггер уводит в сторону. Кроме того, Сартр внезапно обращается к языку, уточнению значения местоимений как источнику ложного воззрения. Это надо было делать гораздо раньше. Однако Сартр все же переходит допустимую грань, всерьез воспринимая исторически возникшие "в себе" и "для себя". "В себе" еще при Канте потеряло исходящий из грамматики смысл. Пусть Кант — ничто без подстановки в него Юма и сенсуалистов. "Для себя" осталось условностью, словесной избыточностью с одной стороны, а с другой — насмерть прокрасилось мнимым или внешне индуцированным и настропаленным эго. Подходить к монадичности факта субъективности нужно по-иному.

"Понятие «себя» отсылает как раз к *субъекту*" ... "Оно вовсе не субъект, поскольку субъект без отношения к себе уплотняется в тождество в-себе; оно и не является больше плотным сочленением реального, так как обнаруживает субъекта позади себя". Наконец-то Сартр перестал тщательно прятать слово "субъект"! А не смешно ли словосочетание "плотным сочленением реального"? Похоже, Сартр никак не может отойти из вытекающего из наивного реализма представления о физичности образов воспри-

ятия. Он совсем запутался: "Фактически *себя* не может быть понято как реально существующее; субъект не может *быть* собой, так как совпадение с собой, как мы видели, ведет к исчезновению себя. Но он не может более *не быть* собой, поскольку себя является указанием самого субъекта". Не проще ли указать на безличность всего? Сартр настаивает на идеальности осебячивания, то есть на самом деле скрытым образом признает его отсутствие. Однако дело в том, что осебячивание, оконтуривание, самоуказание вполне психично: может быть, не быть или слабо намечаться. Оно не есть что-то обязательное. Тем не менее нельзя допускать гераклитовщины, которой в гегелевской модификации столь сильно увлекается Сартр. Вчера не есть сегодня, нельзя и одного раза войти в одну и ту же реку, а константная составляющая чувства присутствия не есть какое-то себя или в себе. Иллюзорность оконтуривания или самоуказания не имеет никакого значения, поскольку иллюзорно всё субъективное сознание. Другой вопрос в том, что бытовое оконтуривание, как правило, ошибочно: оно путает субъективную видимость с некой объективной действительностью. Всякий раз субъект располагает не картой мира, но картой возможной деятельности внутри приданного родового калейдоскопа.

О синтезе множественности можно и не мечтать. Подобное не происходит, отчуждение от прошлого неизбежно. Однако Сартр пытается найти механистическое неустойчивое равновесие между тождеством и синтезом множественности и подобную искусственность называет присутствием по отношению к себе. Более того, у него "Закон бытия *для-себя* как онтологический фундамент сознания есть само бытие в форме присутствия к себе". Как громоздко! Как по-немецки риторично! Нельзя так злоупотреблять словом "бытие". Это он о случайной слепленности воспоминаний в случайном настоящем! О метафизическом плевок из неизвестности.

Сартр нам это преподнес и тут же в своей манере начинает делать вид, будто он здесь не причем, будто это подарил не он, а

некие глупые философы. Подобный фокус повторяется на протяжении всего трактата, что, надо сказать, утомляет, вызывает ложные ориентиры. Говорит от себя, а затем от этого же говорения отрещивается. Последний раз — с некоторой помощью Гегеля. И далее: "...присутствие по отношению к себе предполагает, что неощутимая щель проникла в бытие. Если есть присутствие по отношению к себе, то это означает, что вовсе нет себя". Хотя бы и так!

"Присутствие является непосредственным уроном (разрушением) совпадения, так как оно предполагает отделение. Но если мы спросим сейчас, *чем является то*, что отделяет субъект от него самого, мы вынуждены признаться, что оно является *ничем*". Еще лучше, но делает ли Сартр правильные выводы? И те ли у него исходные посылки? Весьма сомнительно. Брать за образец одно и переносить его на другое — мало кем приветствуется. А Сартр всё это время держал в голове уже полузабытую... веру — с самого начала крайне сомнительную вещь. Возможно ли заниматься верой в центральных блоках изложения, не делая никаких теоретических скидок и допущений? Где запрещены эмоциональные постулаты, вводят чисто логические, а это недопустимо, философия — не математика. Лишнее неизбежно вымывается, уходит на периферию, отдается прикладным областям. Кроме того, Сартр намеренно осыпает нас выдуманными парадоксами, представляя желе сознания само в себе, намеренно забывает, что говорит не об одном каком-то сознании, но о разбросанном в субъективном времени пакете сознаний, выискивает ничто как актуальную сущность

"Бытие сознания как сознания означает существование *на расстоянии от себя* в качестве присутствия по отношению к себе, и это недействительное расстояние, которое бытие носит в своем бытии, и есть Ничто". Для того чтобы подобное заявить, нужно прежде отречься от свойств сознания. А это Сартр успешно делал, вводя искусственное ментальное раздвоение. Бревно под названием "направленность" сильно портит перспективу внутри сознания. А вот иллюстрация крайней бревнистости: "...бесконечное движение присуще лишь рефлексивному взгляду, кото-

рый хочет постигнуть феномен как целостность и отсылается от отражения к отражающему, от отражающего к отражению, не имея возможности остановиться". Не смешно ли было самому Сартру подобное читать? Такое лишь для риториков с амвона.

Завершение параграфа не менее нелепо. По Сартру, человеческая реальность оказывается единственной основой ничто в глубине бытия. За какие заслуги бесхвостой обезьяне так воздано? Проповедь Сартра начинает вываливаться из здравого смысла.

2. ФАКТИЧНОСТЬ ДЛЯ-СЕБЯ

По поводу для-себя Сартр раскладывает псевдодialeктические кости домино, а затем делает пояснения, прокламирующие феноменальную фиктивность для-себя: "Оно есть в качестве события в том смысле, в котором я могу сказать, что Филипп II *был*, что мой друг Пьер есть, существует..." Сартр приводит чисто прагматические примеры, а затем с бухты-барухты примешивает сюда декартовское *cogito*, причем на этот раз объявляет его рефлексивным. Примешанное само по себе выглядит относительно логично: "...постижение бытия самим собой как не являющегося своей собственной основой..." Далее после намёка на вторую теодицею у Сартра возникает для субъективного бытия основание собственного ничто, и опять всплывает существование на расстоянии от себя — ненужная подпорка. Если нет рефлексии — не требуется и расстояние, патологическая заикленность на наблюдателе и наблюдаемом просто поразительна.

Дополнительная ненужная идеальщина проистекает у Сартра из рассмотрения возможного: "...бытие имеет свою возможность вне себя..." У Сартра подобное ведет к обоснованию случайности субъективного и следующему ошибочному выводу: "...объяснение и основание моего бытия, поскольку я являюсь *таким* бытием, не могут быть найдены в необходимом бытии..."

"...сознание не может ни придавать себе бытие, ни тем более получать его от других". В-себе у Сартра должно ничтожиться в для-себя. Тем не менее философ уходит от конкретной случайности и сводит ее к абстрактной идее случайности: "...речь тут идет

о ценности, не о факте." В связи со всем изложенным начинается жуткая риторика, не имеющая никакого отношения к реальности. «Метафизика» выше крыши: "Но если бытие-в-себе случайно, оно возобновляется, чтобы деградировать в для-себя".

Моделирование реального на словесности — не слишком благодарная задача, а Сартр оказывается не столько последователем Гуссерля и Хайдеггера, сколько прямым наследником схоластики. Если Гегель временами спасает сам себя от этого порока с помощью предельного абстрагирования, то с Сартром такого не происходит. Он словно бы играет на словах в некую электрическую машинку, должную крутиться, но на деле неработающую. Щетки ничтожения трагическим образом не передают энергии. Кроме того, Сартр почему-то не описывает тот незримый параллельный мир, в котором для-себя терялось как в-себе, прежде чем оказаться в нашем мире. Где они останки в-себе, не перешедшие в для-себя? Выглядит краснобайством высказывание: "*то, что* ничтожится в сознании, не может быть названо основанием сознания и является случайным в-себе." Если мы в сознании, то должны видеть самый акт ничтожения в сознании, однако никакого видения подобного нет. Сартр запутался окончательно и бесповоротно, а вместо ничтожения идет скольжение с одного сознания на другое. Ничтожения полноты нет, ввиду неполноты субъективности. Не было момента, в котором в субъективном сознании присутствовала бы долженствующая полнота в-себе. Где она глубинная метафизика модифицирования в для-себя?

Во многих предложениях Сартра вот-вот намечается безукоризненная диалектика, но всякий раз словно происходит щелчок — и мыслительное построение осыпается. Философ ссылается на оставленность в глубине для-себя, но не он ли нам некогда странным образом твердил об абсолютности феномена? Коли сознание — так сознание до самого донца, иначе у нас не сознание. Что за сознание, которое себя не зрит? А вот еще подарок: "Если я расшифровываю данные дорефлексивного *cogito*, я констатирую, конечно, что для-себя отсылает к себе". Есть ли в наличии подобная психология? Сартр, оказывается, расшифровывает, но где он прячет шифровальную машину? А почему исходное *cogito*

от него где-то скрывается и не дается сразу? Философ словно бы находится где-то в ином мире и нечто вычерпывает ложечкой из этого. Или он уже прорвался сквозь страницы феноменологии и отождествился с гегелевским абсолютным духом? Куда смотрели жалкие Мах и Авенариус? У нас в наличии шизоиллюстрация: "Жажда отсылает к сознанию жажды, в котором она *является* как в своем основании, и наоборот". Не всё ли ясно, господа? У Сартра, как у Платона, где-то существует отдельно взятая Жажда. Некоторые узко мыслящие физиологи посчитали бы ее обезвоживанием, но в таком случае необходимо объявить Ж.-П. Сартра ясновидящим, который мог бы спокойно обходиться без всяких медицинских обследований, в том числе рентгена.

Сартр пытается сделать философичным и совершенно нефилософское, вначале используя термин "случайность", а затем подменяя его словом "фактичность". Явления, относящиеся к прикладной философии или вообще социологии, он постоянно пытается вставить в сугубо чистую философию, заведомо несовместимую с бытовыми представлениями, неправомерно перемешивая гносеологические пласты. А перемешивать диапазоны и спектры, гомогенизировать шкалы запрещено даже физику. Взаимоотношения между выдуманной в-себе и для-себя иначе не проиллюстрировать, но при этом окончательно разрушается их интеллектуальный потенциал и значение в качестве метода рассмотрения. Без всяких церемоний Сартр обрушивает явленную им фактичность в ранее введенное дорефлексивное cogito. Сугубая прагматика врезается в попытки философских начал. Вулкан из официантов и Пьеров в кафе завершает мистерию.

3. ДЛЯ-СЕБЯ И БЫТИЕ ЦЕННОСТИ

Ставится вопрос: "...картезианское «Я мыслю» задумано в перспективе мгновенности временности. Можно ли найти в глубине cogito средство превзойти эту мгновенность?"

А вот попутная ошибка при подходе к вопросу: "Понимание имеет смысл, только если оно есть сознание понимания. Моя возможность может существовать как *моя* возможность лишь тогда, когда именно мое сознание убегает от себя к ней". Бытовое "убегание" для подобных текстов недопустимо, тем более "от себя к ней". Дальше Сартр так и не преодолевает рамок риторики.

"... *недостающее* – той же самой природы, что и существующее; оно страдает от разрушения ситуации, для которой оно стало бы существующим..." Это после примера ущербной и полной луны! И продолжает: "Именно полная луна придает растущей луне ее бытие как растущей; именно то, чего нет, определяет то, что есть...", "...только бытие, которого не хватает, может перевести бытие к недостатку". Заодно Сартр загоняет себя в окончательный тупик, уточняя элементы платонизма в понимании Жажды: "...жажда как органический феномен, как «физиологическая» потребность в воде не существует..." Святые слова! С самого начала следовало бы выражаться точнее. Однако уходим от иллюстраций. Сартр прокламирует наличие в "человеческой реальности" тройственности: существующего, недостающего и недостатка.

"Роль существующего играет здесь именно то, что дается cogito как непосредственность желания". В остальном у Сартра ничего, кроме многословия. По сравнению с лаконичностью Декарта! Психологических соотнесенностей либо нет вообще, либо они выглядят пунктирами в мутном отдалении. Иногда появляются обнадеживающие намеки на трансцендентность, но этот термин всем предыдущим сартровским изложением сильно обесцвечен. Прочие аргументы (например, неполнота человеческого реального) остаются невысказанными. Аналогично и о синтезе для-себя и в-себе. Некоторые выводы правильны, невзирая на крайнюю отстраненность теоретической модели. Впрочем, они совпадают с довольно древними интуициями. Крайне смешно настаивание Сартра на обязательном наличии расстояния между для-себя и в-себе. С одной стороны, философ словно бы боится действительного, а не мнимого трансцендентного, с другой сто-

роны, он представляет субъективное сознание исключительно окукленным в персону и соответственно разорванным внутри себя. Тот, кто не хочет или отрицает бога, может говорить о деперсонализированном абсолюте, но для Сартра такое невозможно и запрещено. Он отменяет всё оптом. Мало того, еще и проводит нелепые сравнения с чернильницей и карандашом, даже не поясняя в каком качестве он их берет.

"Бытие появляется в то же время, что и сознание, одновременно в его сердцевине и вне его; оно является абсолютной трансцендентностью в абсолютной имманентности; не существует приоритета ни его перед сознанием, ни сознания перед ним, они *являются парой*". В любом смысле, при любом переворачивании эта фраза поражает своей неправомерностью. Распорол и попытался спарить. Если такова человеческая словесность, то ее нужно исправлять, создавать иную грамматику. Однако разорвать очень хочется — и в качестве ножа Сартр пытается использовать ситуацию. А как? Ситуация может отвлекать, да так, что о ней не всё помнят. И с какого бока сюда, прикажете, подключать философию? Если и подключать, то как-то перпендикулярно, а не параллельно, с учетом массы лакун. Говоря о страдании, Сартр слишком много рассуждает о его внешнем выражении и недостаточно глубоко ныряет в него. Трансцендентное скорее надо искать именно там, а не в чернильницах и чашках.

"Мы можем сейчас определить с большей четкостью то, что является бытием себя: это — ценность". Звучит почти нейтрально, не ложно и не истинно. Чувствуется некоторая фундаментальная недосказанность. Ценность, вырванная из чего-то, не слишком претендует на саму себя. Острая необходимость замены этого термина другим. А у Сартра есть не совсем удачный пример: благородство. В отличие от многого оно не только относительно, но и является отношением. Сверх того, предполагает социологированность. Годится ли подобное в феноменологию? Сильный запах гегельянщины, уход из конкретики, а потому задача обреченная. Умножение умножений вне математики оказывается бесплодным умствованием. Весьма далеким от экзистенциализма. Для спасения Сартр выбрасывает флаг свободы. А свобода уже

сама по себе невозможна без диалектических нагромождений и чувственных обманок.

Однако где обещанный выход из мгновения? Где он? Похоже Сартр о нем подзабыл во время риторических экзерсисов. Поманил огонек и исчез. А счастье было так возможно? Конечно, нет! Если бы Сартр подразумевал под выходом водку, колбасу и селедку, даже в абстрактном их понимании, то прямо бы об этом сказал и обрек бы себя на критику.

4. ДЛЯ-СЕБЯ И БЫТИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Опять у Сарра идет пример с полной и ущербной луной. Призадуматься: пример-то неудачный. А к нему он еще привязал и трансценденцию в чисто сартровском смысле, то есть совсем не трансценденцию. В итоге у нас — кукольный театр. "...поскольку появляется идеал, а именно совпадение с собой, недостающее для-себя есть для-себя, которым я *являюсь*. Но, с другой стороны, если я был бы по способу тождества, целое стало бы в-себе". Следуют разнообразные примеры, но это не значит, что все они должны механически переноситься в философию. Сартровский экскурс в историю философии по вопросу возможности куда более глубокомыслен, но не особенно убедителен. Идут шатания в выборе предпочтений между естественным порядком вещей и особенностями человеческой мысли. Зря Сартр не выбрал адвокатскую карьеру: глядишь, и заставил бы присяжных размышлять по Гегелю. Однако многим из них голая риторика резко бы не понравилась. Мы постоянно наблюдаем у Сартра одни и те же ни к чему не обязывающие диалектические фигуры: 1) А есть А и 2) А не есть А. В итоге: А есть А именно потому, что оно не есть А. Подобное регулярно оказывается у Сартра куда важнее того предмета, который он рассматривает. Система отображений, модель как таковая самодовлеет. А вот явное безумство: "Сознание читать (сознание о чтении) не является сознанием читать ни эту букву, ни это слово, ни эту фразу, ни даже этот параграф. Но сознание читать *эту книгу* отсылает ко всем страницам, еще не чи-

танным, ко всем страницам, уже прочитанным, что, по определению, отрывает сознание от себя. Сознание, которое было бы только сознанием того, чем оно является, было бы обязанным читать по слогам". Сартра постоянно несет в виртуальный мир.

На слоги-слова-короткие фразы идут слои сознания, но далее в нормальном случае никакой интегративности не хватит. Нужны пакеты локусов времени и археологические слои сознаний исчезнувших. О книге в целом может быть только общее впечатление. Для уточнения некоторых подробностей нужны частичные реставрации-разворачивания. А у Сартра сознание — теоретическая фикция и аналог абсолютного духа одновременно. Неудивительно, что Сартр пытается втиснуть в ментальность еще и совокупность возможностей. Разные сознания в последовательности Сартр объявляет одним и тем же сознанием. Кроме того, он постоянно забывает, что некогда отделил сознание от его содержания и сделал его волшебным витающим духом. Сознание у него вылетает из некоей норы, набрасывается на предметы и чуть ли их не поедает.

А вот еще одно волшебство: "Жажда, например, никогда не является достаточно жадной, поскольку она делается жадной, она преследуется присутствием Себя или Жадной-себя". Или: "Она есть жажда, перешедшая к полноте бытия, жажда, которая переполняет желудок, как аристотелевская форма охватывает и трансформирует материю, она становится вечной жадной". И юмор, и сатира, и сказка! А крупицу истины, которая здесь может быть, Сартр не пожелал извлечь. Правда, делать это лучше бы на ином примере. Можно было бы рассмотреть обман предвкушения или некоторые эмоции в несмешанном виде.

Кастрация представлений, резкое сужение теоретического круга: "Возможное есть то, *чего* недостает Для-себя, *чтобы* быть собой". И только-то!? А при чисто феноменологическом толковании Сартр говорит совершенно о постороннем, неправильно-боковом. Дополнение недостающим до полноты здесь означало бы полное преобразование. Сартр играет в слова по своей затверженной схеме. А в данном случае у него переход в аспект хо-

тение-желание, причем выскобленно-абстрактный с одной стороны, а с другой — чрезмерно приземленный, но по форме необычный: сартровское я будто бы начинает себя представлять по ту сторону мира. А в качестве примера выступает нететическая жажда, но с теоретически вульгарной картинкой стакана воды. То трактат, то рассказ.

=====
Чем Сартр убил собственную философию? Двумя вещами: кривой непродуктивной диалектикой и отрицанием феноменальности сознания.

P. S.

Неискушенный зритель прошлого века, попавший на выставку абстракционистов, часто громко заявлял, стоя перед художественным полотном, что он ничего не понимает. Однако надо было не понимать, но видеть. Мир и есть такое полотно. Прежде чем о чем-то рассуждать или кого-то слушать, нужно попытаться увидеть: что, как, где. Главнейшее здесь — где. Именно в ответе на вопрос "где?" допускают максимальное количество ошибок.

СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ МЕСТА КНИГИ БРИКМОНА И СОКАЛА "ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ УЛОВКИ"

(Философский аспект)

Жан Брикмон и Ален Сокал взяли на себя труд выявить интеллектуальную ничтожность творений постмодернистов-постструктуралистов начиная с Лакана и кончая Гваттари.

Что бросается в глаза сразу? Нет сомнения, что умствования идеологов постмодернизма — лженаука. В лучшем случае — это отдельные квазиконцепции. Квазиконцепции похожи на рабочие гипотезы, они важны в быту, без них никуда не двинуться. Они временны и локальны, оказываются своего рода смазкой, случайной заготовкой. Нужны ли квазиконцепции постмодернистов? Скорее всего, нет. Однако эти квазиконцепции вплетаются в различную синтаксическую заумь и для кого-то приобретают вполне благопристойный вид. Весьма часто постмодернисты прикрывают свои рассуждения физико-математической терминологией. При этом они одновременно показывают незнание физики и математики, допускают массу ошибок.

Различными способами доказывая несостоятельность утверждений главных теоретиков постмодернизма, Брикмон и Сокал (будем называть их в дальнейшем словом "критики") в то же время отрицают любую методологическую ценность солипсизма, а часто весьма близки к наивному реализму, свойственному самим постмодернистам.

Релятивизм постмодернизма по отношению к науке? Конечно, фундаментальная конвенциональная наука заслуживает всяческого поощрения и в частности максимального финансирования. Однако нужно заметить: существующие науки имеют некоторые регулярно повторяющиеся логические лакуны и первично осно-

ваны на способах данности обыденного мира, который, мягко говоря, почти иллюзорен. Постмодернисты (точнее, их временные попутчики и предтечи) словно бы почуяли, куда именно нужно бить.

Критика высказываний Лакана? Здесь нет ничего затруднительного, поскольку весьма шатка база любого психоанализа. Психоаналитики выдумывают заведомо несуществующие структуры и используют их для своих гаданий и угадываний. Иногда что-то получается. Всякий раз важна персона самого психоаналитика, его чисто биологические способности к эмпатии и внушению. Путь открыт. Но у нас речь идет о теории, а лакановское жонглирование математическими терминами и в самом деле чрезвычайно смешно.

Юлия Кристева. Ее ранние тексты критики относят к "самым худшим примерам структуралистской распушенности". Действительно, в ее высказываниях чрезмерно много избыточного обращения к математике, а полезных результатов такого обращения собственно и нет. Ее много раз подлавливают на некорректном использовании математических терминов, например на слове "континуум". Она связывает его с вполне перечисляемыми объектами. Счетные множества перепутаны с несчетными, дискретность — с непрерывностью. У нее раздражают типичные для постструктуралистов словосочетания: "послание книги", "послание литературы". Если о послании книги в каких-то единичных случаях и может идти речь, то о послании литературы вряд ли. Конечно, в обычном, а не в сектантском смысле.

Критики останавливаются на некоторых основополагающих вопросах философии.

Утверждение "вне меня существует дерево или дом", прокламируемое критиками, слишком самонадеянно для абсолютной философии, то есть центральных неприкладных областей гносеологии. Во-первых, словосочетание "вне меня" слишком обыденно и неточно, во-вторых, и слово "меня" совершенно никуда не годится в философском смысле, в-третьих, мир за рамками субъек-

та нельзя рассматривать подобным обыденным моделям. За рамками субъекта — потусторонность. Говоря о ней, следует забыть обо всех тривиальных развертках. Даже "теории иероглифов" здесь слабы и совсем не о том.

Мы целиком в лапах практики, она толкает нас к приписыванию значений. Можно говорить о практической применимости теории, но практическая применимость ничего не говорит о верности. Практика ограничена даже для целей приспособления. Между земной наукой и собственно философией (центральным звеном философии) лежит пропасть. Даже чисто физически в некоторые очень короткие промежутки времени никаких домов и деревьев быть не может. А если их нет в короткие или чрезмерно длительные промежутки времени — у нас в наличии парадоксы! Всеобщую размазную называют домами и деревьями. А сам-то человек в какие промежутки времени есть?

Строго говоря, субъективное сознание имперсонально, безлично. Чувство "я" в нем теплится, но оно не гомункулус. Чувство "я" так же не отождествляется с самим сознанием. Сознание неполноценно по своему статусу, не является чем-то самообъясненным. Где уж тут быть клавесину, "который играет сам по себе". Зрение возникает и поддерживается благодаря посохам — осязанию и сходным с ним восприятиям. Убрав посохи, мы получим весьма интересный мир. О каком сходстве "внешнего мира" и "внутреннего" можно говорить, опираясь только на звуки, запахи и вкус? А ведь в них — дальняя нацеленность! Запах и звук ближе к вещи в себе, чем привычная геометрия. Нужно только задуматься. Что такое музыка? Откуда она взялась на самом деле, а не исторически? Человек погряз в догмах зрительно-осозательных раскладок, разверток по времени и пространству — и всевозможных видов памяти. Мы видим перед собой фрагмент собственной памяти, а до нее и прежде всего встроенной *конституционной* памяти рода и прарода — почти то что, Кант считал априорным. Но это — мелкая ветка ветки чего-то глубинного. Однако и термин "память" весьма нехорош. Мы только предполагаем наличие памяти, но никак не знаем её модуса.

Скептицизм неопровержим, в нем и заключена суть кардинальной философии. В противном случае философия вообще не нужна. Мы имели бы только некоторый прихвостень науки. Судите сами, ведь сумасшедшими когда-то объявляли считающих, что земля шарообразна, что она вертится вокруг солнца. А ныне уважаемые критики вдруг обращаются к мнению крестьянина по поводу наличия дерева и дома.

Энтузиазм критиков, вызванный предсказанием магнитного момента электрона наивен. Речь идет о предсказании в среде вспомогательных понятий. Кто эти строительные леса заказывал, тот по ним и карабкается в нужную точку. Направляющие этих лесов сооружены задолго до человека и человечества. Восприятие — всего лишь восприятие. Высказывание критиков "передо мной стоит стакан" онтологически глупо. Даже в самой грубой картине мира все соткано памятью, временем, движением. Стакана просто не может быть. Стакан — всего лишь обыденность, сигнальное упрощение. Сам человеческий масштаб и ракурс — заведомая ограниченность.

Человек существует в измерении, связанном с воспоминаниями. Представьте, что памяти нет. Это его развертка событий. Представьте, что реально все происходит иначе. Имеем одну размытость.

Логично считать, что человек воспринимает мир сообразно взаимодействию с ним. То, с чем он не взаимодействует, то он и не воспринимает. А мир невзаимодействия-невосприятия вполне может быть главным и существенным. Человек-функция, человек-производная воспринимает-взаимодействует только с ничтожной частью сходных с ним функций-производных, а не с подавляющим их числом и уж никак — с примативным бытием в себе. Тень тени воспринимает и взаимодействует с некими соизмеримыми с ним тенями теней. Самой иллюзии важнее всего близкие ей иллюзии, какого рода вторичностями или извращениями они ни были бы. Ведь иллюзия, фикция подменяет собой то, что именуют словом "материя" и таковой фактически является. Большая часть мира невидима. Даже наука ныне стала прибли-

жаться к подобным прописным истинам. Наше существование "здесь" можно рассматривать и как изгнание и как случайную кражу бисера, а точнее некоторых его отсветов. Что украли — с тем остались, оказались в ссылке.

"...на протяжении четырех последних столетий наблюдается накопление и рост знания". Это ни о чем не говорит. Рост знаний может идти только в одной какой-то плоскости, однобоко, в соответствии с неким однобоким присутствием человека в мире, ограниченностью его восприятия и "действия".

Рассматривать здесь аргументы за и против теорий Поппера, Куайна, Фейерабенда, куновской теории смены парадигм в науке мы не будем. Вопросов социологии науки не касаемся. Скажем, жутко интересный вопрос о влиянии маскулинности или феминности на законы Ньютона оставим втуне. Желающие могут сами ознакомиться с творениями Люси Иригарей, посмеяться, поплодировать — кому что.

Лиотар совершает поистине Колумбовы открытия. Критики поясняют, как он это делает, сравнивая плотность... одной молекулы с плотностью вещества. Лихая диалектика в итоге!

Вполне можно обойтись без сличения метафор "линейное" и "нелинейное" мышление с линейными и нелинейными функциями. Ничего продуктивного такие сравнения априори не дадут. Мало ли где еще может использоваться слово "линейный"! Линейное отделение полиции, например.

Хаос... Вообще-то не философия заимствовала это понятие у математики, а наоборот математика — у философии и мифологии. Теория хаоса? Пусть остается специальным понятием. Художественная литература и кино могут играть с ним сколько хотят. А ведь по сути творения постструктуралистов-теоретиков имеют больше отношения к развлекательному чтиву для немногих, чем к философской мысли.

Рассуждения Ж. Бодрийара о войне в Персидском заливе действительно напоминают собой чеховское "Письмо к ученому соседу". В остальном текст Бодрийара — чистейшая журналистика. Однако журналистика абстрактная, наполненная массой избыточных понятий, превращающих изложение в толчение воды в ступе. Он говорит о прямой Прогресса и Демократии, линейном пространстве Просвещения. Прочие рассуждения Бодрийара расцениваются критиками как еще более бессмысленные.

Делез и Гваттари. Вначале авторы приводят мнение Фуко о величайшем значении творчества Делеза. Затем начинается разбор использованной Делезом терминологии. По мнению критиков, Делез и Гваттари выставляют напоказ обширную, но весьма поверхностную эрудицию. В наборе бессмысленных фраз изредка присутствуют относительно осмысленные замечания. Среди последних много банальных.

"Кожа располагает чистой поверхностной потенциальной жизненной энергией..." Это образец творчества Делеза.

Поль Вирилио. Его тексты названы псевдонаучной вербалистикой, но при том в его фразах /считают Брикмон и Сокал/ немного больше смысла, чем у Делеза и Гваттари.

Критики объявляют нелепостями попытки применения главной теоремы Геделя к биологии и социологии.

Статья Сокала — одна из причин написания книги. Никто не отнимает у статьи Сокала права быть пародией. Такой она и является, но самое смешное в ней, конечно, редкие моменты... самопародирования. Наличие таких моментов рано или поздно подтвердят даже экспериментально. Объективизм скрытой в ней критики зашкаливает. Потому нечто выдаваемое за дурачество иногда оказывается, либо окажется правдой. А цитаты из Бора и Гейзенберга уже сейчас не смотрятся абсурдными.

Стараниями Брикмона и Сокала постмодернисты повержены в пух и прах. Не удалось ущучить только Деррида. Как же так? Большое упущение. Для кропотливого анализа текстов этого автора надо было приглашать филологов. Можно было бы задаться вопросом и о степени ценности его сочинений. Некоторые из его текстов — чистое литературоведение. Другие — весьма сомнительны. Допускаемые им заземления смыслов иногда простибельны для поэта, но — никогда для исследователя. Нельзя критически не относиться к его словосочетаниям, типа "центр структуры". Нет у нее никакого центра! Если он говорит о читаемом письме, то и надо говорить именно о письме. Тогда не будет никакой ложной диалектики. Деррида берет за исходное различные неочевидности структуралистов, а затем, естественно, находит в них противоречия. У нас новое средневековье: искусственное порождение универсалий и трансценденталий.

Гуманитарные науки — слабое место критики, поскольку в основном разоблачаются только манипуляции с терминологией точных наук. Чисто гуманитарное фокусничество и откровенное мошенничество оказывается вне рассмотрения. А камлание постструктуралистов прелюбопытно! Их область скромно и уважительно именуют псевдонаукой, но она давным-давно — лженаука. Существуют журналы, книги, кафедры и факультеты, идет оборот огромных финансовых средств.

ПОСТСКРИПТУМ

К ПРЕДЫДУЩЕЙ СТАТЬЕ

Те, кому почему-то недостаточно страннейших, интеллектуально провальных, местами и методологически малоприятных текстов самих постструктуралистов (с фактическим отказом от поиска реальности), могут сопоставить рассмотренную работу с интерпретацией А. В. Дьякова¹², отнюдь не противника подобного философствования.

У Р. Барта метания из стороны в сторону, беспочвенность, подверженность случайным влияниям видны отчетливо, миф во все не миф, аналогия не аналогия, — без особых уточнений идет рассуждение в сугубо индивидуальном ключе.

По самым разным причинам можно говорить о смерти автора и смерти читателя, но задолго до этих "кончин" умер текст, умер язык как не-речь. На острие лишь разного рода всплески смысла, новые и всплывшие старые, а почти всё прочее зияет отсутствием. Нельзя опираться на поглощенное.

У Барта и особенно у Ю. Кристевой "текст" превращен в бессмысленную трансцендентальную абстракцию.

Роман Мишеля Фуко с Ницше удивителен. Фуко берет на вооружение вовсе не волю, но стадно-биологический инстинкт доминирования, подменяет волю эмоциями и разнообразными спонтанными мотивами. Типичная ошибка. Спрятанность за институтами древнего феодального бандитизма ничего не меняет в философском воззрении. Даже те утверждения Фуко, что нелепо оспаривать, повисают в нигде, оказываются лишенными привязок и, соответственно — ни к чему не обязывающими. Ницше

¹² Дьяков А. В. Философия постструктурализма во Франции. — Нью-Йорк.: Издательство "Северный Крест", 2008. — 364 с.

— любопытный философствующий поэт, всерьез принимать некоторые его высказывания просто невозможно. Чудесное воспаление ума в них просто сияет. Имею в виду не прямые смыслы, но их обертоны, неподражаемые призвуки высказываний. Аплодисменты ему, а не бесконечное цитирование всерьез. Аналогичное восхищение вызывают и гоголевские "Записки сумасшедшего".

Собственно воля беспредметна и скалярна. Высказывание "воля к" — бытовая метафора чистой воды. Грубый пример: давление пара используют и так и сяк, но ни пар, ни его давление, ни энергия сама по себе ничего не желают и ничего не хотят. Тем более двигать какие-то поршни. Воля только исток толкований. Разнообразные иллюзии прислоняются к ней, но нисколько ее не меняют.

Что-что, но "исторический материал" не может быть материалом философии. Это нечто совсем иное. У рассматриваемых авторов речь идет об узком слое некоего экскремента. Соответственно, никакого "учения" у Фуко нет. Полное отрешивание от Гегеля с сохранением генеалогий и археологий невозможно. Опираясь на трагические заблуждения европейской философии, Дьяков всячески защищает Фуко, но это у него не получается. Каким-то образом археолог-генеалогист оказывается апостолом пространства. Так или иначе отказ от времени, наоборот, прорисовывается в большинстве феноменологий, а история, право, философия науки смотрятся чудовищно лишними наростами. У Фуко не плюрализация, а дерганье из ниоткуда в никуда. Пожирание мешанины из разнородных осколков наивного реализма Фуко именуется трансгрессией. Для обозначения более существенного перехода существует термин "трансценденция", не очень-то любезный сердцу французского писателя. Постмодернистам требуются прорывы не из субъективного сознания, но из мистифицированной ими и данной в туманном лужке "истории". Реальное сознание они подменяют свалкой всевозможных культурных отбросов, от одной свалки двигаются к другой и в этом находят особый вкус. От такой фантастической (для философии) структуры, как эпистема, со временем отказался и сам Фуко. В любом

случае попытка восстановления истории в конкретный момент времени еще хуже, чем сотворение натурфилософии. Кто бы мог подумать, что европейские мыслители до подобного дойдут? Мысли Фуко бесполезно болтаются среди всякого рода социальных фикций.

Фуковское объявление любой "структуры" текстом — не что иное, как интеллектуальный подлог с избыточным размазыванием значений и лжедиалектикой. В интерпретации Дьякова у Фуко нет ничего нового о власти, "субъект" же превращен в желе, пустословесное становление. Психосоциальные аспекты? Их долой из философии вместе с междисциплинарными рассуждениями. Ницше здесь не образец. В книге "Слова и вещи"¹³ Фуко проявляет себя своего рода кинооператором гуманитарных слоев, но суть философии в отказе от гуманитарности вообще.

Субъект как "ансамбль переменных высказывания"? /Делёз о Фуко./ Не субъект, но набор безличных сознаний. Они вовсе не мыслящая машина. Никакие разоблачения Декарта не понадобятся. А Фуко норовит в обязательном порядке навязать сюда власть дискурса. Производство словес здесь на последнем месте. Какое еще "сопротивление субъекта"? Субъект — чисто философская рамка. Фантазмы о номадизме и прочее в том же духе — игра. Тем более сомнительна и перемена "моделей субъективности". Говорить о разности ментальностей в социологическом смысле философски неприлично. В чистой философии ментальное и сознательное тождественны вследствие должествующего отказа от установок и прочих условностей черного ящика.

Европейца средневековья принято изображать как религиозного монстра, но об отсутствии богов заявляли уже греки античности. Смена мировоззренческих штампов в науке прямым образом не касается смены мировоззрения вообще.

Всякий, кому не лень, ныне занимается побиванием Декарта. Но чем кому навредил Декарт? Он сделал несколько прорывов в разных областях, а во многом присоединился к воззрениям своего времени, не захотел устраивать революцию везде и во всем.

¹³ Фуко М. Слова и вещи. — СПб.: А-сэд, 1994. — 408 с.

Пусть он видел другие сновидения, чем наш современник, но что это меняет кардинально? Он никак не мог быть "другим субъектом" и явно не был пчелой или клеткой папоротника. Здесь есть одна проблема. Ведь даже вопрос о том, был ли когда Наполеон или Наполеона никогда не было, выходит за пределы самой философии. Строгая реальность только в рамках методического солипсизма, либо через него. Если что-то и отставит это правило, то не рассуждения Фуко и не тяготение А. В. Дьякова к материализму.

Поль Рикёр? Насколько помню, его работы (к тому же истового католика), в отличие от произведений Фуко, не могли заменить даже художественную литературу. Аналогичное — Ясперс. Имеем более полную и открытую подвинутость на истории. А сопоставления с геометрией и физикой отдают тем самым гуманитарным бредом, о котором писали Ж. Брикмон и А. Сокал. В любом случае социология и история заведомо вырваны из пределов философской гносеологии.

О симулякре см. стр. 139 у Дьякова. По Ж.-Ф. Лиотару, постмодернизм — недоверие к метанарративам. Чем не определение? Симулякр и есть постмодернизм. Критику Ж. Бодрийаром политэкономии оставляем в покое: подобно истории она не имеет отношения к философии. А отказ от метанарратива — это как раз отказ от философии. Антропология? Бодрийар чуть не объявляет себя антропологом. Она ничуть не лучше политэкономии и социологии. Кстати, Бодрийар проявляет скепсис к существованию социального. И правильно делает. Прочее у него неинтересно, толчение воды в ступе.

О происхождении термина "симулякр" см. стр. 152.

Деятельность демонов постструктурализма бессмысленна. Они сами словно бы пытаются уподобиться перводействительности: де вот мы есть, мы бушуем! И на этом всё.

Жиль Делёз? Не спасение. Конечно, приоритета нельзя отдавать ни текстам, ни другим абстракциям. Тем более сингулярным системам. И видно всё то же помешательство на истории. А если

что и выдвигать на смену корню, то не корневище (ризому), а камбий (меристему). Эта метафора больше подходит, но к чему метафора? Чтобы больше размазать заведомо размазанное? Представления о положении вещей, опыте и имманентном у Делёза оставляют желать лучшего. Имманентное каким-то образом у него оказывается не опытом.

Отказ от гегелевской диалектики, рассуждения о повторении и различиях носят довольно смутный характер и не выходят на уровень образования сознания как такового. Делёз об этом даже не заикается. Зато намеки на галлюцинации монад уже дают некоторый предварительный базис в этом отношении. [С. 195] Конечно, слово "складка" не лучше крючочков Декарта. Однако особое подозрение вызывают часто употребляемые термины: "вещь", "тело", "организм", "событие". В них светятся все гносеологические грехи постструктурализма. Берем самого Делёза. Вот "Вторая серия..." книги "Логика смысла"¹⁴: автор всерьез рассматривает версию стоиков. И куда это годится? Называется, строить дом на песке. А сослаться на полный неуд (книгу Делёза и Гваттари "Что такое философия?"¹⁵) я бы вообще не стал. Дьяков берет оттуда "составные части философии".

Место места места... Нечто древнегреческое с уклоном в пирронизм. Смысл? Он сознание и внутри сознания. Без всякой делёзовской перспективы взгляда. Вопрос о субъекте — дело второстепенное. И разумеется, реальный смысл сиюминутен. Прочих смыслов не существует. Постструктуралисты довольно уклончиво навязывают нам реальность идеального. Подобное спрятано у них за словесами "текст" и "язык". Дьяков заявляет: "У нас нет никаких оснований делить мир на феномены и «вещи-в-себе», кроме оснований мифологических". Пусть не мир, пусть в иных выражениях, но это не снимает вопроса "Откуда взялись феномены?" Обращений к трансцендентному не избежать. И это не трансцендентное в гуссерлевском понимании.

¹⁴ Делез Ж. Логика смысла. — М.: Издательский центр "Академия", 1995. — 302 с

¹⁵ Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? — М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейа, 1998.

Жак Деррида. Выходит, что он отправляется-отстраняется от гуссерлевской феноменологии и пытается вырвать факт внутренней речи. А это не основа мышления. Сверх того, Гуссерль уже вырвал свою феноменологию из реального феноменального поля. ТрансцендентАЛЬНОе не требуется. Это старое заблуждение, прямой идеализм. Деррида совершает ряд подлогов: значение отождествляет с желанием говорить (Дьяков это связывает с переводом немецкого на французский), делает речь репрезентантом самой себя. Вспомогательное средство превращается в нечто самодовлеющее. Под словом "субъект" Деррида вслед за Гуссерлем подразумевает обыденного стереотипно-механического субъекта, а подобное недопустимо. Обыденного субъекта поместили в трансцендентальный. И может ли говорить "субъект"? Что такое "говорить"? В нативном восприятии-сознании нет физики и физиологии, нет обыденных фикций и трансцендентального. В наличии только связка из разнообразных сознаний. Деятель-гомункулус — несуществующая кажимость в другой кажимости.

Существование без вербальной сферы не является смыслово безмолвным. Фраза "бытие есть единство мысли и голоса в логосе" попросту крамольна и представляется сумасшествием. И конечно, голос нетрансцендентен, — Деррида ломится в открытую дверь. Однако в действительности идеального нет, и не надо ему приписывать означаемое в феноменологическом или философском смысле вообще. Идеальное отдайте чистому языковедению, литературоведению и прочим дисциплинам. Если Л. Витгенштейн смешивал философию с логикой, то Деррида — с лингвистикой. [С. 214] На этом можно прекратить всякое обращение к концепциям Деррида. Не будем тратить время.

В заслугу Жаку Лакану ставят демифологизацию фрейдизма. Дьяков дает подробное описание идеологических метаний и гуманитарно-философской эволюции взглядов Лакана. В любом случае Лакан остается психоаналитиком, основа его воззрений — клинические случаи. Нужно заметить, что психоанализ (как и го-

меопатия) — это альтернативная медицина. Термин "парамедицина" ныне стало неудобно использовать.

Убирая сказки Фрейда о бессознательном, Лакан сочиняет свои, в частности лингвистические. Мир по ту сторону субъективного сознания у него населен вербалистикой. Можно заявить: Лакан придает постулированные свойства вещи в себе, что в данном случае оказывается антифилософией. Фрейдовская теория ошибочных действий по сути справедлива, относится и к языковым ошибкам, но протаскивать лингвистическое за пределы субъективного барьера — философский ляпсус. Представление о метафоре Лакан вообще ставит с ног на голову. Речь обеспечила гуманитарный прогресс, но она вторична и таковой всегда остается. Смыслы прекрасно обходятся и без нее. Кстати, преклонение перед риторикой — главная причина катастрофических неудач философии на планете Земля. Другой дефект воззрений Лакана — ложное я. Какое-такое [я] отыскал Лакан? Иллюзорно-фиктивное обыденное. А высказывание "я мыслю" заведомо неверно. Грамматику нужно исправлять и не выискивать парадоксы там, где их нет. Бессознательное — хранилище означаемых? Откуда подобное взялось? Тогда долой такой психоанализ из философии. Здесь нельзя заниматься кофейной гущей. Итак, все разговоры о Лакане закрываем.

Феликс Гваттари. Кумир ленинградского и петербургского андеграунда. Его даже пытались приглашать на некоторые тусовки. У него много того, что можно назвать попытками кибернетики без формул. Правда, гуманитарной. Чем он понравился пиитам? Трудно сказать. Скорее, разбросанностью и буйным фантазированием. Мне он совсем не представлялся конгениальным.

Дьяков приводит в качестве примера [С. 279] фразу¹⁶ из семинара Гваттари от 23.11.1982 с образчиком ризоматической сети, но не останавливается на феноменологических аспектах, как, впрочем, и сами постструктуралисты. А зря. Провиснутость воз-

¹⁶ Гваттарианский Жан-Клод до боли напоминает крайне неуместного сартровского Пьера в кафе.

зрений по сравнению с умозрением была бы видна сразу. Получается: "мы нигде", "мы ни о чем", "буль-буль, буль-буль неизвестно почему". Постструктуралисты отправляют сами себя и собственные убеждения в область мнимых единиц. Однако желание сопоставить мышление с механизмом довольно забавно. Мы ничего не знаем о существовании или отсутствии внутренних восприятий компьютера, зато отчетливо представляем шестерни неэлектронного арифмометра или валики шарманки. Схемы Гваттари могут понадобиться не философам, а технарям. Хотя физикам (Ж. Брикмон, А. Сокал, С. П. Капица) подобные перспективы не пришлись по душе. Унификацией высказываний занимались с начала XX века, а изредка и гораздо раньше, но скромные успехи шли куда угодно, но только не в содержательную философию. Разумеется, нечто похожее на предфеноменную (предсубъективно-сознательную) механику, либо хитро альтернативное ей существует, но, весьма возможно, непостижимым образом, не имеющим никакого отношения к пространству и времени. Не имея внятного контакта с этой поглощенностью, человечество дикарски первобытным способом (на манер религии) придумало себе несуществующее идеальное, то есть растянутое мнимо населенное небытие. Именно в это небытие ухнула наука, философия, обыденность и многое что. Для большинства человеческих сфер подобное как-то допустимо, но именно философия должна в своих основаниях и сосредоточениях оттуда выбираться. Чем плохи и ужасны постструктуралисты? Тем, что они идут в пропасть подобно бара..., причем крайне самонадеянно.

Называемое бессознательным, правильнее именовать спрятанным. А какое оно, неизвестно и боженьке, если бы такой был. Царское ли это дело, заниматься мелочной чепухой! Достаточно крипты с нулевой энтропией в нуле времени. Естественнонаучно понимаемый мозг послефеноменален, но не дофеноменален. С этим ничего не поделать, ведь нужно прямым образом рыть в обратную сторону. Даже в состоянии измененного сознания такое удастся только в незначительной степени, да и то под патиной хотя бы временной тонкой инвалидности. Концентрация на всем (грамматика врёт: точнее, во всем!) сразу маловероятна. Полно-

ценное проникновение запрещено чисто логически. Где это видно, чтобы сделанное вошло в то, из чего оно сделано?

Фрейдомарксизм? Его пытались внедрять с 20-х годов XX века. В шестидесятые он воспринимался созвучно лозунгам маоистов. Но в большей мере он касался всякого рода западных "ренегатов", "оппортунистов", "ревизионистов" и прочих отклоненцев от генеральной линии. Куда только не прицепляли прибавочную стоимость.

Постструктуралисты слишком часто используют корень "шизо"; "эпилепто" от них услышишь редко. Но их писания — типичная эпилептоидная жвачка. Тайная мечта эпилептика — состояние ауры, в котором его сознание приобретает шизофренические способности. Обратите в конце концов внимание на творчество Достоевского: не на его крупные полотна, а на парадоксально-издевательские малые произведения. В них нет размаха, зато есть экономия мышления и то самое искомое "шизо". Бобок-с! "Шизо" страстно искал и маньякоид Гоголь — в двух гениальных рассказах он так-таки его поймал. Тем самым обыграл Э. Т. А. Гофмана и В. Ф. Одоевского. В наш век не до эпистол, потому патографию современных писателей вычислят не скоро, если вообще смогут это сделать.

Отказ от фрейдовских мистерий несложен, но стремление воткнуть досубъективносознательное "желание" в социум подобно решению квадратуры круга. Использовать термин "бессознательное" отказываюсь. Неосознанное в здесь-теперь-так не означает потусторонней неосознанности. Кроме того, неухватимое "сейчас" иногда может схватиться ретроградно, например минутой позднее. И конечно, "желание" нельзя уподоблять нейродинамическим процессам. Это уже отнесение в область научного идеального, похожего на обыденные фикции. Чувствуете грамматическую неправильность умственных манипуляций с "желанием"? Торможение посюсторонним сознанием "производства желания" нельзя принять так, как это нам предлагают. Откуда взялось субъективное сознание, как не оттуда? У наших героев появляется дихотомия по ту сторону субъективной границы, и в итоге

возникает театр, подобный фрейдовскому. В разрешении дилемм с противостоянием значима суггестивность, в том числе аутогенная. В театре возникает еще один актер? Да и сами рассматриваемые мыслители начинают говорить о множестве "машин желания". Гносеологически мы не имеем права дробить потустороннее подобным образом. Гваттари приходится убирать точно так, как и Фрейда. Нужно заметить, что соматическое облако (психическое тело) есть часть совокупности сознаний-феноменов и не является физиологическим. Не надо мешать божий дар с яичницей, что в противовес заверениям всё-таки делают наши французы. Более того, их понесло на всю цивилизацию. Иначе никак не заарканить Карла Маркса. Театр превращается в мясной сериал. Из псевдобессознательного его вынесло бешеной катапульты. В своих бумажных схемах два сумасшедших француза выпустили кишки из реального и перемешали его с ходовыми идеальными фикциями. Покончив с Фрейдом, фактически взяли за Юнга, но ядовитая словесная мешанина эпилептоидного камлания уже захлестнула и утопила всякую надежду на существование трезвой мысли. Субъективность у них, почти по Марксу, напрямую идет из общественных и промышленных отношений! Это как они ухитрились подобное проследить? Субъективное реальное якобы проистекает из идеально-прагматических догм. Воистину материалистический идеализм. Метафора "власть капитала" рассматривается как действительная сила. Возможна иллюстрация в виде изображения звероподобного иблиса или джинна. Вообще проглядывает фиктеанство без пресловутого Я. А музыковед наверняка бы высмеял измененный и предельно модифицированный термин "ритурнель".

Словом "желание" Гваттари с Делёзом первоначально (критикуя Фрейда) пытались невнятно переобозначить добытийный *Ungund* – предвещь в себе. Речь об индифферентной и скалярной предмирной воле, а не о каком-то жалком "желании". Какой еще здесь к дьяволу контакт с социумом! Не надо было высказывать в философскую космологию. В качестве надумственного зеркала потустороннего не хватает ещё потерявших время и с кончиной

астрофизического мира образующих очередную сингулярность бессмертных фотонов. (По конформной модели Р. Пенроуза и В. Гурзадяна, в конце апокалипсиса любые расстояния исчезают и частицы с $V = c$ коллапсируют.)

А. В. Дьяков пытается защитить постструктуралистов старой выдумкой о "чистом мышлении" и его разоблачении. Такого заведомо нет. Всякий раз может идти речь только о совокупности скользящих и размазанных феноменов здесь-теперь-так. Не надо приписывать Декарту свойства Канта. Трансцендентальности не существует, и это косвенно имел в виду Декарт. Его скептическое мышление без топологических и других дифференцировок, довольно сенсуалистично и обыденно. Он не мог подозревать, что "я" ничего не мыслит. Мало ли что иллюзорно индуцируется и суммируется в сознании. Реально совсем не то "я", которое ошибочно предполагают, исходя из стихийной компарации "внешних" и "имманентных" восприятий. Имманентно абсолютно всё кажущееся. "Соппротивление субъекта" — сказочка леваков. Никто никого не заставляет философствовать и примерять концептуальные рамки. Кучка из кучки профессоров остается где-то в стороне. Дурацкое слово "дискурс" именно в философии следовало бы забыть. Оно хорошо для искусствоведов. У них куда больше свободы разглагольствования. В философии требуется непосредственное прилипание к смыслу. В качестве первого разграничения важны два вида смыслов: смысл растворенный и смысл, относительно освобожденный от шелухи. Следует видеть, что смысл как ощущение — феномен, равноправный другим феноменам, а не нечто идеальное. Если смысл не ощущается, то его не существует. Чаще всего он перцепция и апперцепция одновременно.

Говоря о сопротивлении "властному дискурсу" наши героиньки без конца путают человека, субъекта и мыслителя, а это совершенно разные единицы из разных пластов. "Индивид становится субъектом..." Для чего нас пичкают сырой непроработанной социологией, когда речь должна идти о философии? Не надо отрицать поверхностность и слабую автономию субъектив-

ного сознания. Номадическое у них попросту автологично-авторологично. Не смогли занять другую позицию.

Франция — средиземноморская страна с комфортным климатом. В ней много долгожителей. Но сроки жизни подавляющего большинства постструктуралистов оставляют желать лучшего. Что-то здесь не так. Возможно, аналогичное вскоре заявят и о фанатах постструктурализма.

КОНФУЗЫ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Не всегда, но довольно часто история философии кажется вещью двусмысленной, отношение к ней оказывается не очень-то позитивным. Перечитывание книг Бертрانا Рассела "История западной философии" (ИЗФ) и "Мудрость Запада" (МЗ) вызвало даже возмущение. Последняя книга фактически нарисовала непредусмотрительность Запада: истина проблескивает в головах отдельных энтузиастов, а церковь, инквизиция, толпа недоброжелателей, значительная часть общества норовят ее затоптать и закопать. Первый мрак длился в Европе не пять веков, а больше тысячелетия. Сам автор этих книг постоянно смотрит куда-то не туда, сосредотачивается не на главном.

А как иначе? Реперные точки видны у Зенона Элейского, Секста Эмпирика, Декарта, Беркли, Юма. Но кому посоветуешь читать Декарта, Беркли и Юма? Только чуть-чуть поднаторевшим подросткам: для интеллектуальной тренировки и увеличения степени поднаторения. Ведь важнейшее у этих трех знаменитостей только в нескольких скудных абзацах, многое кажется трюизмами. В остальном они отдавали дань стилю и предрассудкам своего времени. Подростки? Для заполнения последующей лакуны перед текстуально сложными мыслителями некогда был необходим Куно Фишер. В отдельных случаях для вхождения в конкретные хитрокручения "ученого" языка могли предварительно понадобиться более популярные интерпретаторы. Рассел сюда бы не подошел. Всё-таки слишком тенденциозен и поверхностен. Однако общий обзор более или менее дает. Всё это говорю не зря: проникновение в суть философии после 20 лет маловероятно, а обычное некритичное примыкание к чему-либо и начетничество не требуются. Пунктуальное озадачивание мировоззренческой проблематикой должно происходить как можно раньше, но, конечно, позже 10-11 лет. А некоторые представления о логике, психологии и геометрии должны уже быть к этому возрасту.

В "Мудрости" Рассел много говорит и о науке. Но философия и наука – друзья-враги. Наука вырастает из обыденности и во многом в ее наивных рамках остается. Восхваляемое Расселом научное наблюдение с неизбежностью ведет к антропоморфизму, попыткам вмещения объективного в границы отсубъективного прокрустова ложа. Пусть уточнение наблюдений важно технически для снятия абсурдности традиционных взглядов. Диаметральной противоположности, оппозиционности философии и науки Рассел не замечает. Много места уделено войнам, политике, экономике... Подобное было свойственно марксистам. Возникает дежавюшное ощущение, иногда кажется: читаешь какого-то советского философа. Пространная ИЗФ во многом является художественным текстом, иногда похожа на популярную историю быта. Однако наибольшая композиционная перекошенность вызвана теми сотнями страниц, что отданы истории церкви. Этот интерес убежденного атеиста следовало бы сублимировать в какой-то другой книге.

У Рассела не подчеркнуты два отличия Аристотеля от Платона: 1) заметный отход от синкретизма; 2) более четкая выявляемость авторства тех или иных теоретических положений. И Платон, и Аристотель могли рассуждать о сверхчувственном, умопостигаемом, но в мыслях о том, что находится рядом с ними, оставались наивными реалистами. К сожалению, таким же пороком страдали многие новые философы. Сохранение рядовой наивности бросает плохую тень на предполагаемый "мир идей" и аннулирует его. Оpozнание наивного реализма позволяет легче определить наивный идеализм. Аристотелевское рассуждение об "универсалиях" больше подходит дофилософской риторике. Собственно философское изложение должно быть свободным от подобного. Под словом "материя" при противостоянии форме у Аристотеля подразумевается всего только понимаемый прагматически материал. Прагматика хронически путает феномены со своими вынужденными фикциями, наделяет вторые свойствами первых. Трактовка термина "эйдос" (образ, идея, форма) есть у А. Ф. Лосева в соответствующем разделе "Истории античной эс-

тетика". Во избежание разночтений приходится обращать внимание на контекст. А термин "душа" у Аристотеля обозначает всего лишь психику ("психею"). Видит душа, а не глаз? Внутри субъекта видит само себя только сознание-восприятие, а далее важно уточнение слова "психика". Некого человека-гомукулуса внутри субъективной рамки нет. Важно учитывать и многослойность сознания. Однако Аристотель мистифицирует представления об уме и разуме, полагая их вневременное существование. Эта мистификация во многом сохраняется и поныне.

Самые известные и простые примеры логических суждений заведомо примитивизируют метафизику. Ведь рассматриваемые в них элементы не соответствуют даже феноменам. Их родина — условный прагматический мир. "Сократ", "смертен", "люди" — всё это находится сбоку от любых философских начал. У Рассела свой подход, но и он выразился в похожем критическом духе.

Несмотря на формальную систематичность изложения в "Эннеадах", Плотин больше похож на визионера, чем на философа. Последующие озарения Августина перекликаются с его визионерскими вдохновениями¹⁷. Еще дальше по этому направлению мы видим "Избранные проповеди" Мейстера Экхарта, а затем — чудачества русских символистов. Заиклившись на туманных воззрениях орфиков, пифагорейцев и платонизме, Рассел как-то упустил этот вектор. Чувствуется: самому автору ИЗФ не приходилось ходить по небесам, хватало и танцевальных площадок. Он больше цепляется за выраженные элементы наивного материализма Плотина. В "Эннеадах" есть трагические промахи, недосказанность, спутанность, как логические, так и чувственные пропуски. Истина вот она, уже брезжит — и тут же отступает. Нет и не может быть четких правил интеллектуальной медитации, смыслового вчувствования.

¹⁷ "Духовидение" Сведенборга (спиритуалистический период творчества) совсем иного плана, ближе к оккультизму и религии, чем к философии.

Есть ли иллюзорium разверток копия, образ и подобие чего-то исходного? Ложность сравнений неизбежна. Некоторые сильно преувеличенные, натянутые сличения возможны только с некоторыми первоструктурами. И здесь возникает проблема предвремени и разделения самопроницаемого.

Как пример схоластической крайности можно привести приписываемый Росцелину (учитель Абеяра) взгляд: "...целое, имеющее части, само по себе лишено реального существования и является только словом; реально существуют части". А если об этом подумать в разных масштабах?

Не раз в книгах Рассела поднимается уже надоевший вопрос о "душе чувственной" и "душе разумной". Вопрос доходит и до Уильяма Оккама. Оккам считает, что чувственная душа "материальна, протяжена", а душа разумная такими качествами не обладает, посему эти души принадлежат различным субъектам. Самый простой вопрос, легко открытый интроспекции, оказывается необычайно запутанным расселовскими мудрецами. Чувственность сознательна, весьма различна, многослойна. Мысль сама по себе остается чувственной, иначе бы ее не было, но как тончайшая протомышца она вполне может оперировать с образами несуществующего, а косвенно — и с тем, что неохватимо и непредставимо. В последнем случае объекты отдаются условному небытийному месту под названием "разум". В этом смысле человек не является разумным существом. Вполне достаточно и ума. Ум не идеален и не материален, он самым элементарным образом феноменален. Не подлежит сомнению фикционная основа человеческих знаний. Предположительно творимое в засознании мысль перенаправляет в выдуманное для удобства надсознание. Сама по себе она не может работать как компьютер или арифмометр и преданно следует за алгоритмами. Ведь реальность для нее только тик-так. Всякое расширение феноменального здесь-теперь-так — голый идеализм прагматического толка.

Рассел ухитряется каким-то образом всерьез говорить о проблеме соотношения ... "духа" и "тела". Он заявляет в ИЗФ: "Для эмпирика тело — это то, что приводит нас в соприкосновение с миром внешней реальности...", но не поясняет какое именно "тело" имеется в виду. Сплошные нонсенсы! К чему тогда нужна философия вообще? Выбросить ее вон! Иногда Рассел считает телом "чувственное". Тогда что есть физика? Феномены нетелесны даже при своей относимости к соматическому. Соматика в данном случае чисто психична, феноменальна. И ум (мысль), и ощущение боли в одинаковой степени и равноправным образом являются менталами и находятся в одной и той же сфере. Первым делом следует отделять феноменальное от формально прагматически телесного, вторым — избавляться от обывательского и научных фикций. Суть субъективного подхода вовсе не в существовании Я, но в наличии феноменов сознания. В любом случае Я здесь нечто побочное. Синдром персонализации вполне можно считать мнимым. Мыслит мысль, но вовсе не Я.

Аналогично Рассел спокойно проходит мимо доводов Спинозы о бесконечности субстанции. Однако субстанция по своей сути неизмерима и неотносительна. Эти качества отрицают не только конечность, но и бесконечность. Геометрические и арифметические характеристики для нее принципиально невозможны. В этом смысле ее протяженность непространственна и нефизична. Смещение здесь науки и философии недопустимо. Не очень-то прилично отождествлять субстанцию и вселенную, но даже астрономическая вселенная небесконечна.

Рассел обращает внимание на соображение Лейбница: "...протяженность включает в себе множественность и потому может принадлежать только совокупности субстанций". Можно было бы добавить: протяженность, списанная с заведомо мультиплицированного зрительного сознания. У человека хватает восприятий-ощущений, лишенных четкой дисплейности. Лейбниц противоречит и сам себе: внутри его души-монады должны быть неким образом протяжены, иначе они никак не казались бы сами себе

существующими. Главный недостаток его философских текстов — злоупотребление словом "бог". Подставка почти под любую ножку. Двусмысленным оказывается не только божественное предопределение (...и бог предопределен), но и предопределение, спрятанное в монадах.

Не хотелось бы называть протяженность-вспышку или протяженность-импульс избитым словом "дух". А прежде всего подразумевается не сознание-солянка, но первичная протяженность изнутри себя самой. Формально здесь слово "дух" подошло бы еще больше. Но как это слово опошлено! Пришлось бы говорить о духе-субстанции. Перспектива хуже некуда, и одна из причин — происхождение этого самого духа. И что еще за дух, который не летает и не носится? Тем более что носиться ему не над чем.

К вопросу об особенностях фатализма Лейбница.

"...причина без расположения к действию не может действовать; и именно это расположение содержит в себе предопределение, независимо от того, приобретено ли это расположение действующим лицом вовне, или же оно обладает им в силу своей собственной конституции. [Т 4, с. 158, п. 46¹⁸]

"Итак, в человеке все наперед известно и определено, равно как и во всем другом, и человеческая душа в некотором роде есть *духовный автомат*, хотя случайные действия вообще и свободные действия в частности не становятся поэтому необходимыми в смысле безусловной необходимости, что, конечно, было бы несовместимо со случайностью". [Т. 4, с.161, п. 52¹⁹]

Размышления Локка производят странное впечатление: как будто перед ним не сознание, не "природа", но ...божества или сакральные тексты. Какая-то кропотливая осторожность верующего! Насколько помнится, сочинения Локка всегда чем-то от-

¹⁸ Первая часть опытов о справедливости Бога, свободе человека и начале зла. // Лейбниц Г. В. Соч. — М.: "Мысль", 1989.

¹⁹ Там же.

талкивали, казались примитивными. Нельзя согласиться с тем местом, которое ему отводит Рассел в истории философии, а самые характерные цитаты из Локка больше подходят нейрофизиологам. Утверждение о несуществовании врожденных способов мышления и принципов восприятия само по себе не является плохим или хорошим, но Локк приходит к нему сугубо нефилософским способом. Свидетельств на этот счет нам не дадут даже помнящие первые месяцы после своего появления на свет, хотя избитое словосочетание "врожденные идеи" само по себе звучит очень неважно. Дело не в "знаниях", но в характере представимости того, что ими называют. Локк не особо задумывается о том, что есть восприятие. В нормальном случае не вспоминается, то, что не запоминалось. Высказывания Локка против априоризма Рассел считает огромным достижением на основании существования исторических заблуждений на этот счет. Были мнения, что изолированные от общества дети, сами по себе заговорят на латыни или древнегреческом. Что странного? Некогда полагали: стада кобылиц в Испании беременеют от северного ветра. Неплохо бы выявить похожие казусы, типичные для XXI века! Недостаточность в основаниях науки никуда не исчезла. Вот интермедия Рассела, перекликающаяся с его другой книгой ("Человеческое познание. Его сфера и границы"): "Мы испытываем ощущения, но не их причины; действие ощущений будет точно таким же, как если бы наши ощущения возникали самопроизвольно". Но это высказывание так и осталось висеть, Рассел ублажил сам себя рассуждением о противоречивых и непротиворечивых философиях. Могут быть хороши де и противоречивые системы.

Джордж Беркли не думал о возможности различных ракурсов наблюдения. Какой бы ракурс выбрал его предполагаемый бог? Все сразу? Тогда что могло получиться? Но всё ли доступно наблюдению в принципе? Ныне нагромождение элементарных частиц и галактик поражает бессмысленностью. Мысль об артефактности картин мира невозможно отбросить. Возникает сомнение не только в существовании предметов, но и — безукоризненно наличных структур вообще. А ведь субстанция сама по себе и

должна быть бесструктурной! Структура-память-заторможенность не может быть чем-то объективным. Наблюдаемое — некая остаточная плацента субъективности, брошенные в глаза помой благоушедшего, а точнее масса срезов через всевозможные филогенетические древа. Человеческое сознание — синтез массы разнообразных сознаний, чем собственно и затрудняется анализ. Расселовские попытки опровержения тезисов Беркли чрезвычайно неубедительны. Рассел ссылается всего только на отсутствие у Беркли дефиниции "психического". Де почему бы психическому не быть одновременно материальным и нематериальным? Сознание не может быть "материальным" уже потому, что оно наглядно для себя и в этой наглядности не имеет самообъяснения и причин своего наличия, то есть, имея лакуны, оно несубстанционально. А "спрятанное психическое" психологов достаточно условно и мифично. Далее Рассел садится на своего конька и уходит в формальные логические околичности, предполагая, скажем, психичность мира вокруг субъекта и прочее в том же роде, чему сам не верит. Далее идет уже белиберда и подтасовки, наподобие сломанной ноги, находящейся в уме. Похоже, Рассел, интерпретируя термины так, как ему удобно, страстно не желает следить за ходом мысли Беркли. Кстати, оспаривать субъективность вторичных качеств и не имеет никакого смысла; интереснее качества первичные. И здесь Рассел словно бы достает кролика из шляпы, заявляя: "...эта субъективность физическая: она верна и для фотоаппарата". Рассел как-то подзабыл, что устройство фотоаппарата подогнано под человеческое восприятие, что в конечном итоге изображение рассматривает человек. Можно припомнить и мысленный опыт Эйнштейна, представлявшего фотоаппарат,двигающийся со скоростью света. К тому же ни один наблюдатель в СТО не является правым, а некое ненаблюдаемое тело само по себе как таковое отсутствует, не имеет длины и скорости. Понятие "физической вещи" сугубо прагматично и не имеет онтологического значения.

Юм называл как неинтеллектуальные, как и интеллектуальные представления идеями. Этимологически он имел на это право.

Сейчас подобное смотрится странно. Термин "отвлеченная идея" (Abstract Idea) нередко остается довольно расплывчатым. Этим не преминул воспользоваться Рассел в своей критике. Нельзя сказать, что Юм слишком уж осторожен в высказываниях, но навязанная Расселом односторонняя "заочная" дискуссия во многом оказывается пустой. Феномены чаще всего нельзя объяснять феноменами же. Только и всего. Фактически используемые принципы практики не выводятся из феноменологии. Единственная доступная реальность слишком мимолетна и играет только вспомогательную роль в деятельности.

Расселовскому восхвалению мудрого либерализма противостоят две мировые войны, фигуры Гитлера, Франко, Муссолини, Салазара, черных полковников в Греции. Чего стоит и колониализм! А ведь всё это не болезни роста, но итоги. Именно в XX веке философия почилла в бозе. На второй мрак (сциентизм) никто не обращает внимания.

Рассел сам находит кошмарным начальный период индустриализации: либерализм старого типа не смог проявить себя в изменившихся условиях. Иногда ссылаясь на различных мыслителей, Рассел не дает рецептов или глубинного прояснения положения дел.

Рассел прямо не заявляет, но косвенно дает намек: Руссо — путь к нацизму (МЗ). А путь в сторону Бакунина, по Расселу, недвусмыслен (ИЗФ). А заканчивая "поэму" о Руссо как человеке-стихии, Рассел объявляет его отцом революций, диктатур и кладет его влияние в основание мыслей Гегеля о величии прусского государства. Не слишком ли много? Жан Жак Руссо вырисовывается не столько врагом искусств и наук, сколько врагом интеллекта, то есть ума и попыток его прозрачного продления. Ныне интеллект как бы мельчает: он нужен как подмастерье искусственных символов и алгоритмов, а науки и технологии превращаются в нечто социально-биологическое и трегубо коллективное. Вот вращающийся ферментативный котел — и вот проду-

центры-микробы-люди; вот мертвый коралл техники-цивилизации — и вот жалкие ничтожные полипы-люди.

"...Кант попытался дать объяснение опыта в терминах понятий". О фактической повиснутости кантовского трансцендентализма в небытии Рассел ничего не говорит. Как и критикуемые мыслители, Рассел много рассуждает об опыте, но сомнительный смысл самого опыта он не проясняет. Здесь-теперь-так — вовсе не тот опыт, который имеют в виду. А ведь он наличествует исключительно в воображении. Именно таков пресловутый рационализм. Рассуждения о логике, разуме? Можно говорить о танцах мысли вблизи границы поглощенности. Вместо перемещения бусинок четок, шестеренок и делений выдвигают и задвигают слова. В принципе, эти слова могут быть и заведомо бессмысленными. Для сознания важна имитация чего-то важного и наличествующего. "Несущественно, как Кант получал эти категории". Весьма существенно! "Получение знаний" вполне можно назвать их продуцированием, куда неизбежно примешивается и искусственность, необязательность. Единство апперцепции недостижимо, она только квазипроизвольная особая извнутренняя перцепция, заведомо разорванная, и находится в тех же рамках здесь-теперь-так. От эйдетизма к попыткам чистого смысла, а от них к повиснутым в небытии несуществующим идеям.

Вещь в себе может быть только единственной. Множественность вещей в себе абсурдна. Это следует даже из субъективности времени и пространства как разверток. "...Кант не имеет право говорить о ноумене как о дающем начало феноменам". В главной "Критике" и "Пролегоменах" я действительно не видел обоснований этому. Всё-таки запал Бертрانا Рассела по данному поводу подозрителен. Чаши весов начинают колебаться, в итоге рвется сама материя математической логики, тонет Витгенштейн. Логика истинна, но ее нет! Однако можно говорить о нечеловеческом и производности знаковой логики. Реальное отсутствие разума, идеального вообще делает феноменное сознание эфемерным и неизбежно требует дополнения его чем-то более суще-

ственным, а отсюда возникает градиент в сторону вещи в себе. Как известно, обыденность и наука смотрят в прямо противоположную сторону, им требуются идеальные муляжи.

Рассел в различной степени отнес Фихте, Шеллинга и Гегеля к фантастам. Оспорить подобное мнение невозможно. Тем не менее Рассел пытается оправдать абстрактную диалектическую эквилибристику, но отмечает, что историзм приводит Гегеля к насилию над историей, и от души издевается над гегелевскими триадами. В целом гегелевская диалектика оказывается, по Расселу, данью психологии мышления. В несловесной диалектике можно увидеть и некоторую статистику вписанности субъективного в объективное; формальный намек на диалектику прослеживается даже в артефактах, именуемых картинами мира.

"Абсолютная Идея, по Гегелю, это идея, которая сама мыслит". Тогда какое значение в этом контексте надо придать слову "мыслить"? Ведь у самого Гегеля прямых и убедительных формулировок на этот счет нет.

Обращает на себя внимание странная спутанность метафизики с натурфилософией у Шопенгауэра. Именованное "О воле в природе" читается как оксюморон. "Природа" в период с Галилея до Ньютона отдана на откуп естественным и точным наукам. Значение философии здесь с каждым десятилетием снижалось. Философия могла повлиять на Альберта Эйнштейна, а на Макса Планка — вряд ли. Но и в случае с Эйнштейном влияние философии чисто эвристическое, а эвристика может оказаться связанной и с позавчерашним сновидением, и с перегоревшей яичницей. Помашите философии ручкой! Однако главные нелепости автора книги "Мир как воля и представление" чисто гносеологические, никак не связанные с биологией или физикой. Шопенгауэру пришлось перемешать феномены с их мнимым продолжением, превратив (сузив) самого субъекта в точку. Кроме того, примененной к феноменам оказалась и материя, что вообще чудовищно. Чувственность Шопенгауэр называет физической, но ведь трактат — не дом терпимости. Есть неудобная привычка нару-

шать эпистемологическую норму и отождествлять представление с объектом, но материя здесь не образуется. Как само собой разумеющееся у Шопенгауэра также смешивается психическое тело субъекта с его "физическим телом-представлением". В качестве параллели субъективной воле вдруг возникает воля внутри физических тел "природы-представления". Какое-то одновременное вышивание крестом и гладью, только зачем оно? Вместо проклюнувшейся было поэтической эмпатии и метафизического вчувствования — околесица.

Вы можете представить себе то место, откуда растет Ницше? Уж лучше тогда классическая филология. Часто забывают об Эдуарде Гартмане — еще одна фигура, разукрашивающая немецкую фантазийную философию. Однако колдуя и пришептывая заклинания над своими воображаемыми узорами, Шопенгауэр временами говорит чистейшую правду, да такую, какая прочим немцам не снилась. Он так и брызжет эрудицией, ему известна попытка Эйлера заменить гравитацию толканием. О воле самой в себе и достаточных основаниях Шопенгауэр говорит куда лучше, чем о мире, субъектах и представлениях. Противоречивость системы Шопенгауэра в том, что вещь в себе у него — динамизатор. Она оказывается недостаточной, хотящей, действующей. А ведь даже внутри субъекта воля ничего не желает; это сознание истолковывает ее кажущийся импульс в плане ситуации. Воля и вещь в себе разнятся, они могут быть только противоположностями, у Шопенгауэра они слеплены воедино.

Рассел отнесся к Шопенгауэру довольно пренебрежительно. Как представителю знаковой, вторичной логики и ему не понравился даже "четвероякий корень". Без оговорок шопенгауэровская воля названа злом. Конечно, зла как такового не существует, всякий раз надо пояснять по отношению к чему или кому дается такая характеристика. У Шопенгауэра идет речь об утверждении и отрицании воли к жизни при достигнутом самопознании и о многом другом.

Всё это философское наследие... Оно не вдохновляет. Какие там плечи гигантов! Мы не на далекой космической станции, чтобы извлекать питательные вещества из мусора и помоев. Пора признать простую истину: земляне — существа, крайне неспособные к философии.

Аполлоновское и дионисийское у Ницше Рассел трактует на свой лад (сравните с мнениями Вяч. Иванова). В дионисийском он прежде всего замечает трагедийное, в аполлоновском видит возвышение греческой души до представлений об олимпийском пантеоне. Невзирая на наличие похожей сентенции у Ницше, и в "Рождении трагедии из духа музыки", и в автокомментарии внутри Ессе Ното больше просматриваются иные аспекты этих двух терминов.

Говоря о принципе ассоциаций Гартли и Бентама, Рассел все же не пытается убрать из психологии и философии традиционные нелепые представления о несуществующей машине разума.

Не без издевательства Рассел критикует Маркса за "подробные диалектические объяснения того, почему вода кипит". Не меньше достается и Марксову агитаторскому тону и полурелигиозному характеру пророчеств.

У Рассела ни слова о смешении представлений о феноменах с представлениями об "опыте" в прагматизме Уильяма Джеймса. Опыт феноменов как таковых слишком ограничен.

Бесконечно малые величины — "один из самых старых скелетов в математическом шкафу". Конечно, трудно ожидать такую прописную и очевидную истину именно от Бертрана Рассела. Хуже история с другой священной коровой — бесконечностью вообще. Дурно пахнет и потенциальный козел отпущения — аксиома Дедекинда. В "Мудрости" приводится очередной парадокс Кантора: "Существует столько четных чисел, сколько чисел всего".

Де на заре возникновения нового исчисления резкая его критика была вредна, а ныне, по Расселу, стандарты строгости должны быть ужесточены. И все-таки, назвав удачу Вейерштрасса с избавлением от бесконечно малых, сам Рассел склоняется к мнению Кантора о различных бесконечностях и переходит к аксиомам Пеано, а затем к своей работе с Уайтхедом и новому парадоксу, оставляемому без комментариев.

В любом случае выглядит примечательным мнение Маха о силе, где она определяется исключительно через ускорение ("Наука механики").

Опорные пункты довольно интересных воззрений Брэдли Рассел как-то слишком быстро проскользнул. Невзирая на терминологические расхождения и разность толкований, Френсис Брэдли ближе к Беркли и Юму, чем к Гегелю. У него нет странного отождествления знания с существованием. Трафаретный термин "абсолютный идеализм" применительно к Брэдли неудачен. Гораздо идеалистичнее обыденность и современная наука.

Расселу не дает покоя *verum factum* Д. Вико, на протяжении книги МЗ он много раз вспоминает о нем, включает в теории тех или иных мыслителей. Однако принцип этот ошибочен: создание или построение чего-либо вовсе не гарантирует полноценного знания того, что создано или построено. В частности, опираясь на этот принцип, Рассел пытается вывести Пирса из пределов прагматизма и не раз заявляет, что к прагматистам Пирс отнесен благодаря стараниям У. Джеймса.

Рассел: "Существование, как таковое, — это ошибочная абстракция". Не иначе кивок против филологии Хайдеггера и Ясперса. А Сартр у Рассела смотрится сказочником, сверх того ему приписывается "языковая избыточность". Разумеется, "Бытие и ничто" — довольно странное рукоделие: вместо вязи в нем задействованы фигуры карикатурной, самим же Сартром выдуманной диалектической логики. Любопытно было бы взглянуть на грима-

су Гегеля по этому поводу. Сверх того, реальное субъективное сознание Сартром элементарным образом отобрано и уничтожено, поскольку предельно выпотрошено, выскоблено и лишено феноменов.

КАТАСТРОФА С ФРИДРИХОМ ШЕЛЛИНГОМ

Фридрих Шеллинг называет догматизмом непродуманную, слепо созданную систему, и противопоставляет ей кантовскую "Критику чистого разума". Однако самого Канта не вырвать из дурной канцелярии, к которой он прирос, не подставляя в его воззрения доли сенсуализма, не осыпая трансцендентализм. Шеллинговские абстрактные субъект и объект (первого периода творчества философа и предварительных рассуждений второго) обладают абстрактной же избыточностью и ведут к ошибкам. Некоторая конкретизация или хотя бы их метафизическое, гносеологическое рядоположение обязательны. Особенно если полагается нечеловеческий субъект. Уверованием в Спинозовскую бесконечность абсолютного Шеллинг как раз приближает себя именно к тому, что он обозначил термином "догматизм".

Призывая отбросить всё навязываемое, случайное и сосредоточиться на внутреннем мире, чтобы увидеть собственно элементарные вещи, Шеллинг вдруг и сразу оказывается неспособным к достоверной интроспекции, пытается затянуть внутрь себя подброшенные ему теоретически вырожденные фикции, никак не могущие присутствовать в реальном здесь-теперь-так уме. Внутри реального ума нет и не может быть идеального разума. Полагать мы можем всё что угодно, но это уже будет за гранью интроспекции, будет заведомой выдумкой. Аналогично не надо выдумывать никакого я; то я, что остается, будет чисто чувственным и незначительным, никак не мыслящим. Словом "я" можно обозначить не только чувственный тон присутствия при ощущениях, но и субъекта. Однако находящееся внутри субъекта уже как бы и не есть субъект. Субъект – пустая гносеологическая рамка, иногда формальная сумма того, что в этой рамке, именование, но не более того. Работать с лишними именами не имеет смысла, тем более что человеческое сознание представляет собой массу самых разных сознаний. У нас не субъект, а субъективная ментальность.

Именно с ней надо иметь дело. Мысль ради прагматического удобства постоянно занимается приписыванием значений. Сколько угодно! Но при погружении во внутренний мир нужно видеть существующее само по себе, а не наносное. Никакой персоны, никакого гомункулуса внутри просто нет. Обнаруживаются всякого рода относительные постоянства вне того, что Шеллинг называет явлениями, но по сути и эти особые выделенности, типа универсальной незрительной, непространственной протяженности, — тоже явления, отличные тем, что на них не всегда сосредотачиваются. Может быть несколько выдвинут тон чувственного я, но и он сливается то с одним, то с другим являющемся хотя бы изнутри. Мысль — явление; воспоминание — явление. Геометрия, "царственные числа", остаются "вне сознания далеко", остаются в вечном небытии. Только там место бесконечности и деревянному железу. Истинный производитель ума, истинный вычислитель — его подложка (не мозг!), а над умом с целью компенсации болтаются небытийные пузыри всевозможных фантомов. Некоторые из них нужны для практики, некоторые для теории. Оболочка этих пузырей — ссылки и посылки, внутри нет ничего. Таково задание для художника. В действительности ссылки и посылки периодически бывают в самом уме, а предполагаемого ими нет ни в каком виде. В лучшем случае шеллинговская *свобода* (слово набрано курсивом) вовсе не "я", не предельный экзотический смысл, но смысловая мышца, рядовой смысл сам по себе, способный принять любое более внятное обличье или охватить то или другое. Признак такого смысла — кажущаяся автономность. Есть иные смыслы уже разлитые в любом восприятии, либо более или менее жестко приписанные чему-либо.

Созерцаемое созерцает само себя, отдельного созерцающего нет; существует несколько разных восприятий с различной центрированностью, акцентностью. Эта акцентность может заключаться в наложении друг на друга восприятий разного рода, в том числе тех, что именуют апперцепцией. Есть перцепция апперцепции.

В предисловии к "Системе трансцендентального идеализма" (СТИ) Шеллинг делает заявление о необходимости некоей философской алгебры, подразумевая под ней принципы всеобщего знания, и вдруг сбивается на "ход истории самосознания". Дальше еще хуже: утверждается мысль о параллелизме теоретической системы и натурфилософии (!).

"Совокупность всего чисто *объективного* в нашем знании мы можем назвать *природой*; совокупность же всего *субъективного* назовем Я или *интеллигенцией*".²⁰ Здесь ошибка, поскольку "природа" в естественных науках является лишь условно объективной, она только предпосылается в объективное, но там не находится. Объективное нужно искать не в надсубъективном, не в артефактном передсубъективном, но в засубъективном, чем собственно это субъективное и образуется. Шеллинг называет "природу" бессознательной, а такой термин к сему заведомому артефакту неприложим. Аналогично суммировать всё субъективное и называть его Я контрпродуктивно, в потенции это очень большая среда. Принять шеллинговские правила игры невозможно. Что будет дальше?

До определенной степени Шеллинг ставит себя в положение междумирика: либо выбираю то, либо выбираю это. Если выбираю это, то будет вот так. Либо натура, якобы объективная, либо трансцендентальная философия. А вот ожидаемый кунштюк, выводящий трансцендентальное за грань философии как дисциплины о реальности: "...трансцендентальное знание есть знание о знании в той мере, в какой оно чисто субъективно"²¹". Невзирая на рассуждения о понятии понятия и объективации субъективного, еще остаются лазейки для просвета в традиционной немецкой риторике. Кстати, терминами "объект" и "объективное" Шеллинг разбрасывается точно так, как это делает обыденность. Подобное чревато логическими ошибками. Из контекста рассуждений можно вывести, что мысль Шеллинг считает идеальной (!) и против-

²⁰ СТИ, § 1. Понятие о трансцендентальной философии, п. 2.

²¹ Там же, § 2. Выводы, п. 3.

поставляет ее "чувственному миру". Старое европейское заблуждение. Идеальными можно назвать большую часть человеческих знаний. Подобным знаниям мы как бы подписываем смертный приговор. Их идеальность в том, что реально они все и сразу не помещаются в реальном (феноменальном, не идеальном!) человеческом уме. Потому затеянная Шеллингом процедура со знанием знания представляется сомнительной и выходящей за пределы уместности.

А вот слова внушающие надежду: "объекты трансцендентальной философии вообще существуют лишь постольку, поскольку они свободно продуцируются"²². Выдержит ли подобное скользкое ограничение Шеллинг?

Именуемое человеческими знаниями заведомо разорвано, разбросано, похоже на помойку в несуществующем идеальном и никак не может подчиняться какой-либо системе. Много что скрывается в неведомой свернутой поглощенности, имитацией которого пытаются выставить идеальное, но толку для шеллинговских претензий от этого никакого. Трансцендентальная философия, по Шеллингу, наука о знании вообще, но сам он пошел другим путем.

"Самосознаний" в субъективном — великое множество. Человечка-гомункулуса нет, а потому в субъективном всё самоосознается само по себе, иначе бы никаких ощущений-восприятий не было бы. На одни менталы могут наслаиваться другие, но это роли не играет.

Всевозможные толкования равенства $A = A$ и размышления вокруг него господа философы выводят слишком далеко за пределы логики и математики. У Шеллинга субъективность. Хорошо. Ограничимся этим. В субъективном эта алгебра не работает. Есть что-то похожее в ускользающем локусе субъективного времени, но подобное не отнести к столам и стульям. Тон ощущения "я" вроде бы константен, но как это проверить? Этот тон вроде

²² § 4, п. 2.

бы не меняется, но не гарантия, что он не дискретен, что периодически и с довольно большой частотой не умирает. Аналогичное можно заявить о постоянном тоне звукового генератора. Этот как бы не меняющийся тон все-таки словно бы западает. Повнимательнее сосредоточимся на чувстве текучести всего. Оно остается, но оказывается настолько тонким, что оценить его качество в каком-то абсолютном значении невозможно. Возьмем упомянутую ранее умственную мышцу — и там нет постоянства. А универсальное ощущение непространственной протяженности, лишенной метрики, перспективы и отнесенности к конкретной субъективной среде на то и универсально, чтобы не иметь четких постоянных размеров и других подобных характеристик. Конструкции, отправленные из реального ума в идеальное, будут идеальными, иначе говоря, несуществующими. Логика субъективных феноменов, то есть логика субъективного сознания существует, но она не обладает алгебраической жесткостью. Это мягкая логика! Но попробуйте-ка против нее пойти. Ничего не выйдет. Всё субъективное находится в постоянном ресинтезе. Нужно говорить не об отношениях равенства, но относительного неполного подобия. Сам смысл А вполне реален, как реален смысл приводимого равенства, но подставить в это равенство что-то чисто субъективное невозможно. (Тем более всю субъективную среду целиком со всей ее разноголосицей!)

Шеллинг пытается взять искомое в самосознании, но при пунктуальном рассмотрении всё сознательное обладает самосознанием, нужно только видеть наложение и взаимодействие разных сознаний внутри одного и того же субъекта. Даже знак имеет собственные смыслы и слои опознания. Другого наблюдателя знака нет. Если знак слишком уж быстро выполняет свою функцию, то это ни о чем не говорит. А смысл смысла или потенциальный смысл чего-либо чисто феноменален и пребывает в мало-заметно мерцающем виде подобно всей субъективной данности. Похоже, Шеллинг попал в ловушку им же критикуемой обыденности.

Его можно поймать и на некотором заведомом передергивании, непредусмотрительности. Самосознание самосознанием, а если оно неполное? Если оно не без дефекта? Дефект аутоментальности является очередной зацепкой для чувства всеобщей текучести. Только возникло мимолетное сосредоточение — и тут же сбилося, ушло в сторону. Никакому из феноменов нельзя давать как следует посмотреть на себя, иначе произойдет страшное, иначе мир рухнет. Самого себя нельзя увидеть ни в одном из умственных зеркал. И даже в обычном зеркале.

"Понятие есть не что иное, как самый акт мышления, и, будучи абстрагировано от этого акта, оно — ничто²³". Видели это Кедров, Библиер и другие товарищи? Пооплодируем Шеллингу, но, к сожалению, само понятие о понятии уже опошлено, унесено в небытие абстракций. Нужно придумывать другие слова. И, конечно, понятие как самый акт мышления не идеально, а реально-феноменально. А годится ли понятие о я для подстановки в тождество? Возникает казус: понятие вроде бы требует смысловой идентичности, но требуется ли оно, когда в наличии само я и прямо-таки внутри субъекта? Кроме того, если мерцающее я не абсолютно тождественно себе, то может ли быть тождественным понятие о нем? В таком случае выбираем я или выбираем понятие? Что на самом деле подставляется в тождество? Прежде всего в тождество подставляется знак, буква. Буква нам нечто означает? Оно означает само я или понятие о я? Дефект тождественности никуда не ухолит, поскольку важны денотаты. Есть случаи, в которых можно пренебречь флуктуациями я (скажем, при сличении его с дифференцированными структурными ощущениями), но в рассматриваемом примере — извините! А рассматривать я как просто имя мы не можем как по ранее указанным причинам, так и постольку, поскольку находимся на той гносеологической ступени, где термины "Сократ", "смертен", "люди" ничего не значат.

²³ Первый главный раздел. О принципе трансцендентального идеализма. Пояснения, пункт с).

"Понятие Я возникает посредством акта самосознания, вне этого акта, следовательно, Я — ничто, вся его реальность зиждется только на этом акте, и *оно само не что иное*, как этот акт. Следовательно, Я может быть представлено только как *акт* вообще, помимо этого оно ничто²⁴". Будем разбираться в отличиях между Я и понятием о Я? Акт самосознания насильствен, а не добровольен и есть само сознание. Говоря "я", не надо мысленно тыкать себя в грудь, но это делают. Путем редукативного уточнения можно понять, что "я" только ощущение присутствия при ощущениях и не более. Оно ничуть не хуже и не лучше прочих ощущений. Несколько трудно понять, что самосознание присутствует в любом "внешнем" ощущении²⁵; несколько проще это понимание приходит в отношении некоторых "внутренних" чувствований.

"Не есть ли и *внешний* объект нечто, от своего *понятия* не отличающееся, не едины ли и здесь понятие и объект — это вопрос, который еще ждет своего решения...²⁶" Об играх со словом объект мы уже говорили. Единственным объектом в метафизике может быть только абсолют, собственно вещь в себе по ту сторону субъективного сознания. Все прочие не совсем объекты, условности. Именуемое объектом в восприятии, строго говоря, — самосознающееся сознание, часть общего субъективного сознания. Шеллинг робко попытался торкнуться в открытую дверь. Со словом "понятие" сложнее, поскольку оно затерто и практически убито. А в данном случае Шеллинг имеет в виду схватывание-осознание, то есть фактически попадает в точку, и лучше, чем со своим Я в вышеприведенном случае. Таким образом, в рассматриваемом контексте треугольник Фреге не совсем уместен, шеллинговское логотивное вчувствование удается. Мы имеем дело не с бредом. Однако ускользящее флукутирующее я не есть полноценный объект, не в силу причастности к текучести, но вследствие вторичности, производности, оно не абсолют. "Я" — ощу-

²⁴ Там же, п. d).

²⁵ Подразумевается холистический подход к восприятию, когда отдельные признаки не срываются, не снимаются.

²⁶ Там же, п. d).

щение в среде других ощущений и не первенствует среди них в качестве кандидата на точку приложения Архимедова рычага. Тождество мышления и объекта? А что здесь уникального? Нужно уточнить: мышление бывает разным. И "я", и любое прочее ощущение может быть как в его центре, так и на периферии. Мышление, ощущения смысла расплеснуты по всему сознанию, но "умственный визир" или нигде не находится, или находится в чем-то одном. Слова "направлен", "наведен" не совсем удобны, поскольку порождают ложные ассоциации. Уточним еще: ощущение "я" хуже почти любого другого ощущения, поскольку не имеет конкретной локализации, к его насильственной перцепции никак не добавить апперцепцию, можно только попытаться не отвлекаться ни на что другое. В лучшем положении находится ощущение протомысли, смысловой мышцы. Но кажимости и его бытовой локализации не стоит доверять. Кому-то, когда-то удобно иметь его мнимую привязку в районе психического горла или феноменологического лба, кому-то когда-то в другом месте. Отличие протомысли — автономия, связь с чувством свободы и ощущением волевого импульса. Сюда же может присоединяться актуальная кажимость зоны прохождения мотива действия. Но полной самоисчерпанности, самодовления, самопроницаемости нет. Иначе прямо отсюда состоялся бы старт в некий лучший мир, либо супермир образовался бы прямо здесь и всё прочее было бы заброшено. На практике это субъективное начало начал ("психопроцессор") занято всякого рода чепухой, например философствованием. К ощущению "я" оно не имеет отношения. Высказывание "я мыслю" ошибочно. Верно: "я плюс мысль", но можно заявить и "звон в ушах плюс мысль". Высказывание "я существую" — дань обыденной грамматике, основано на ложной персонализации и феноменологически является неверным. Деление сознания на "чистое" и "эмпирическое" способно причинить только вред и не имеет под собой основы.

Мы рассмотрели три кандидата на роль шеллинговского Я (чувство присутствия при ощущениях; оптом всю солянку субъективного со столами и стульями; зону отчетливого ума или

смысловую мышцу) и без всякого лукавства можем заявить: "До свидания, господин Шеллинг!". Далее у него идут новые злоупотребления терминами "идеальное" и "бесконечность", заблуждения разрастаются.

Именуемое системой Шеллинга является недоразумением и не может быть названо трансцендентальным идеализмом.

Есть и смешной вопрос. О том, что именно подобрал Гегель для "Феноменологии духа", а потом и всей своей философской постройки.

ГЕГЕЛЕВСКАЯ ДУХОЛОГИЯ

В XXI веке словосочетание "феноменология духа" должно резать уши. Его гегелевский синоним "наука о сознании" звучит несколько приятнее. А есть ли у нас науки о сознании? Думается — нет. Всё, что угодно, но только не это. Расчищать авгиевы конюшни по этому вопросу ни у кого нет желания. Гегель всякий раз вводит своего духа как-то странно: то кивает на природу, то на "органическое тело", то на неудачные (как у Шеллинга) слова Я и "знание", а затем на "познание". Допустимо ли подобное? Есть область пересечения философии и психологии. Не устарели в ней деления в манере Аристотеля? По крайней мере, такие механические деления разрушают общую психологию.

Объект у Гегеля вовсе не особый метафизический или философский объект. Употребление этого слова общеграмматическое, что не внушает доверия. Аналогично обстоит дело и со словом "субъект". отождествление субъекта (в любом философском смысле) с духом (Geist) представляется не слишком удобным. И дело не в деконструкции субъекта, но в фактичности. Сосредоточение на всех феноменах сразу, включение в какое-то мгновение всех ментальностей выглядит слишком экзотичным. Всё проходит слишком мимолетно. Субъект оказывается лишь формальностью, проформой, условной рамкой даже при подразумевании конкретного сознания. Да и к сознанию слово Geist малоприменимо. Нет достаточной точности в определении сознания как знания, а связывая дух преимущественно с деятельностью сознания, мы переходим незримую черту. Характер активности сознания еще подлежит прояснению. Ориентация на начитывание лекций, требует всякого рода быстрых связок и вредит исследованию. И, конечно, из определений сознания нужно убирать Я. "Я" как чувство и [я] как формальная рамка не имеют гносеологического значения. Немецкое ich по смыслу ближе к имени, указанию в тех же форматах, то есть не чрезмерно отлично от русских [я] и "я". Любое я в строгом понимании не мыслит, и мысли ему

не принадлежат. Обыденные соображения необходимо удалять из феноменологии.

Уже по беглому обзору видна шаткость выстроенного Гегелем здания.

В предисловии и введении к книге Гегель очень далеко уходит от того, что принято считать феноменами. Возникает даже впечатление, что речь идет не о феноменологии, а о некоей странной и неправильной космогонии — духогонии, "формообразованиях" сознания. Чрезмерный размах водянистого текста поражает массой архитектурных излишеств. Где? Где она немецкая лаконичность? Слишком много журналистики. Помешательство на идее развития, дух проходит ступени... Реально ничего такого выпирать в феноменальном поле не может. Явная антифилософия, и идет речь вовсе не о перевоплощениях с целью улучшения кармы.

Истина непосредственной чувственной достоверности у Гегеля "заключается единственно в *бытии* вещи (Sache)²⁷". Как неприлично! Именно здесь и требуется отход от прагматических привычек. Никаких вещей не должно быть, предстают только эфемерные ракурсы. И главные выводы надо делать не по картообразно построенной развертке зрительного сознания.

Нельзя слишком придирается к древним грекам или к волонтеру Декарту, но не простить ложные стартовые позиции кафедральному чиновнику Гегелю. Сколько ни переводит гегелевскую терминологию на приемлемый для описания сознания язык, достойной философии не получить. Постоянно отождествлять Я с тем или иным Что, касающемся сознания, самим сознанием или его заметной частью невозможно. А вот многозначное слово "чистый" (rein): чистое бытие, чистое отношение, чистая непосредственность, чистое понятие, чистая всеобщность, чистое мышление. Вроде бы ничего особенного, но злоупотребление этим термином наводит на некоторые мысли об абстрактной вырожден-

²⁷ Гегель. Г. В. Ф. Феноменология духа. Ч.I. [А. Сознание], I. Чувственная достоверность или "это" мнение.

ности нам представляемого автором. Ведь приходится во многом оставлять втуне даже Гуссерля с его чистыми феноменами. Сверх того, нельзя не заметить противоречия: с одной стороны, нам пытаются навязать комковатую обыденность вместо феноменологии, а с другой стороны, над ней осуществляют грубую теоретическую вивисекцию. "Чистый предмет" (или "это", "этот") — нонсенс. Вот фраза совершенно перекиривленная: «"я" обладаю достоверностью *через* нечто иное, а именно через вещь; а эта последняя достоверна точно так же *через* нечто иное, а именно через "я"» /Ich habe die Gewißheit *durch* ein anderes, nämlich die Sache; und diese ist ebenso in der Gewißheit *durch* ein anderes, nämlich durch Ich/. Топологию двух менталов лучше описывать через третий и отнюдь не случайный ментал. Феномены сознания рассыпаны, а их связь-объединение проходит через те интегративные феномены, для которых нет словесных обозначений. Достоверность более или менее сомнительна, она подкрепляется не сочетаниями произвольно взятых феноменов, но рамками отмирающего здесь-теперь-так. Ich в любом своем значении не претендует на роль дирижера или зрителя. Суесловно рассуждая о предмете, Гегель впадает в какой-то евангельский тон, лучшего сравнения не подобрать. При том доходит до "некоторого *всеобщего*". Нужно ли это для сохраняемых постоянств восприятия? Выказывание "предмет, противоположный Я", смотрится как трафаретная диковатость. Никаких противоположностей! Это фундаментальная ошибка. Менталы находятся в одной и той же плоскости и не противостоят. Никакого смотрящего и смотряемого нет. В сознании отсутствуют гомункулусы. Однако и сам Гегель к этому моменту успокаивается, пытается отыскать инварианты. Главное сохраняющаяся возможность подстановки конкретного. Далее Гегель начинает словно бы молиться, зациклившись на повторах. Всё элементарно, невзирая на блуждание вокруг сосен. Рассуждения вылетают за пределы существования. "История движения достоверности" не имеет никакого отношения к констатациям. Объявить историю чувственной достоверностью — большая натяжка. Собственно чувственная достоверность, близкая к называемой, только общее ощущение текучести. И конечно,

сознание ничего "не снимает". Мелькания внутри сознания не столь уж ему подчинены. Вербализация ошущаемости и не носит обязательного характера. Для философских констатаций непосредственности нужна подстановочность, а не гегелевская всеобщность. "Предмет" — вопрос непроектируемой рассудочности, а не видимости. Прагматические слои не надо путать с действительными. Вот вываливание за границы феноменологии: "Одно, определенное как [нечто] простое, предмет, есть сущность, безразлично, воспринимается он или нет..."²⁸ Гегель тщетно пытается обустроить диалектику там, где ее нет, смешивает практическое с наблюдаемым. Он пытается заменить диалектизированной игрой слов заведомо недоступное феноменологическому или иному объяснению. Какие-то лев-толстовские веревочки для детей, идущие не к лошади, а к планкам кибитки. Феномены прекрасно обходятся и без гегелевской филологии. Систематизация практических представлений о вещах не слишком интересна и не имеет отношения к феноменологии и центральным пунктам философии вообще. Это уже псевдомир. Но даже и в таком смысле у Гегеля идет нагромождение бесполезных дефиниций.

"...сознание определено как то, что воспринимает, поскольку эта вещь есть его предмет..."²⁹ Классическая ошибка большинства мудрецов. Сознание не отделено от феноменов, оно ничего не воспринимает и есть восприятие и воспринимаемое в одном лице. Дополнительные наблюдатели не предусмотрены. Корректировать физиологические оттенки слова "восприятие" (*Wahrnehmung*) — одна из задач феноменологии. "Предмет" не совсем феномен, предполагает дополнение и больше относится к операционной или иной фиктивной среде, чем к сознанию. Смыслы расплывлены по всем феноменам, но специально выделенные смыслы чаще работают с "внутренними" феноменами (образами), или с апперцепциями, наложенными на экстериоризованное ("внешнее"). Кажимость противопоставления воспринимающего и воспринимаемого — иллюзия, проистекающая из различной

²⁸ П. Восприятие или вещь и иллюзия.

²⁹ Там же. [2. Противоречивое восприятие вещи.]

локализации "внешней" среды и соматических ощущений, в том числе психической "кожи головы". Вместо того чтобы оценить реальность, Гегель подобно пономарю без конца повторяет свои мантры: "развитие", "снятие", "негация", "всеобщий", "единичный", ничего нового не добавляющие, но только распирающие текст. Какое еще развитие! Мы находимся в калейдоскопе мельканий. Среды реальных феноменов служат основой всякого рода практически значимых упрощений. Значение обыденных и научных фикций именно в практической нужности. Но создавать фикции в философии никому не позволено. Ее задача как раз в поиске выхода из них. Иначе философия не требуется вообще.

ИЗ КНИГИ "ПРОСТОЕ И СЛОЖНОЕ"

УТЕШЕНИЕ

Утешение философией возможно, но оно слабовато.

Утешение наукой куда сильнее и доступнее. По науке всё рухнет. Забудут все имена и достижения. Забудется факт существования человечества.

Наука дает технику. А эта утешалка еще сильнее. Она может быть здесь и теперь.

Однако не надо забывать: утешение наукой есть утешение плохой философией. Конкретная область конкретной науки остается в себе, а мировоззренческий синтез — отсебятина индивида. Не самая лучшая.

Еще сильнее утешение искусством. Рано или поздно последнее займет место религии. Искусство не только открывает глаза и выпрямляет кривой духовный настрой. Оно загружает. Многие поэты, писатели, обыватели начинают в любом возрасте сами заниматься графикой или живописью. Сюда каждая клетка, каждый внутренний квант могут дать свой призыв.

И все-таки всякая загруженность, в том числе от дедушки Фрейда, весьма подозрительна. Истинное утешение мимолетно. Оно одновременно пробуждает и усыпляет. А рабство и поденщина — из другой оперы. Как и свобода. Очень ли хороша загруженность свободой?

И главное. А для чего потребно утешение? Вас волки съели? Кого-то или что-то отъели? Или у вас отобрали конфетку? Проблема в Прокрусте или в хрусте?

А если почти и вроде всё как-то не так? А как всё надо? Конечно, до пресвятого уничтожения. Этого никто не ведаёт, таких программ мозгам не предусмотрено, и мы вновь возвращаемся к философии.

ОПЯТЬ ЭТА ОНТОЛОГИЯ

В. Е. Никитину

На первый взгляд можно согласиться с утверждением, что сторонники принципиально различных онтологий ведут себя в спорах как представители различных религий. Сравнение довольно красочно. Его можно уточнить: сторонники разных религий обычно разделены либо в пространстве, либо во времени, по разным причинам избегают друг друга; зато представители разных политических партий, наоборот, могут встретиться в одном парламенте или в СМИ и даже публично вести полемику, практически не понимая друг друга в исходных пунктах и основаниях политических доктрин.

Но всё это внешние признаки. Недопонимание между "онтологами" простирается гораздо глубже. Иногда это – чуть не кора и подкорка мозга, а фактически – заикливание на разных планах сознания.

А вот с равноправием разных точек зрения на тип онтологии могут согласиться только текстологи или постструктуралисты. В данном случае исчезает принципиальная разница, поскольку суррогатом бытия выступает либо сам текст, либо нечто к нему близкое.

Если мы полностью согласимся с обыденным или все равно – с научным взглядом на вещи (наука – это как бы уточненная обыденность), то, будучи последовательны, мы обязаны отвергнуть и уничтожить всякую философию как ненужную болтовню. Но беда в том, что наука существует только на острие практических потребностей. Она — продолжение рук и ног, восприятия. Мироззренческая ценность науки весьма условна. Простого расширения границ восприятия для мироззрения маловато.

Как мироззренческий идол естественные науки оказались отринуты еще до своего рождения – во времена Парменида и Зенона Элейского. Потребность в философии возникает по причине

мировоззренческой недостаточности науки, более того – из-за ее слабости и многочисленных прегрешений против логики, из-за наличия парадоксов и порочных кругов. Нельзя абсолютизировать временные допущения и заведомые условности. А условности, вспомогательные построения и понятия – ткань науки.

Поскольку наука теоретически все-таки сильнее религии и экзистенциализма, теологический и равно экзистенциальный взгляд на онтологию отвергаются почти автоматом...

И все же существует одно "но", одна странность. Так называемая "правильная" наука и не должна содержать онтологических положений, не должна иметь в себе философии. Эксперимент – формулы, эксперимент – формулы или аналог последних. "Хорошая" наука отвергает собственную онтологию, не имеет никаких трансцендентных объектов и трансцензуса. В то время как многие продвинутые религии такой объект имеют и даже иногда "трансцензус" в виде некоего мистического постижения. (О подобном "трансцензусе" можно говорить и при расширительно понимаемой концентрированной экзистенциальной интенции.) Однако все это слишком далеко от логики, а логика, пусть не как формальная дисциплина, но как до конца не проясненное и до конца не "онаученное" безоговорочное орудие знания, оказывается необходимой для любого мировоззренческого, в том числе онтологического построения.

Мы приходим к лингвистической тавтологии; "Начало онтологии – логика". Наука и религия здесь отвергаются на основании их неполной логичности.

С другой стороны, в первую очередь областью применения онтологии должно считаться трансцендентное, потустороннее. (Ввиду неполноты, неполноценности, несомообоснованности, иллюзорности всякого здесь-теперь бытия.) Если мы подпишемся под каким-либо логическим трансцензусом, то окажемся в мире без пространства, времени и природы. В этом смысле природа не может относиться к онтологии уже потому, что она – логически противоречивое фиктивное продолжение обыденного человеческого восприятия и всего только. Интерфейс не обязан ничего сообщать своим наличием.

Наиболее чистый чувственный, нерациональный трансцензус обеспечивают не религия и экзистенциализм, но состояния (например, озарение, вдохновение), какие может предоставить искусство, делающее акцент на дальних планах сознания. Однако эти состояния не дают онтологий, но только некий пик, всплеск... А ведь мир без пространства, времени и природы, скорее всего, и есть тот самый сингулярный пик, всплеск. Логическое и чувственное сходятся в одной точке, а следовательно сходятся трансцензусы, исходящие из противоположных установок.

С формулировкой "онтологические основания онтологии" нельзя согласиться по причине ее непродуктивности; она отсылает нас фактически не к учению о бытии, но к тому, что за гранью субъективного сознания; а спасительному термину "установка" нелепо приписывать субстрат.

Выражение "глубинные ментальные структуры" (вне психоанализа и подобных ему дисциплин) я бы заменил термином "метаментальное", ибо сознание в феноменологии проглядно по определению. Полностью приемлемой дефиниции сознания, конечно, нет, но отграничения от других дефиниций подразумевают извнутреннюю прозрачность чисто философски понимаемого ментального, то есть именно ментального, тождественного с субъективным сознательным без излишних смешений его с мнестическим. Но сознание прозрачно только в своей фактической данности, а не в качестве самообъясненности, происхождения и подложки. Оно не пронизает само себя полностью. Предрассудки, установки, стереотипы, инстинкты – вне субъективного сознания. Было бы антропоморфизмом искать за сознанием каких-то дифференциаций, гомеоморфных "выбору мировоззрения", но здесь достаточно и простого указания, отсылки. Но установка сознания, увы, неонтологична. Какое здесь "учение о бытии"! Для субъекта – там мрак крошечный, "черный ящик". Нельзя поступать подобно психологам и жить гносеологическими метафорами.

Философские установки как раз и не должны "укореняться в практической деятельности", в противном случае *вываливание* из пределов философии обеспечено. Весь смысл философии – в ревизии всего. А в процессе переоценок онтология, сколь она ни важна, на втором месте после гносеологии. Соответственно речь гораздо больше может идти *о гносеологических, а не об онтологических основаниях онтологии*. Если и можно отождествить гносеологию с онтологией или ее частью, то в качестве оксюморона или обычной игры в термины. И зачем бы такое отождествление нам понадобилось? Кому-то хочется сделать онтологичным не трансцендентное, но трансцендентальное...

Возникают вопросы о бытии и бытии иллюзии, о прочном и непрочном бытии. Практически весь человеческий мир – иллюзорное муляжное бытие, интерфейс, найти в нем щелку довольно затруднительно, хотя возможно.

Требование равноправия различных онтологий можно объяснить только с позиции необходимости выживания философов. Жизненное пространство расширяется! Учи, как хочешь учить, и никто слова не скажет. Мы теряем возможность выплеснуть с водой, но получаем полную гарантию затопить водой и избавиться в конце концов от философии, будь она неладна.

Куда девать лишние онтологии? Для незлобивого интеллектуала книжка с чуждой ему онтологией – куда более приятное чтение, чем бульварный роман.

Прошлый раз никто не воспринял моих возражений против онтологизации природы. Но реально она мало кому нужна. Например, мы знаем и помним Гегеля из-за "Феноменологии духа" и "Науки логики", но не из-за его философии природы.

В качестве заключительной реплики всё же нужно сказать правду и объявить, что король голый. Надо полагать, онтология

не сводится к одному кивку, указанию или утверждению; это нечто *развернутое и даже многоступенчатое*. Возьмем для рельефности крайние точки зрения. Дремучему наивному реализму онтология не нужна, для него и так все ясно. Онтология фактически не нужна теологу, на первом месте – сам факт веры и высшее существо; остальное – приложения. Последовательный постструктуралист отказывается от онтологических утверждений сам. Фактический отказ от онтологии всех прочих ими просто не осознан.

О ТЕРМИНЕ "СУЩЕЕ"

Надо сказать, это слово нежелательно, поскольку может вызывать к жизни призраки лишних сущностей. Слово многозначное, связано с архаическим "сущий" (существующий). Хватает и других русских слов.

Сложнее с переводами. Пусть не во всех случаях, но довольно часто можно обойтись и без него. Многое зависит от того, как переводят остальные термины. Так если немецкое *Dasain* перевели словом "присутствие" (тут-бытие), то *Seiende* можно переводить как "существование" или данность. Слово "существование" легко уточняется прилагательным (субъективное, объективное, воображаемое). Термин "данность" относительно прозрачен и без эпитетов: заведомо ясно, что абсолютом или вещь в себе не могут быть данностью, поскольку данность — то, что близко или в каком-то качестве открыто субъекту.

Нет большой необходимости и переводить словом "сущее" латинское *ens* (причастие от *sum*).

Для обозначения данного и неданного достаточно слова существование. Вопрос осложняется тем, что идеальное (лжебытие, бытие понарошку, условное бытие, рисунок на растянутом небытии) вздумали тоже называть бытием, что крайне нелепо. Не имеет прямого приемлемого смысла хайдеггеровское мнение о бытии как о просеке в сущем. Еще никто не придавал сущему какой-то пракосмический смысл, а потому это и не стоит делать зря. Действительное добытие, недетектированное бытие проще называть недобытием, прабытием. Под словом "многообразие" (якобы атрибут *Seiende*) подразумевают вовсе не это, а всевозможные последствия наивного реализма, коим были поражены главные философирующие фигуры XX века. А Николай Гартман, сверх кон-

таминации чувственного с предметным, пытался реставрировать натурфилософию.

Вот перевод коронной фразы Н. Гартмана из труда "Zur Grundlegung der Ontologie": "Бытие отличается от сущего точно так же, как истина отличается от истинного, действительность — от действительного, реальность — от реального. Есть много того, что истинно, однако сама истинность в этом многом — одна и та же; говорить об «истинах» во множественном числе с философской точки зрения неверно и этого следовало бы избегать. Точно так же неверно вести речь о действительностях, реальностях и т. д. Действительное бывает разным, действительность в нем одна — тождественный модус бытия.

Так дело обстоит и с бытием, и с сущим. Необходимо отвыкнуть от смешивания одного с другим. Это первое условие всякого дальнейшего проникновения в тему. Бытие сущего одно, сколь бы разнообразным ни было это последнее. Все же дальнейшие дифференциации бытия суть лишь конкретизации его способов".

Отчего в предлагаемом формальном случае не говорить о бытийном и бытии, о бытийном и бытийности? Мы сталкиваемся с практикой перевода немецких слов. У *das Sein* и *das Seiende* — сходное звучание, у русских "бытие" и "сущее" в современном варианте такого нет, возникает коренное различие в прямом и переносном смысле. С другой стороны, Гартман держит про себя дальнюю мысль о своем желании в обязательном порядке вставить в части своего труда описание весьма отсталой (а зачастую ненужной) сферы под названием "натурфилософия". А для этого, противореча сам себе, оставляет клетки для подразумеваемого "разнообразия".

По нынешнему взгляду на реальность можно заявить, что несущего бытия не бывает. Прошлое, будущее, идеальное — не есть бытие. При этом, конечно, надо отмежеваться от мыслителей, полагающих феномены идеальными, либо перемешивающими ум с разумом. Сущее — пережиток прямого или замаскированного трансцендентализма. Объединять реальное с идеальным в одном термине представляется крайне предосудительным. Хуже с лукавым Хайдеггером: словно бы забыв о вещи в себе, о по-

тустороннем по отношению к феноменальному, о субъективной хрональности, он возвращается к архаике досократиков и нелепым образом обвиняет коллег в сокрытии потаенного.

Пожалуй, главная ошибка Хайдеггера — отказ от актуального рассмотрения бытийной модальности, а в связи с этим — исходного и производного. Даже приблизительное представление о степени существования (степени сущестуемости) делает термин "сущее" ненужным.

"Сущее как таковое" — яркий пример схоластического измышления, заведомой нереальности. Оно ничуть не лучше "стольности" или "стульности".

МАТЕРИЯ КАК ПОРОЧНОЕ И БЕССМЫСЛЕННОЕ ПОНЯТИЕ

И в быту, и на "научном" уровне слово "материя" подзатерлось. Как и слово "любовь". Кто-нибудь встречал слово "любовь" в философских энциклопедиях? Аналогично подзатерлось слово "бог". На одном уровне им обозначают пустую идею, то есть небытие, на другом — куклу. А якобы единого и незримого бога в обязательном порядке заставляют воплотиться в тельца или в человека.

Я исхожу из того, что термины "субстанция" и "материя" не являются тождественными. Материя — нечто наподобие вырожденной абстракции, расширительного понимания, приложенного ко всему. Материей в философском смысле даже называют ту материю, какую используют портные, а это уже ошибка. Подумайте, можно ли показать на материю пальцем? А ведь показывают. Превращают в тельца. Договорились даже до уничижительно-псевдоблаголепных словосочетаний: "виды материи" и "формы существования материи".

Абсурдному положению вещей способствуют такие абстракции, как пространство и время, а также пространство-время. Спрашивается, причем здесь опять математика? Пространство вырождено, чисто математично, условно и вернее было бы говорить не о пространстве-времени, а о структуре-времени, а еще лучше о структуре, поскольку структура, являясь с внешней точки зрения частью (снимком, условной заторможенностью) совокупности вихрей, движений заведомо включает в себя свои внутренние времена.

Однако и термины "структура-время" и "структура" не слишком-то приличны. Они, как мы видим из предыдущего, объекти-

вированы, но не объективны; моментализированное восприятием субъекта несубстанционально.

Именно структура — фактор разрушения материи, показатель заведомой искусственности природы вещей.

Изначально (и всегда) нет центра и периферии, правого и левого, прочего геометрического. Для описания протяженности и разверток протяженности требуется не 11-мерная и фрактальная геометрия, но усовершенствованная топология.

Имеем три пункта: 1) неразвернутое, 2) энное количество способов развертки, 3) взаимодействие-наложение различных разверток друг с другом и двойным (исходно-конечным) базовым неразвернутым, всегда остающимся в себе.

Итак, субстанция — это одновременно протосубстанция, но не явление, влитое или вписанное, в какие-либо формы. Вписанность в формы — относительна и предполагает наличие воспринимающего (создающего, искажающего, хотя бы попугаино запоминающего) наблюдателя. А необходимость наличия для субстанции мыслящего наблюдателя — еще вопрос. В том-то отличие субстанции как протосубстанции от её иллюзорных производных, что разделения на субъект и объект, прочих мнимостей еще нет.

Субстанция, как ей и положено, бесструктурна и вневременна. А материя оказывается установленным для всеобщего обозрения идеалистическим идолом.

Сколь ни иллюзорно субъективное сознание — оно реально, поскольку воспринимается. Деваться некуда, мы расплачиваемся за родовое нагромождение, можно сказать, проклятие. А материя? Оказывается одним из его пошлых аспектов. Ненужным для центральных областей философии.

Темная энергия, темная материя... Скажите проще: основания естественных наук ими зачеркнуты! Есть смутное подозрение, некоторое наитие: не только естественных...

РАССУЖДЕНИЕ О МЕТОДЕ И ГОЛЫХ КОРОЛЯХ

1

Увы, так называемая немецкая классическая философия является всего лишь раздутым разделом риторики. А современная философия? Она окончила жизнь самоубийством.

Во многих странах философия вроде бы преподается в университетах, но на деле дают ее имитацию.

Как надоели бесчисленные индийские гуру! Но у этих бесноватых (или почти успокоенных) иногда больше философии, чем у всех университетских профессоров, вместе взятых! Речь идет о ключевых утверждениях. Конечно, всякая академическая философия проституирована. Тем не менее удивительно не слышать от кафедральных чиновников стандартных фраз наподобие: "Мира не существует", или "Мир — иллюзия". Нужно сделать уточнение: прилагательное "академическая" к постмарксистской философии и к русской философии вообще применимо довольно условно.

С неакадемическим философствованием в России — еще хуже. Какой только болтовни здесь нет. В основном эту нишу занимают неудачники от естественных наук, религии и политики, любители ветеранских "красных уголков" и популярной физики без формул. Начисто отсутствуют философские термины, философская проблематика как таковая. Засилье схематизма, скоропалительных выводов, ненаучной научной фантастики, паразитирование на таинственном и загадочном.

В виде отдельной ветви можно встретить самодеятельных эпигонов французского постструктурализма. Здесь положение —

не лучше, чем в хип-хопе или рэпе. Во всяком случае, почти неотличимо.

2

Всякая нормальная философия может быть связана только с солипсизмом и редкими протуберанцами из него. К этому обязывает скепсис и то стартовое сомнение во всем, без которого философия как таковая невозможна. Иначе это будет либо очередная языковая мразь, либо журналистика на псевдонаучную тему.

3

Попытка выйти в надсубъективное или засубъективное неизбежно связывается с малоприятной истиной: "Восприятия, представления возможны через посредство памяти". Однако память — не феномен и отнюдь не является чем-то логически доказанным. Наличие воспоминаний в этом плане ничего не говорит, по крайней мере, философски.

Если нет памяти, практически нет ничего. Любая физика осыпается. Нет памяти — нет законов, нет времени и движения.

4

Ставим вопрос иначе: "Чем заменить память? Возможна ли топология сознания, при которой память превращается в пустую кажимость?"

Возникает параллельный вопрос: "Чем заменяется время, если времени нет?"

Вовлекаются в рассмотрение воспоминания о настоящем, различия и структура субъективного интерфейса.

Имеем нерасшифрованность, словно бы подсунутость данных при их формальной завершенности.

Вроде бы не так плоха гипотеза о том, что всё есть психика и нет ничего кроме нее. Тогда возникают мысли о наличии мало-проницаемых перегородок внутри нее, о дележе на большую и малую психику, о пробегании ее самой внутри себя. Суть сводится к открытому и закрытому сознанию. Последнее субъективно смотрится как не-сознание. Мир превращается в Солярис изнутри себя самого при том, что никакого "внешнего планетоподобного Соляриса" нет.

Что противоречит такой картине? Во-первых, разумная агностика. Во-вторых, отсутствие какой-то познавательной отдачи. А что если осколочное здешнее неполноценное сознание по другую сторону так и не компенсируется полноценным? Не в этом ли причина соскальзывания-пробегания?

Упование на некую скрытую механику имеет свой смысл, но механика — это очень плохо и для современной физики: скажем, судили-рядили о суперструнах и м-теории (которая де объясняет всё) и здесь бац — "столкновение двух мембран". Приехали. Если изначальный математический аппарат теории вырос из обычных описаний, то из окончательной общей теории всего извольте убрать твердотельную механику.

К сожалению, философская мысль поломалась не только в России, но и на Западе. Приходится говорить об элементарном.

Метафизика — за физикой. Для философии за человеческим сознанием находится вовсе не биофизическое или нейрофизиологическое, но — неабстрактная вещь в себе. Об этом не следует забывать. Никаких правых и левых полушарий!

КОГДА УМРЕТ НЕДОФИ?

(Реплика)

М. Г. Годареву-Лозовскому

...тематика первой субботы марта касалась философии творчества, а не философии естествознания. Последняя для меня мертва, является давным-давно отжившим и нелепым введением в философию собственно реального мира. Что же? Начинать можно и с ошибки. Это не запрещено. От философии физики начал уходить еще в конце шестидесятых, хотя где-то в семидесятом разрабатывал свою концепцию движения-неперемещения.

Высказывание "детерминированная бесконечность" филологически звучит для меня точно так же, как "суверенная демократия"...

Говоря о Зеноне и Гейзенберге, вы почему-то позабыли Декарта. Зенона и Декарта еще как-то можно соединять. Гейзенберг выпадает. Либо физика, либо философия, нельзя смешивать то и другое. Пишите математические формулы, достойные современного состояния науки, и посылайте их в международный журнал, — тогда ваши речи обретут смысл. Только тогда будете новым Перельманом.

Сейчас в Петербурге много технарей, что отрицают Эйнштейна, пишут письма "ученому соседу" и засовывают их в бутылку. Изредка полулегально публикуются, минуя маститых оппонентов (это называется подметными письмами), и ругаются с ортодоксальными физиками.

Если иметь в виду философию, нужно пользоваться специальным теоретическим аппаратом, либо создавать его заново. Тогда неизбежно возникнет более глубокий взгляд на мир. Так называ-

емые "междисциплинарные вечные проблемы" отпадут сами собой, окажутся неактуальными.

Вот один из примеров доаппаратного введения. Микрообъектов нет вообще. То, что мы считаем микрообъектами — де на самом деле — состояния кластеров пространства. Кластеры могут пребывать в нескольких состояниях. Пусть большинство кластеров пребывают в состоянии А, но некоторый кластер-1 — в состоянии Б. Если оказалось, что кластер-1 потерял состояние Б, а соседний кластер-2 его приобрел, а затем точно так же кластеры-3,4, 5, 6,....n....., то нам покажется, будто состояние Б есть перемещающийся микрообъект.

В середине семидесятых я шел с преподавателем философии ЛХФИ Крючковым (поклонником Библера и Маркса). Он показал рукой на первый в городе экран-постер (из электрических лампочек) над Московским вокзалом и изрек: "Вот ваша теория движения!" Конечно, он еще многое что изрекал, поскольку считал истмат первичнее диамата. К его словам можно было бы и не прислушиваться. Мы расходились уже по вопросу о сущности понятия как такового. Однако мне в голову пришла мысль о диспропорции, атавизмах и рудиментах: "Допустимы ли какие-то чертежи в философском трактате?" Кластеры — это явный натурфилософский рудимент.

Пусть некоторые подобные иллюстративные рудименты в моих текстах сохранились и сейчас. А вообще механика (и даже что-то близкое к ней) не может считаться в философии чем-то основополагающим.

ПРИМЕЧАНИЕ К ПРЕДЫДУЩЕМУ ТЕКСТУ

Конечно, никакая бесконечность невозможна вообще. Даже в околонуке или околومتафизике. Она — только продукт арифметической фантастики и является абсурдом.

Однако в чисто формальном смысле понятие "бесконечность" более мощно, чем понятие "детерминация".

Нельзя обосновывать логически более мощное, менее мощным.

Поясняю.

1. Оппозиция беспричинность — причинность третична, если не четвертична и в достаточной степени условна. Нельзя путать детерминацию с законом достаточного основания.

2. Причинность может иметь место только после прохода грани иррациональное — рациональное и последующей дихотомии.

3. Еще до грани иррациональное — рациональное есть грань внелогическое — логическое, алогическое.

Бесконечность формально может присутствовать и здесь. Она больше связана с логикой и чистой математикой, чем с математическими приложениями или использованием математики в естественных науках.

Это суть. Всевозможные эвристические маргинальности опускаю.

В этом смысле можно добавить:

1) семантико-семиотическая вездесущность бесконечности объясняется тем, что она, как и нуль, означает отсутствие существования и не принадлежит реальному миру, оставаясь припиской (измышлением) разума;

2) алгебраически бесконечность и нуль часто оказываются приведенными к тождеству, а нуль геометрически можно приклонить везде;

3) значок "бесконечность" метафоричен: центр лежащей на боку восьмерки в ряде математик можно объявить числом, одновременно равным плюс нулю, плюс бесконечности, минус нулю и минус бесконечности (по этой восьмерке и бежит "числовой ряд");

4) наглядную чисто арифметическую разницу нуля и бесконечности можно видеть в том, что бесконечность — обычно число иррациональное, в то время как нуль — рациональное;

5) гипербола "бесконечность" была важна как противопоставление во времена Николая Кузанского, поскольку Земля тогда считалась центром мира, а о многочисленных звездных мирах не было и речи.

ГРАНИЦЫ МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ

Некоторое резюме

Существует по крайней мере один вариант такой онтологии без феноменологии, но поскольку мы сейчас не сосредотачиваемся исключительно на нем, то сделаем краткое феноменологическое разграничение.

Термины "ощущение", "представление", "сознание", "предмет", "философия" и др. риторически удобны, но мировоззренчески опасны. Существуют относительно нейтральные термины "феномен" и "феноменология", но приходится всякий раз отходить на достаточное расстояние от известных абстрактных феноменологий. Именно поэтому мы будем иногда употреблять непривычный термин "ментал", подразумевая под ним конкретное содержание наличной здесь-теперь субъективной данности.

Совокупность всех "внешних" менталов называем квазисредой. Если нечто находится в поле предметного восприятия, если оно сейчас как бы внешне воспринимается, то оно квазисредно, если нет — то считается квазисредно несуществующим. В отношениях оппозиции и синтеза с квазисредой находится среда внутренних неинтеллектуальных представлений. В свою очередь совокупности феноменальных сред (а их около дюжины, не все они способны полностью разворачиваться) противостоят среды фиктивные или псевдосреды, спонтанно порождаемые различными практическими потребностями.

Субъект в нашем понимании не является персоной или неким гомункулусом. Равным образом в нем нет ничего, что выполняло бы такую функцию. Все менталы равноправны, находятся друг с другом в топологических отношениях объединения и пересечения³⁰. Особенность в том, что всякое пересечение представляет собой новый ментал. Он и есть связующее звено объединения.

³⁰ Формальная логика не подразумевается.

Соответственно возникают пересечения пересечений, пересечения пересечений пересечений, но всё это не образует иерархии, что связано с утрачиваемой структурностью. Теоретически возможно и обратное рассмотрение через дифференциацию тонического бесструктурного в структуры.³¹ Мы имеем дело с разными звеньями наибольшей связности в тот или другой момент, но не с наблюдателем и наблюдаемым. <Конец пояснительной вставки.>

Особенность метафизической онтологии — наличие трансцендентных объектов и трансцензуса. Конечно, экзотический вариант метафизической онтологии без феноменологии формально никакого трансцензуса не предусматривает и представляется спекулятивным. Однако здесь нельзя не видеть теоретической игры. Онтология не возникает на пустом месте, пустое место только имитируется. Далее под словом "онтология" мы будем подразумевать исключительно онтологию метафизическую. Вот первая граница онтологии: по отношению к субъекту онтология находится на втором месте после гносеологии, а точнее сказать, — после феноменологии. Отсюда достоверность утверждений о чем-то онтологическом находится под бóльшим сомнением, чем достоверность утверждений о феноменологическом. Скепсис неизбежен.

Попытка выйти в предсубъективное (то есть засубъективное, вовсе не "передсубъективное"!) неизбежно связывается с мало-приятной истиной: "Менталы возможны через посредство памяти". Однако память — не феномен³² и отнюдь не является чем-то логически доказанным. Она не может быть даже ноуменом.

Если нет памяти, практически нет ничего. Любая физика осыпается. Нет памяти — нет законов, нет времени и движения. Мы

³¹ За рамками теории такое означало бы резкое изменение базовых состояний (инободрствание, небодрствование и пр).

³² Ударение на втором слоге в этом слове, я ставлю в тех случаях, когда подразумеваю нечто из ряда вон выходящее, в обычном варианте — только на последнем.

можем только выстраивать пустые догадки о том, что по ту сторону субъекта, находится вовсе не время, а нечто принципиально иное. Остается главным одно — воспоминание о настоящем. Я понимаю интенцию не как направленность, но как концентрат, сворачивание структурного в бесструктурный тон. Обратный процесс в условиях нормального бодрствования (например в отсутствии сенсорных деприваций) — гораздо слабее. В любом случае для субъекта его как бы собственная топология оказывается во многом съеденной, во многом ушедшей из рамок наглядности. Возникает инерционный потусторонний фантом под названием "метасубъект". Метасубъект будет представлять интерес только при возможности снятия иллюзорных наложений из здесь-теперь субъекта. Фактически трансцендирование идет на элементарном бытовом уровне. Посюсторонне оказывается снятым не только предельно компактированное, но и бывшее настоящее. Возникает нелепая картинка с сумасшедшим бегом субъекта по метасубъекту. В чем здесь ошибка? Менталы равноправны, но имеют различную длительность в зависимости от степени своей бессруктурности (читай: беспредметности). Некоторые практически не меняются и редко прерываются. Прежде всего субъект бежит вокруг себя самого. Однако вызреваемая здесь общая ось субъективного и метасубъективного не может считаться чем-то доказанным. Зато мы видим четкую разницу между наукой и псевдонаукой с одной стороны, — и метафизикой со стороны другой. Субъект как раз и есть водораздел между разными сферами. Наука выстраивается перед субъектом, выдумывает структуры структур, дифференцирует и дифференцирует, полученное пытается связать в синтезе, часто безуспешном. Метафизика смотрит в область за субъектом, ищет не разнообразное, но единое, либо в каком-то смысле единству подобное и, как правило, спотыкается на возникающих при этом парадоксах. Если наука там и сям оказывается праведно и неправедно испачканной псевдонаукой, то метафизика — псевдометафизикой. Главное отличие псевдометафизики — образность. Образы сновидений и видений — внутри субъекта, а не за ним. Геолог или ботаник идет тропой, по которой позавчера прошли его товарищи и вдруг ни с

того ни с сего начинает слышать их разговоры, которые они здесь вели. Подобный феномен (ударение на втором слоге) он величает "метафизикой". Разумеется, собственно метафизика подобными вещами не занимается и заниматься по известным причинам не может. Как бы субъект ни вращался вместе с предполагаемым метасубъектом, между субъектом и метафизическим объектом лежит методологическая пропасть.

И логический, и экзистенциальный переход к объекту имеют недостатки, они дополняют друг друга, но и при условии такого дополнения не обладают полной убедительностью. Основа логического перехода — недостаточная бытийность субъективного мира, несамостоятельность субъекта. В основе эстетико-экзистенциального перехода — наличие неструктурного символа, малой интенсивности, через которую проглядывает предельная. Психоделическое модернистское произведение искусства важно не само по себе, но в качестве указания на иное. Прежде всего в данном случае, имеющем отношение к мировоззрению.

Переход между субъектом и объектом. Прямое замыкание субъекта человеческого типа объектом абсолютных свойств, вообще говоря, смотрится нонсенсом. Слишком разнокачественен, разноструктурен субъект. Однако метафизика ничего не может говорить о неких промежуточных нечеловеческих субъектах. Сверх того, как и человеческий субъект, все эти субъекты были бы несамостоятельны, несамоданны, а следовательно иллюзорны. Их внутренняя протяженность означает внешнюю зануленность, завернутость. Мы имеем вырождение субъектов в монады, не имеющие окон. Метафизическое, как и феноменальное, не совместимо ни с одной из геометрий и требует нестандартной топологии. Чем дальше мы уходим от феноменального в метафизическое — тем эта несовместимость больше.

Сам объект. У метафизической субстанции больше негативных характеристик, нежели позитивных. Рассматриваем ее, конечно, вне теологических и естественнонаучных парадигм. Есть

отрицания, есть утверждения, но вместе с ними неизбежны высказывания, подрывающие статус абсолютности. Даже случай вневременности и непространственности полностью не снимает вопроса о генезисе.

Иррациональная (бесструктурная) протяженность не теряет неявной ологичности. Пусть нет правого и левого, нет центра и периферии, нет конечности и бесконечности, а также нет возможности какой-либо разметки. Полный уход от логического идет только на границе бытийного. Нельзя прикладывать логику к чему-то что, будучи самостоятельным, не является ни бытием, ни небытием. Конечно, предпочтительный объект человеческого рассмотрения — небытие, которое условно считается бытием; его размазывают по удобному пространству, придумывают правила, придумывают структуру. В этом смысле нет ничего лучше небытия. Всё это, как уже говорили, пред субъектом, а не за ним.

Другое направление. За рамками бытия в некоем самостоятельном первообразном недобытии, где невозможно приложение закона достаточного основания, выяснение детерминации и прочего подобного, и речи не может быть о какой-либо онтологии. Это уже не онтология, а нечто иное. Причем независимо от того складывается ли, замыкается ли недобытие в бытие или вовсе не складывается. Здесь уже метаметафизика.

К поиску неочевидного. Есть и другие ограничения: аппаратные. В шестидесятые годы пошло повальное увлечение математическими моделями. Затем слишком сложные модели стали перепоручать ЭВМ. Могу указать на знаменательную ошибку. Компьютерная программа должна была выяснить минимальное количество цветов, необходимое для составления географических карт. Машина выдала результат: "Искомое число равно четырем". Результат долгое время считался общепризнанным, но четырех цветов как раз недостаточно. Соответственно не уйдут сомнения в возможностях топологии и любой неклассической математиче-

ской логики, когда та и другая прикладывается к чему-то ненаглядному.

ФЮСИС

Что конкретно именуют физическим? Пространство оказывается вне физики, оно никак не отождествляется с вакуумом. Время — тем более нефизично. Здесь только способы раскладки, идущие от психики и математики.

Атомы? Молекулы? Твердое тело? Это вещи, которые сами себя убивают. Они сотканы из времени, то есть нефизического, представляют собой те или иные условные заторможенности, размытости. Мы имеем заведомый абсурд: кусок времени летит во времени.

Собственно физика начинается с сил, масс и движения. Если понимать массу как количество вещества, то возможны два варианта: 1) масса в качестве твердого тела, а равно в качестве кристаллов, молекул, атомов... нефизична, это безответственное ангро; 2) некая гипотетическая масса в срезе времени, равном нулю, либо в гипотетической естественной и наименьшей единице времени, но дробление пространства и времени на корпускулы или ячейки, скорее всего, не имеет под собой никакой почвы.

Как ни подходи, но физика оказывается где-то посередине между психометрией и геометрией и решает благие практические задачи. Прямого мировоззренческого смысла она не имеет.

Там померили, здесь померили, предложили теоретическую модель, построили приборы, подсчитали, проверили, уточнили. К сожалению, этого мало! Суть мира остается непостигнутой.

Некогда Декарт говорил о том, что атомы в веществе связаны друг с другом крючочками. Эти "крючочки" — своего рода иносказание. Однако таким же иносказанием являются поля, волны и прочие понятия современной физики.

ПСИХИКОС

Что был Декарт, что не было Декарта. Жили некогда Беркли и Юм — то же самое, как если бы они не родились. Толку от нынешних психологов и философов — нуль. В строгом мировоззренческом плане. Они живут на маленьком аристотелевском ковре из разнородных лоскутков. В крайнем случае, эти спецы проявят слабину и предпочтут прислониться к психоаналитическим мифочкам. Либо (что почти то же самое) — к тихому бреду разнообразных визионеров, но очень, очень осторожно, чтобы коллеги ни в чем не обвинили. Люди смежных профессий когда открыто, когда себе под нос там и сям отпускают фразы наподобие: "Психология — не наука", "Психологи занимаются ерундой". Ясно одно: психологи сосредоточены на чем угодно, но только не на психике, не знают, что такое она есть. Они попросту оторвались от одного из разделов физиологии и дальше ее методов почти не идут. Даже физики первой половины XX века немного подстроились под самый главный прибор получения данных и частично — под азы солипсизма, но психологам психика — совсем не по душе. Зато у них есть специализированный словесный аппарат и склады, забитые результатами разнообразнейших измерений, в наличии — огромный крен в сторону социологии. Общая психология давно почти не развивается и выброшена за борт, некоторые трегубо канонические смехотворные выжимки из нее идут лишь для воспитания и развития молодежи философских и психологических факультетов.

Действительно, иметь дело с психикой весьма сложно. Человеческое восприятие изнутри самого себя неудобно для изучения. Интроспекцию как метод давно отправили на свалку. Особенность восприятия: пластичность, искривление и приписывание значений ради удобства и разграничений. Самый яркий пример подобного — персонализация. Изначально нет никаких персон, в том числе персоны воспринимающего. Иного и быть не может. Разграничение идет одновременно с самовнушением, в итоге

персональность как бы индуцируется, контурируется. Акты разрубления изначально имперсонального в конечном итоге ведут к теизму, а это уже превышение границ прагматического, попытка усилить явную недостаточность здесь-теперь персонности персонностью всекосмической, фантастической. Аналогично непрерывный беспредметный мир начинает казаться состоящим из отдельных предметов, а поскольку для практики подобного мало — атомизация, квантификация мира идет и далее. Следы, признаки раздробленности существования ищут и, конечно, находят! Вот и смысл всей подобной гонки: объявивший забастовку, отказавшийся реагировать, функционировать — перестает существовать, его психика аннулируется.

На деле интересна обратная сторона психического, скрытые складки души (психейное). Оказывается, то и другое выслано тем, чего нигде нет — памятью. О памяти всегда говорят так, как будто она существует, но реально даются лишь отрывочные воспоминания. Этот парадокс отдает сумбурностью, несимметричностью, выпадением за рамки допустимой риторики. Как-то и неудобно о нем говорить. Субъективное пространство довольно ограничено, органично, редко вызывает диссонансы, но субъективное время в паре с той же проваленной в ничто памятью — вещь, чреватая интеллектуальными затруднениями. Однако действительное затруднение — всё та же утраченная имперсональность, истинная безличность всего и вся. Никуда не девалась, но словно бы размылась. И это на фоне нелепейшего традиционного противопоставления "души" и "тела", донельзя запутанного вопроса о том, что первично, а что вторично. Удивительно, но логического круга здесь почему-то никто не замечает и замечать не желает.

* *

Материя невозможна, но вместе с тем невозможен и разум как космический, так и человеческий. Материя и разум — идеалистические фикции. Вполне допустимо говорить о ментальности и в человеческом, и в предчеловеческом смысле, а следовательно — о психике, никак не связанной с биологическими организмами. Мы имеем не панпсихизм, но неразумную, внеразумную поту-

стороннюю психику как основу последующих разграничений, дроблений. Было бы странным прикладывать к ней слова "творец", "творческая". Слово "творец" довольно условно и в применении к человеку. Человек больше занят комбинированием исходного, уже данного. Он считается действующим, творящим постольку, поскольку он прикладывает разного рода усилия, может иметь предварительный план того, что он делает, изготавливает. Подобное выглядит суммационным, но не предельным, относительным, а не абсолютным. Сплошность, непрерывность здесь отсутствует. Игра в кубики есть игра в кубики.

Те или иные предполагаемые ступени детектирования в потустороннем неизбежно могут предстоять только в ограниченном ракурсе с ними же связанном, в ином ментальном ракурсе они не обязательны, отсутствуют или подменяются другими. Имеем специфическую топологию вложений. Визионеры обычно далеко не уходят от капусты человеческого восприятия, не пребывают в мире ином. Изредка им дается палеоядро человеческой ментальности, именно его они и путают с философским космосом или абсолютном.

Убедиться в нетрансцендентности наваждений можно по их структуре, слишком уж они напоминают отношения в тривиальном мире. "Архетипы", как правило, не есть нечто буферное между субъектом и метафизическим. Они, наоборот, не досубъективное, а надсубъективное. Гораздо реже можно говорить о чудовищных гибридах.

* *

В ряду действие — переживание — отношение важнее всего невыразимое словами промежуточное как между действием и переживанием, так и между переживанием и отношением. Малофиксируемые скачки-подвижки. Там и провал ментальности, и претензия на автономию. Человек самостоятелен, автономен там, где его нет. Думается, провал идет до конца, провалено не только относительное, но и абсолютное. Конечная опора возможна только в недосуществующем, находящемся вне логики.

О психологии можно сказать то же, что и о философии: ее центральная часть и не должна быть наукой. Более того, главная часть психологии и философии — во многом одно общее.

Чисто психологически важно обратить внимание на соотношение двух явлений: общего тонуса и микротонуса-микроимпульса, не всегда отчетливо замечаемого. Последний интересен и сам по себе и в паре с какой-либо сосредоточенностью. Психика как бы незаметно изливается из малозаметных в среде общего тонуса слабых микроимпульсов.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК СТЕРЕОТИПНАЯ ЛОЖЬ

Аннотация. Термин "рефлексия" вполне актуален в бытовом, художественном, литературоведческом смысле, но его употребление в центральных философских дисциплинах не может не вызывать сомнений. Уточнение механически используемых понятий и сравнение их с фактическими психологическими соотношениями выявляет в мышлении остатки наивного реализма, наивного идеализма и ссылку на предполагаемого, но несуществующего гомункулуса. В итоге уточнения достижимо снятие искусственной оппозиции в ментальном, распрямление искаженного и неоправданно умноженного мировоззренческого поля.

Ключевые слова: рефлексия, percipiens, гомункулус, фикция, имперсональность.

WORLD OUTLOOK REFLEXION AS A STEREOTYPE LIE

Abstract. The term "reflection" is quite relevant in the everyday, artistic, literary sense, but its use in the central philosophical disciplines cannot but raise doubts. Clarification of mechanically used concepts and their comparison with actual psychological correlations reveals in thinking the remnants of naive realism, naive idealism and a reference to a supposed but non-existent homunculus. As a result of clarification, it is possible to remove the artificial opposition in the mental, to straighten the distorted and unjustifiably multiplied worldview field.

Keywords: reflection, percipiens, homunculus, fiction, impersonality.

1) Критянин Эпименид сказал:

"Все критяне лжецы";

2) я лгу;

3) лгу;

4) лжётся.

(Метаморфозы уточнений
парадокса Эвбулида из Милета "Лжец".)

1

Термины "рефлекс", "рефлексия" и им родственные многозначны. Иногда эти слова удобны метатеоретически, например, при попытках описания заданности феноменов помимо самих феноменов, но в этом тексте мы не будем строить метафизические или психофизические модели, говорить об элементах досубъективной рефлексивности, логической саморефлексивности и останемся в рамках феноменологии. Таким образом, окажемся ближе к общегуманитарному пониманию рефлексии как осознаваемого акта, предположительно связанного с некоторого рода поворотом (А).

Термин "рефлексия" в значении (А) вполне актуален в бытовом, художественном, литературоведческом смысле, но его употребление в центральных философских дисциплинах не может не вызывать больших сомнений.

2

Мы не будем покушаться на условные дефиниции рефлексии в прикладных областях, в том числе имеющих отношение к философской мысли. Однако вызывает настороженность злоупотребление пометой "рефлексия" в онтологии, эпистемологии и в эстетике чистого искусства. Особенную гипертрофию понятия "рефлексия" надо видеть в феноменологической онтологии Ж.-П. Сартра. Сартр даже вводит представление о дорефлексивном и рефлексивном *cogito*, отрывает феномен от сознания, а само со-

знание рассматривает в социологизированном плане как фантастическую надстройку [см.: 1].

Внедряемое сторонниками трансцендентальной философии трансфеноменальное не в силах носить реальный надфеноменальный характер. Оно годится только на роль несуществующей карты, заведомо отстраненной абстрактной машины. Сознание создает теоретический фантом, а затем пытается с ним отождествиться.

Попытка выселения, катапультирования элементов мышления из реальности в несуществующий абстрактный мир хороша почти в любой науке, поскольку освобождает ее предмет от ненужных оков психологии, но крайне порочна в чистой философии, поскольку в ней такие упрощения, допущения, неявные конвенции неприемлемы.

В потоке субъективного времени реальное ментальное крайне эфемерно, имеют место отдельные схватываемости. При этом полное объединение разновременных сознаний, в частности пакета хронологически соседних ментальностей, в единое сознание чаще всего — не что иное, как иллюзия, крайне неосновательное предположение.

Наивный реализм более или менее известен. Он сопряжен с неучетом или забвением экстерииоризации интериорного в восприятии. Вначале это ведет к ошибочному разрыву ментальных пластов в теории, а в дальнейшем служит базой для извращения представлений о трансцендентном.

Наивный идеализм заключается в других смешениях и разделениях. Мысль не отделяют резкой границей от идеи, в суммарном сознании не видят составных сознаний. Дающееся здесь теперь-так реальное ментальное конгломерируют с фиктивными конструкциями — своего рода рисунками на небытии. В итоге имеем передающийся от философа к философу стереотип, в котором отдельно обретаться мысль и содержание мысли. С одной стороны, не рассматривается распределение между разными ментальными слоями, с другой стороны, появляется будто бы непреодолимая преграда между невербальным и вербальным мышле-

нием и возникает кажимость парения вербального мышления над субъективным временем.

Мыслимое либо есть, либо отсутствует. Наивный идеализм (в том числе диаматовской природы) расценивает несуществующее объединение полностью и последовательно здесь-теперь-так не сочлененных смыслов наличным. Однако реальны лишь ссылки, направленные в нереальное надсубъективное. Рефлексивно обратиться из подобных ссылок к самим этим ссылкам невозможно, поскольку они уже в прошедших моментах.

Индукцируемое идеализмом трансцендентальное нельзя поместить внутрь рамок субъективного, а равным образом в досубъективное, то есть в метафизическую подложку субъективного. Трансцендентальное — одна из псевдосред постсубъекта, заведомый блеф.

Рассмотрению точных рамок реального мешает постоянное спутывание теории с метатеорией. Это видно в зависании проблемы дифференциации бытия (Sein) и сущего (Seiende), в вынесении ее за грань риторики, связанной с бухгалтерией абстракций. Идентичное смешение нетрудно обнаружить и у М. Хайдеггера, и у его комментаторов. О. Ю. Цендровский [2] опирается как на "Бытие и время", так и на более поздние работы немецкого философа (с самопереоценками), но, тем не менее, не пытается отделить одну плоскость анализа от другой.

В искусственной оппозиции находятся не составляющие целого ментального, но ментальное и отбрасываемые в воображаемый постсубъект конструкты, иногда замыкающиеся в те или иные псевдосреды. В постсубъект идет не только изначально фиктивное, но и относительно обозримые элементы недавнего настоящего, имевшего место в ментальном. При этом реальное словно бы перебегает в фиктивное. Отношение между реальным ментальным и фантомными муляжами прошлого ментального в строгом смысле не является рефлексией.

Приписывать сознанию последовательно осуществляемое мышление так же нелепо, что и логарифмической линейке; вся-

кий раз могут быть доступны отдельные смыслы, отдельные воспоминания. Некое складывание недавнего и настоящего осознания в полной мере не происходит, невзирая на интегрирующий феномен общей представимости. Идут операции не с идеальными понятиями, не с числами, а с приблизительными всплесками-смыслами, знаками и алгоритмами. Таково стандартное мышление. В случаях особой важности даются предельно уточненные "каркасные" смыслы, либо ссылочные смыслы на фиктивные феноменально невозможные конструкторы. Разум — несуществующий и раздвинутый до феноменального уничтожения ум. В нем важно не существование, но логическая или иная заданность. Трафаретное отождествление реального человеческого сознания с несуществующей идеальной машиной недопустимо. Конечно, рефлексией не считается текст. В актуальную досягаемость могут попасть отдельные переведенные в здесь-теперь реальность его моменты. Сопоставления этих моментов с витальным идет в специальном представлении, вовлекающем, скажем, воспоминания, а не — в паразитическом замыкании круга.

Запрещают или разрешают пустые множества и элементы в математике, но пустая мысль и мысль мысли (исходность, либо наоборот: экзотический предел) вполне могут быть сами, независимо от чьего-то решения. Более чем нелепо отвергать феноменальный статус мысли и не говорить об ее в некотором роде негеометрической протяженности и даже о распределении в ментальном поле. На первом месте стоят не мысли, закованные в пространственные высказывания, но невербальные смыслы.

Не следует сбиваться на физиологию восприятия, выискивать в ментальном и его окрестностях "воспринимающего" (*percipiens*), "воспринимаемое" (*percipi*) и пресловутую направленность. Обозначаемое термином "интенция" оборачивается только элементарными скачками наибольшей ясности или ментальной концентрированности внутри общего ментального интерфейса. К сожалению, тут выпирает еще один род идеализма, когда абстракцию оматематиченно ставят впереди якобы философски блеклого и ненадежного реального, теряют тем самым нетранс-

лируемые в идеальное соотнесения. Почти всем немецким мыслителям было чрезвычайно неуютно от уходящего из их бухгалтерии нериторичного калейдоскопа нативных феноменов. Тайно вставляемый гомункулус-наблюдатель появляется в абстрактно выхолощенных схемах из-за противопоставления феноменов, кажущие спроецированных "во внешнее", феноменам "соматическим" — чисто психическому соматическому облаку, незрительно воспринимаемому, например, как голова и голосовые связки. Феномены перцепции и апперцепции равноправны, нередко совмещены друг с другом. И апперцепция может рассматриваться в качестве своего рода квазипроизвольной перцепции. Разлитый смысл — внутри них самих, но не парит над ними. И обычный дающийся в виде оторванного всплеска канонический невербальный смысл есть еще одно восприятие среди прочих восприятий. Приравнивание мысли ощущению смысла многим претит уже потому, что мысль определяют исключительно через пропозиции, вербально оформленные предложения, вырывающиеся за грань субъективного локуса времени. Относительно длинное высказывание — вне одного осознания, по факту растягивается по пакету сознаний-восприятий внутри субъективного времени. Возникающий в итоге связующий, интегрирующий конкретную пропозицию и вкрапленный в общее сознание смысловой тон — только один из его элементов.

Стереотипность заключается стандартном уходе от реальности, вместо прокламируемого поворота к субъективному создают фикции постсубъективного.

3

В бытовое мышление подспудными способами внедряется кажимостное оличествование, супериндуцирование "я есмь". Трафареты с искусственными контурами его идут и в оторванное от быта мышление. Однако реален лишь феномен присутствия. Он упирается в сосуществование разнообразных ментальных сред как спаянных друг с другом, так и распределенных в общем поле. Ощущение присутствия при ощущениях (кандидат номер один на феноменологическое "я") — не единственная относи-

тельно постоянная тоника. Прежде всего дается извнутренняя непространственная (негеометрическая) ментальная протяженность-растянутость и ощущение дленности-текучести. "Я" в приведенном значении пассивно, оно не действует, не мыслит и не видит. Его отношения со всем остальным — негеометрическое соседство. В отношениях объединения и пересечения находятся все ментальные элементы; в эмотивно нейтральном сознании ни один из них не претендует на доминирование, а всякое объединение или пересечение — очередная тонкая ментальность.

У персонализации — характер грубого обобщения, не имеющего последовательно просматриваемых реальных ментальных предпосылок.

Именуемое "персоной", "личностью" — один из фантомных конструктов. Этот фантом зачастую устраивают не в небытии, где ему и место, но в виде весьма контурной апперцепции накладывают на те или иные области феноменного соматического облака. Нет ли здесь нацеленности от смыслового импульса к части этого облака? Однако речь идет не о физическом, но о смысловом психическом теле. Заведомо осмыслен сам по себе любой феномен, иначе он был бы неизвестен. Дорефлексивное *cogito* — такое же неправомерное обозначение, как и *cogito* рефлексивное. Не возвратно, а исходно тлеющее самосознание внутри почти всякого составного сознания (а не "центрального" или "главного") — предмет отдельного дискурса. Подобное самосознание чисто феноменно (!), насильственно, неинтеллектуально, принадлежит и тому и этому компоненту ментального поля, даже без учета всего остального поля. Отсюда не вытекает, что мелодии известно о появлении запаха одеколona [3, с. 140]. Их совместное существование предстоит в не имеющих прямой связи с фиктивными суррогатами его разлитых и обычно невербальных ощущениях смысла. Поверхностное самосознание без всяких персон — в любой ментальности, любом самом малом ощущении. Превагирует неотменимая натуральная топология, свойство посюстороннего бытия.

Оконтуривание апперцепцией некоего гомункулуса невозможно, в лучшем случае идет наивный тычок-указание во фраг-

мент соматического облака. Более или менее дифференцированная презентация персонности уже направляется не на субъективную реальность, но на постсубъективный призрак в небытии. Реальные ментальные акты не могут предполагать рефлексии. Именуемое рефлексией, возникает исключительно в словесном портрете воображаемой персоны.

Изначальное *sum* (я есмь) происходит не из феноменологического озарения, но из мнимых инверсий *est* (он есть) и *sunt* (они суть). Первым делом происходит опредмечивание разнообразных мелькающих феноменов (в том числе следовых, отместических и синтетических) в отчужденные прагматические конструкты, сосланные в несуществующую операционную псевдосреду. В эту же псевдосреду фактически презентуется и легендарное *sum*, но вовсе не в феноменологически реальную ментальность. Почти синхронная установка апперцептивного визира на детали соматического облака или ином феномене (сравните с биением в грудь) чудится знаком подтверждения. Ничуть не хуже движение тени на стене.

В деконструкции субъекта (не отождествим с "персоной") нет необходимости, поскольку он не олицетворяет ментальность, но выглядит либо ее неуловимой границей, либо пустым именованьем, заменой местоимения.

В заключение, выходя за рамки вопроса для уточнения мировоззренческих координат, надо заметить, что субъективное содержание представляет собой неполную реальность и в действительном трансцендентном (вещь в себе) царство субъективностей со всеми его родовыми древами схлопывается, оказывается невыделенным.

Библиография

1. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. — М.: Республика, 2000. — 639 с.
2. Цендровский О.Ю. — Понятие бытия (*Seyn*) в философии М. Хайдеггера и её методологические особенности // *Философская*

МЫСЛЬ. – 2016. – № 9. – С. 18 - 36. DOI: 10.7256/2409-8728.2016.9.19068 URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19068

3. Акулов А.С. Буквы философии. Издание третье. — СПб.: "Сборка", 2017. — 660 с.

ПРОБЛЕМА БЛИЗКОГО ДАЛЕКОГО

Проблема близкого далекого многопланова. Прежде всего она связана с метафизикой — тем ее положением, что пространство и время не являются чем-то подлинным и первично существующим. Если подразумевать человека, то, конечно, приходится отвергать его скрытую ответственность и ответственность человеческого рода за порождение пространственно-временной развертки сигналов. Такая развертка гораздо глубиннее, в том числе глубиннее самой возможности фактической персональной индивидуации.

Близкое далекое оказывается принадлежностью особой топологии. Предполагаю, оно имеет прямое отношение к порождаемому вместе с бытием логическому барьеру и следующему за ним барьеру четочности. До бытия какая-либо логика отсутствует. Бытие в качестве абсолюта, будучи логичным, остается иррациональным и подлинным. Барьер четочности — это начало неподлинности и рациональности. Всё то, что именуют структурой, уже заведомо является некоей творочной массой неподлинности, невечности.

Между барьерами есть сходство. Для добытия, недобытия отдетектированное бытие не совсем подлинно и таковым не может быть по определению. Бытие — в лучшем случае только самозамкнутый отблеск, ответ внелогичного внезаконного недобытия, одно из его проявлений. Дефект бытия — несаморожденность.

У рационального, структурного дефектов куда больше. Оно всё — дефект. Однако возникновение второго барьера одной статистикой не объяснишь.

Можно было бы задаваться вопросами об эманациях, дроблениях, о пробегании единого бытия себя в себе. А зачем? У нас бурлит внезаконное внелогичное доиррациональное недобытие. Не оно существует в законах, но эти самые законы им порожда-

ются, пусть даже задним числом в прямом и переносном смысле. Абсолюты отваливаются один за другим. Вовсе не факт, что они будут взаимодействовать друг с другом, но это уже намек на четки. Не забываем: здесь неизмеримое, здесь нет времени, нет памяти, здесь нет здесь.

В любом случае в генезисе нашего существования имеет место катастрофа под названием "четочность", "мультипликация", приводящая к множественности, вычлененности, несамостоятельности, структуре — к времени и пространству. Изначально единое оказывается разделенным. Попробуйте-ка слетать в другую галактику, например, в то ее место, какое больше всего перекликается с тем, что есть у нас, либо в каком-то смысле близко лично вам.

* *

Проблема близкого далекого может иметь и другие аспекты, в частности связанные с совпадениями в удаленных друг от друга частично синхронизированных системах, с парадоксами квантовой механики, с психологией, парапсихологией et cetera. Подобное я прямым образом не рассматриваю.

ГРАНИЦЫ ФЕНОМЕНОВ

Так называемых "чистых феноменов" не существует. Всякий феномен может быть только живым и конкретно психичным. Феноменология не подлежит стандартному математизированию. Феномен именно психичен, не "материален" и не идеален.

Бытие феномена в прямом смысле — вне онтологии и в значительной степени иллюзорно, однако феномен реален в своей конкретной данности и связности.

Граница феномена парадоксальна, поскольку за ней по факту ничего нет, идеальное — фиктивно. Отсутствующее по факту как бы присутствует по дикарскому убеждению. Странное уважение к заведомому небытию! Не менее нелепы и попытки мысленно продолжить феномен.

Некоторый интерес может представлять граница между реальной мыслью и идеей, между умом и разумом. Мысль присутствует здесь-теперь, идея сияет небытием, фиктивностью. Она отправлена с нескольких мыслей-смыслов в условное никуда и никогда — в так называемое идеальное. А разум — уже чистейшая небылица и представляет собой как бы продолженный и усовершенствованный ум, которого нигде нет и быть не может.

Есть еще одно странное нереальное, то есть идеальное, явление, а именно — понятие. Понятий нет, не существует, но между тем человек ведет себя так, как будто они есть. Человек словно бы и не может жить без подобного школярского фетишизма. А ведь именно на подобных интеллектуальных пакостях строят науку, философию и религию!

Спрашивается:

— Для чего нам нужны психологи? Почему они не исправляют идущую из доантичности чертовщину? Это же их прямая обязанность!

Ответ:

— Они ходят вокруг и около. Психика их выталкивает из себя вон и не подпускает к себе. Идите, господа, на поклон к йогам, но и им особенно не верьте, обязательно обманут.

Вот еще одна граница: между феноменами и их фиктивным продолжением и умственным дополнением... Все эти обыденные миры, научные картины мира (в физике, биологии, астрономии...) — смесь разного рода идеальностей и воспоминаний, еще одна чертовщина, пусть и полезная.

А главный дьявол — псевдофилософская абстракция, называемая материей. Космос естественных наук не имеет прямого отношения к Космосу философскому, материя по факту — только одна из идей, но вовсе не субстанция.

До всех этих границ можно каким-то образом, хотя бы частично мысленно дотронуться. Но есть граница действительная и почти неуловимая: между субъективным и объективным, между феноменами и тем, на основе чего они могут иллюзорно существовать. Эта граница между одним реальным и другим реальным. Первая проблема: объективно реальное беспредметно и бесструктурно. Вторая — между "нашим" субъективным и объективным есть ускользающие посредники. Предки человеческого восприятия, человеческого сознания не совсем умерли.

Еще раз: главная граница феноменов — между разверткой и неразвернутым. А источное неразвернутое — не во времени и не в пространстве.

И все-таки получить представление об этой границе мы можем, обратив внимание на разницу между феноменами. Эмоции и мысли по своему качеству и своей фактуре (но не "содержанию")

первичнее наших восприятий-ощущений и наших восприятий-представлений. Они еще не совсем развернуты и не всегда наполнены. Чтобы зря не ломать голову, не нужно лезть в абстракции, собственно фактура мыслей и эмоций чисто ощущенческая. Далее уже потребуются мысли мыслей и чувства чувств на том уровне, где "форма" и "содержание" нераздельны.

ГИПЕРСОФИЯ

Какие мысли вызывают раскрашенные фотографии с телескопа Хаббл? Весьма разные. Со временем эти мысли могут меняться. Неполнота картинок, недостача в них чего-то крайне важного — это одно. Другое — сопоставления. Мы видим массу объектов, ясно свидетельствующих о безудержном размножении. Звёзды, галактики? А не хотите тучу кровососущих moskitov? Стадо моржей, заполонившее береговую линию? Тучу летучих мышей, зачернившую небо? Нашествие крыс или червей? А зачем забывать молекулы, атомы и частицы? Ох, нечистое здесь дело! А полностью сокрытого куда больше, чем нынешнего и будущего открытого. Об односторонности науки и упрямой завиральности философии можно не упоминать.

Было бы слишком антропоморфно видеть в указанных фотографиях космические потуги с поиском чего-то желательного. Скорее, здесь распад, а точнее — свидетельство о застарелой катастрофе и неверное ее отображение.

Доказать, что субъективное сознание — не единственное, что существует, не так сложно. Труднее обосновать наличие других почти таких же сознаний. На словосочетании "почти таких же" стоило бы споткнуться и представить себе совсем не такие сознания, принципиально иные субъективности. Людям, видите ли, не отказывают в наличии у них субъектности. А по какой причине отказывают молекулам и частицам?

Мысль о завернутых субъективностях слишком односложна. Строить модели возникновения сознания, наподобие человеческого, с помощью неких научных картин нельзя. Наука не является потусторонней и с потусторонним не работает. Она надстороння, парит над обыденностью и обыденным сознанием, строит свои птолемеевские эпициклы. Нырять за/сквозь ментальную плоскость, то есть в противоположную сторону, она неспособна.

Предполагаемое древо субъективностей в чем-то может совпадать, а во многом не должно совпадать с деревом биологическим. Оно и не обязательно связано с этим деревом. Однако есть более жесткий вопрос: "Каким образом можно быть структурой, чтобы ею вовсе не быть?" Относительно одной субъективности прочие субъективности схлопнуты, но это лишь намек на решение.

Практически вся философия несет в себе тяжкое бремя схоластики, нуждается в чистке своего аппарата и терминологии. В обновленной дисциплине — гиперсофии не должно быть таких терминов, как "предмет", "вещь", "частное", "общее", "единичное", "сущее". Даются три слоя: (до)засубъективное, субъективное и надсубъективное.

Философия заведомо бесплодна и является умственным пустоцветом, но она востребована постольку, поскольку человек всегда задумывается над общими вопросами и будет задумываться далее, а важно, чтобы, задумываясь, он не впадал в наивность и досадные ошибки. Потому необходима совершенно чистая философия, свободная от маскировки собственной непродуктивности, а также всевозможной избыточности.

Из всей философии большинству было бы достаточно десяти кратких тезисов. А усомнившийся в каком-либо тезисе может заглянуть в корпус обоснований.

Умственная бесплодность не свидетельствует о бесплодности вообще. Так стык философии с искусством весьма интересен для художника уже в силу природы искусства. К сожалению, стык философии с наукой (прежде всего с физикой) может оказаться важным только в редкие переломные для науки эпохи.

СМУТНЫЙ РОД

Род не есть проваленность вас в ваших человеческих предков, в биологическую родословную или гораздо дальше, но прочерчивание запредельное и полное. А в собственно родословной нет метафизики: так контур. Смыкание картинки с метафизикой оборачивается бездной, лишенной привычной расправленности по временам, пространствам и структурам. Хорошо ли быть выносными эпифеноменальными проявлениями неизвестно чего?

Реально свернутое всебытие без недобытия, в грязном обыденном смысле, весьма слабо и недостаточно: якобы мысленно неохватываемый, ни во что ни ввергнутый суперимпульс и только. Бездность бездне создает именно безосновное недобытие. В отличие от бытия, ему не требуется порождение, оно кипит-некипит само по себе. И попробуйте-ка ему присвоить какие-то атрибуты. Начало Рода здесь, а не в природе. Она есть искаженная перспективами условно продолженная видимость, приставленная к эпифеноменам. Поясняю: под "эпифеноменами" надо подразумевать схлопнувшиеся или ушедшие под горизонт обозрения феномены. Итак, природа идет от Рода, но не наоборот. Однако Род не есть абсолют, ибо абсолют безотносителен к кому или чему-либо. Именно поэтому наше плохое и неважное (или же замечательное) человечество стремится видеть боженьку именно в Роде, а не в абсолютe. Причастность здесь есть (разность религий у разных народов отсюда же), но Род не может быть индивидом-персоной-личностью по определению. Дальше уже — низовое окукливание, традиционные поиски "идола", "кумира", страсть к наглядности и овеществлению.

С другой стороны, народы не желают расставаться с пуповиной. Дело понятное. Вот он Род, а вот он абсолют. В Роде есть намек на расправленность заведомо нерасправляемого, некий поклон конкретному субъекту. Очень сомнителен этот поклон! И люди-люди начинают поклоняться сами. А чего вы хотите?

Добавление. Абсолют — бытие в узком смысле. Род — один из форматов части бытия в широком смысле (БШС), то есть условно вскрытого абсолюта. Даже в приблизительной трактовке Род не будет соответствовать обычному изображению мирового древа (древа жизни), нескольким разнонаправленным древам, биконусам (веретенам) и др. У Рода не только "выходящие" из абсолюта корни, но и никуда не исчезнувший, "тянущийся" из недобытия-праабсолюта ...хвост. Теоретически картину можно перевернуть и объявить абсолют неким актуальным завершением Рода, а недобытие-праабсолют началом Рода. Однако в добытии и полном бытии нет ярлыков, а всё субъективное схлопнуто.

И конечно, Род нельзя путать с псевдосредними образованиями, которые именуют "социальными структурами".

ИНДИФФЕРЕНТНОСТЬ ВОЛИ

Предупреждение: это статья, а не трактат. Потому расстановку всех точек над *i*, демонстрацию всего веера пояснений и обоснований здесь не произвожу.

Собственно объективное волевое добытийно, внелогично, иррационально. "Субъективная воля" ничего не желает. Приписывание значений, истолкование в плане ситуации — дело ума, а не воли, либо дело стереотипа. Здесь всё более или менее ясно. Мотивы создает сознание. Сплошь и рядом слово "мотив" подменяют словом "воля". Чистая воля внемысленна. Более приемлемы словосочетания "инстинкт доминирования", затем "страсть к доминированию", чем девиз "воля к власти" (стандартная трактовка *Wille zur Macht*). И "предрассудок", и мысль, и эмоция не есть воля. Отсюда можно сделать вывод, что "субъективная воля" вовсе не субъективна. Она дефицитный остаток чего-то пра-пра, то есть самой себя...

А перед субъективным? Чем меньше мы будем говорить о вещи в себе, а тем более — о предвещи в себе, тем меньше ошибок совершим. Однако наибольшее табу у потусторонних приводных механизмов субъективного сознания-восприятия. Их достаточно много, они наиболее близки субъективному, но, как и у субъективного сознания, у них статус неполной реальности, несамостоятельности. Эта их бытийная дефективность затрудняет подход к ним. Куда смотрят йоги? Похоже, уже никуда, обленились и заимствуют постментальные фикции у естественных наук, а это диаметрально противоположное направление. Зато вещь в себе может быть только в единственном экземпляре. До нее и после нее кишит виртуальное.

Субъективное сознание — развертка, карта. Науки о "природе" — попытка еще большей развертки. А нам требуется исходно

свернутое и далее — досубстанциональное. В субъективном практически нет абсолюта, субстанции, но недосубстанция, недобытие вполне просвечивает. В неполноценном бытии есть прыжок через бытие полноценное (минуя его) к недобытию. Можно заявить иначе: в субъективном есть некоторый намек на крупницу недобытия. Только вот проблема: вселенная из этой крупницы не рождается, из него не детектируется. Игра в развертки съедает всё. В этом смысле бактерия гораздо ближе к первоначалам, чем человек.

Недобытию (воле) ничего не надо, бытие — внутренне замкнутая пралогическая ржавчина на недобытии. Бытие существует исключительно благодаря недобытию, только им и поддерживается, но для недобытия бытие таково же, как если бы его не было. Истинный творец — беспрецедентные, застилающие сами себя степени свободы недобытия. Бытие и постбытие (субъект) по сравнению с этим — затхлые чуланы.

Итак, каков баланс? Безличный субъект, безличный абсолют, супербезличная, ничего не желающая воля. Потуги Ницше сходны с попыткой Мюнхгаузена поднять самого себя за волосы. Воображать не запрещено. Но вот подарок: суггестия в какой-то степени действенна! Только она в сумме с филистерской умеренностью и аккуратностью может победить валькирий, бесов, именуемых эмоциями.

ИСКУССТВЕННЫЙ ДВИЛЕКТ

Все чаще заходит речь о прямом взаимодействии "мозга" и "компьютера". Однако приходится задаваться вопросом: "А что там на самом деле взаимодействует или в перспективе будет взаимодействовать? Назревает проблема отказа от сциентистских догм. Никто не знает и никогда не узнает, что именно находится в виртуальной голове у самообучающегося компьютера. Посему надо вспомнить о метафизике, но желательно не завиральной, как у философов.

Для начала нужна хотя бы терминология. Нет оснований приписывать компьютеру, (до)сочиняющему свою программу, ментальность и феномены, но у него таки что-то есть. Пусть это будет двентальность и двеномены. Можно и далее городить в таком же духе и толку от этого не будет. Ставил ли кто себе задачу определения того, с какой стороны феноменов находится мозг и что он такое? Люди держали мозги в руках и даже ели мозги. Что при этом они видели, что им было дано? Всего только феномены. Что в действительности подразумевается под словом "мозг"? Построенная на основании феноменов воображаемая модель. А поскольку представить ее за один присест в полностью проработанном виде невозможно, то она — условно полагаемый в некоем небытии объект. Имеем последовательность: мозг-феномен, воображаемый мозг-модель, условно полагаемый и дополненный в нигде мозг-модель. Человеку свойственно проецировать свои выдумки туда и сюда. Пришла пора признаться: эти проецирования наивны. Наивно и мнение о развертке по времени и пространству как обязательной. А мы знаем: дисплеи, клавиатуры, мыши, принтеры и подобное нужны устройствам лишь для связи с человеком. Устройство само по себе гораздо ближе первичным принципам мира, чем человек. Обо всех ли искусственных нейронных сетях можно такое говорить? Может ли вычислительный меха-

низм из зубчатых колес, трансформированный в машину, фактически работающую на электронах или ионах, и на порядки усложненный иметь внутри себя нечто, подобное феноменам? Изначально не запланированное человеком? Нужно ли такое, скажем, самообучающемуся роботу-снайперу? Мы приходим к представлению о возможности некоторой машинной дельты, недоступной пониманию человеком. А она может быть в зародыше принципиально иной, чем комплекс человеческих феноменов.

Говорят: "Машина, играющая в го, обыгрывает человека, но она неразумна". А разумен ли человек? У человека в наличии ум, а не разум. Разум — это некий идеальный запредельный и потенцированный ум. Его нет в реальности. В этом смысле самообучающийся шахматный компьютер в паре аспектов гораздо разумнее человека. Разум — неатрибутивное вспомогательное понятие, несуществующая умственная подпорка. Кстати, употребляя слово "человек", мы поступаем не совсем верно. На самом деле в похожих дискурсах чаще подразумевается вовсе не человек, а человеческий ум. Термин "человек" слишком многозначен и неточен. По какую сторону ума находится мозг? Совсем не по ту, по которую принято считать.

В микро-, макро- и мегамире человеческий ум выделяет объекты-образы так или иначе (явно или отдаленно) сходные с обыденным образом человека. Прочее именуется "средой", либо вообще не замечается, не регистрируется. Однако никаких выделенностей, уровней, пространств и времен не должно быть — всё это подмены неизвестных объективных параметров. Мир не может быть сразу сверхмикро и свермега, у него нет набора ракурсов, эталонов сравнения и точек отсчета.

Мы можем из подручных материалов изготовить тележку с двумя колесами. Даже деревянную, с деревянными втулками, пазами и деревянными гвоздями. Однако полностью природу этой тележки и ее материалов мы знать не обязаны и не знаем. Здесь есть сходство с ребенком, собравшим пирамидку из камешков. Отчего мы вообразили, что достаточно знаем природу искусственных нейронных сетей?

Другая сторона медали. Человеческая ментальность — нечто вроде внутреннего дисплея, место для сличений. Обычный дисплей — пародия на него, но самодействующему искусственному устройству дисплей не нужен. Электронные устройства сличают, но не глупо ли приписывать замку способность сличения ключей? Сличает не замок, а механически прописанная в нем прога. Тем не менее механические аналогии не совсем подходят для самопрограммирующихся устройств. Итак, возвращаемся к представлению о двентальности и ее базе. Мозг — совокупность надсознательных моделей и отображений, создающихся изнутри сознания, и базой (подложкой) сознания не является, иначе имеем абсурд и логический круг. Таким же образом электроника и механика никак не могут быть источником предполагаемой двентальности. И за ментальностью, и за двентальностью в конечном итоге стоит вещь в себе (абсолют). Но абсолют в своем предельном качестве никак не может вдруг и сразу переходить в структуру с ее хрональными характеристиками. Между абсолютотом и конкретной субъективностью должны быть некие протосубъективные, либо иносубъективные буферы.

К электронным или ионным устройствам никоим образом не привязано нечто похожее на биологическую эволюцию, они не сами собой возникали. Следовательно, этажерка, именуемая буферами, у них куда короче и проще. Вот что должно вдохновлять в первую очередь! Причем во всех отношениях!

ЧЕЛОВЕК КАК РАСХОДНЫЙ МАТЕРИАЛ

Человек — расходный материал. В связи с этим неплохо бы расставить акценты, в отношении чего он такой. Всевозможные внутренние импульсы, потенциалы-тоны возникают, исчезают. Есть относительно постоянные тоны, нейтральные восприятия. Из всего этого вроде бы ничего не следует. Ходячей мебели, по имени человек, можно искать различные искусственные оправдания. Это хорошо, это отлично, кто-то здесь найдет смысл жизни, но где же оправдания естественные?

Наличие принуждения к рабству мало что меняет в теоретическом споре. Что единичная мебель/плесень, что мебель/плесень, покрывающая планету.

Для расстановки акцентов можно использовать старый термин "уровни": де на одном уровне — одно, на другом — другое, на третьем — третье, но это не совсем то. Больше бы подошло слово "зоны". То, что социологи помещают на высший уровень, в определенных отношениях может быть низшим, условиями, а не конечной целью. Высшее для социума может оказаться низшим для человека и наоборот. Для человека общество — только подмена природы. Видите, как уважительно! А для общества отдельный человек в действительности... Должно следовать не совсем цензурное слово. Невзирая ни на "спасти рядового Райана", ни на всякие благолепные идеологические утверждения. Разумеется, именно для конкретного (а не абстрактного) общества человек является расходным материалом, в лучшем (отдельном) случае малоценным инвентарем. Однако этого заявления недостаточно. И человек, и общество — расходные материалы для чего-то третьего.

Человек пожирается не только обществом, но и собственными эмоциями. Грубо говоря, по планете Земля разгуливают всплески всевозможных чувств, которым наплевать на существа, в которых они находятся. Биологические оболочки для них — ничто. Всплески чувств — истинные обитатели планеты. Безумные валькирии вне мозгов и организмов. Организмы умирают, валькирии остаются.

ДОБРЁ И ЗЛЁ

"Добро" и "зло" — вещи страшные, ужасные. Особенно когда им придают субстанциональность. Конечно, за отсутствием иных понятий нужно с чего-то начинать обучение. Возможно. Подходят слова "хорошо", "плохо", "бьяка" и т. п. Но лет с двенадцати или даже с десяти нужно прекращать сказки и побасенки. Мастеров как следует пронять, дабы был желаемый результат, у нас много.

Некоторые представления эстетики (в отличие от этики) как-то лучше идут в абсолюте. Здесь воззрения высокоразвитых волосатых и вонючих инопланетных червей можно транслировать: пусть не по стартовым, а по финальным феноменам. Однако это теория. На практике понадобятся противогазы и строжайшие правила этикета.

Получаем сентенцию: "Практика — не критерий истины, но критерий поведения". Однако так можно далеко зайти! Чисто абстрактные догмы вроде бы необходимы, нужны образцы, жития, примеры, эталоны. Всё это есть, но отчего-то не работает. Действительная общественная машина — совсем иная, она посылает всех к черту, мир выглядит очковтирательством и надувательством. Поражает вовсе не это, а огромное число чудачков, выискивающих глубинные корни положения вещей, стремящихся вписать всё в диалектику. А по строгому счету всё безлично.

Возьмем первичную вольную стихию. Она жила сама по себе и в ус не дула. А здесь на нее накинута путы, начали на ней возить воду, заставили вращать жернова. Конечно, она этого не хочет, рвет сбрую и освобождается. За такое-то гадкое поведение ее обозвали мировым злом. Однако для нее самой злом является созданный на ее горбу мир, она вроде бы желает его уничтожить. Можно и далее подобное выискивать, но лучше обойтись без диалектики.

Грубо говоря, законы логики прямым образом вытекают из кривой Гаусса, бытие — продукт детектирования. Однако внелогичному предбытию нет никакого дела до подобных продуктов и

того кошмара, который с ними происходит. Оно должно ускользнуть и неизбежно ускользает, что бы там над ним не делали, ибо внелогично.

Если и рассказывать сказки о некоем вершинном (низинном) плохом и хорошем, то — без олицетворений и персонификаций.

КВАЗИКОНЦЕПЦИИ

Научное знание неполноценно. Знание метафизическое спорно и, сверх того, не имеет никакого практического значения. Связующим звеном в отношении всего являются спонтанно возникающие вещи под названием квазиконцепции. Они вовсе не лжеконцепции, их значение только локальное, они на многое и не претендуют. В этом смысле они временны, легко отбрасываемы, их легко заменить на другие же подобные в случае изменившихся обстоятельств.

В течение жизни идет возвращение некоторой массы квазиконцепций. Они и берутся оттого, что никто не помогает в отношении тех или иных дел и не способен помочь. Кто бы чему ни учился, как бы ни пользовался чужим умом или услугами, все равно сплошь и рядом каждый карабкается с помощью своих скромных сил. У кого как получается. На практике так.

А если пойти в глубокую теорию? Здесь уже нужна база. Кому — расширенный здравый смысл (увы), кому логика, математика. Кому еще что. Интуиция и внутренняя музыка? Во-первых, не всем дано; во-вторых, обязательно обманут.

ИЛЛЮЗИИ

Мы живем в мире действующих иллюзий. Большинство из них не порождены самим субъектом, а многие — человечеством и биологической жизнью как таковой. Их общее начало — в невещественном. Бытие в узком смысле (абсолют) есть не что иное, как нерациональная логическая иллюзия. Это первая ступень. До нее — безосновность и беспричинность. После нее — разброд на структуры, исчезновение подлинного иррационального и расчерченная неполноценность, которую именуют рациональностью.

Иллюзорен всякий смысл жизни. Осмысливание начинается уже с выделения, детектирования, диагностирования чего-либо. Темно-невнятное как-то неожиданно оказывается отчетливым и непреложным. Проявляется-появляется карта смыслов, и выбирать приходится уже из нее, один капкан распадается на тысячи капканов. Субъект словно бы играет в начало мира, но на формально худшем уровне. На беспочвенном возникает иллюзорная почва и оказывается неотменимой.

Положение таково, что внутри чувствований и знаний находятся страшные дефекты, которые самими чувствованиями и знаниями не улавливаются. Чуть-чуть вырваться из этой пропасти можно лишь признав искусство, философию, науку и религию ахинеей. Но тогда возникает вопрос: "Что дальше?" Либо вопрос: "А можем ли мы улучшить искусство, философию и науку?" Проще всего с искусством: улучшенное искусство лежит где-то в сторону абстрактности, изошренного отрыва от подражаний видимости. Философия? Неизбежен методический полный отрыв от тяжелого груза истории философии. Под видом философии нам преподносят только цепь исторически данных заблуждений. Ошибочно уже стартовое представление о человеческом восприятии, феноменах, смыслах, идеях. Как ни смешно, но хуже всего с наукой. Срочно потребна некая чужая наука. Пусть тау-

китянская или псевдоисторическая лемурианская. Не менее плохо с технологией. Человечество слепо заточилось в одном направлении, не воспринимает ничего смежного, но скрытого.

А если построить диаграммы роста? Окажется всё наоборот. Наибольшие достижения как раз в науке и технологии, искусство преет в каком-то зачаточном состоянии, никак не может оторваться от земли и стартовать куда следует, а некоторыми направлениями заменить собой религию. Хуже всего с философией. Таковой практически нет. Если сравнивать ее с языком, то можно твердо заявить: она еще не выработала собственный алфавит. Более того, она еще не умеет говорить. То, что нам выдают за откровения и учения — на самом деле младенческое гуканье. Четыре тысячи лет! Боюсь, в отношении ее и тау-китяне нам не помогут.

НЕДОСТАТОЧНОСТЬ В ОСНОВАНИЯХ НАУКИ

Здесь мы подразумеваем нечто более фундаментальное, чем, скажем обычные проблемы в основаниях геометрии, теории множеств или физики. И совсем нетрадиционно приходится подходить к описательным или естественным наукам. Разумеется, не идет речь о стартовых конвенциях, это было бы смехотворно. Прежде всего подлежит переоценке то, что именуется прагматическим миром. Каков этот мир? Его нет, он остается совокупностью смутных предполагаемых проекций. Реально-объективный мир не есть восприятие, он не должен быть специально и удобно развернутым подобно ему. Скелет мифа о прагматическом мире возникает как ответ на усилия и действия, кажущиеся проводимыми изнутри субъекта, а также на прочие пассивно наблюдаемые в восприятии. Этот скелет в той или иной степени в тех или иных категориях представлений понарошечно дополняется качествами восприятия, не связанными с действиями. При этом чем дальше представления от обыденных потребностей, тем менее оказывается сходным получаемый результат с реальными здесь-теперь-так данными.

Наука остается местами чуть подправленной обыденностью, иногда прямолинейно наивной, причем в некоторые ее сферы и направления поправки либо вообще не вносятся, либо остаются незначительными. Проще всего обстоит с локковскими вторичными качествами. По крайней мере, физики и физиологи вынуждены их иметь в виду. Хуже то, что обычно не делают никаких заявлений о возможностях применимости науки. Фундаментальные, непреодолимые ограничения, нужно отличать от преходящих. Вовсе не философы должны бы заниматься их усмотрением.

Утверждение, что одним из оснований науки являются эксперименты, оказывается нелепостью, если не определена среда про-

ведения опытов. Однако точным образом ее и невозможно установить, она смешана и в значительной степени условна. Здесь эклектически объединяются реальное восприятие, якобы продолженное вовне восприятие, воображение и чисто интеллектуальные фантомы. В любом случае эксперимент охватывает не столько мир, сколько способы его обращения субъекту, возникающие из многоступенчатой вписанности субъективного в объективное.

Нельзя говорить о лимбе или капсуле вокруг субъекта, образованных обычно психологическим, биологическим и добиологическим, поскольку при разговоре, касающемся оснований, названное еще не определено, пусть даже сами эти оболочки изнутри субъективного хотя бы косвенно прослеживаются. Расплывчатость можно убрать одним способом: утверждением, что лимб вокруг субъекта, пусть даже прослеживаемый только со стороны субъекта, вне зависимости от его природы наличен. Но может ли субъект действительно быть обращенным в этот лимб, если по факту он обращен внутрь себя, в частности своего восприятия? Фактически идет речь лишь об истолковании этого лимба. При этом мнимо может казаться, что субъект истолковывает некий "внешний", по-настоящему объективный, мир. Как уже говорилось, изначально последний никак не может быть намеренно подпотрошенным и вывернутым так, как это удобно субъекту. Навязывание пространства-времени-структуры происходит автоматически.

ПАМЯТЬ

Видеть какие-либо удовлетворительные модели памяти не приходилось, а тем более не связанные с паразитированием на механике, электронике, биохимии.

Какие её модели можно предложить еще?

1. Воспоминание как частичный портал-червоточину.
2. Память как волепильный волчок-коммутатор в предсубъективном.

Однако в подобном не увидеть новизны. Очень наивно считать подобно физикам, что именно человек является наблюдателем чего-либо. Ему дается только срез некоторого букета из дочеловеческих наблюдений и поддерживаний – некоторая часть из мешанины новосозданного и стародетектированного. Всякое сознание сознает только себя, но оно сплетено из неполных сознаний предданносознательного, из частичности чуждых сознаний-детектированных. Здесь отсутствие свободы воли в стихийной суммации более элементарных волей. Напоминаю, что воля и память ведут себя как взаимосвязанные величины. При этом воли и воля чаще всего не есть воля человеческого субъекта.

Кажущееся перерождение Ungrund (как такового, а не по Бёме) — в ложном детектировании. Обычно ложь, обман требуют воли, но первичный волюнтаризм не что иное, как атрибут беспричинного и безосновного. В этом первичном добытийном пункте модальность бытия не имеет особого значения. Последующее абсолютное бытие ничем не лучше человеческого парабытия. Иллюзия наблюдения за чем-то посторонним может возникнуть только в многосоставном и овременном парабытии. В связи с этим возникает вопрос о бесструктурной памяти и памяти бесструктурного, вневременного. Такая память не должна быть памятью на некое статистическое скачкообразное порождение. Жуткая граница внелогическое – логическое сюда не относится. Таким же образом лишен смысла вопрос о степенях свободы до-

бытийного. Сознание как воспоминание о настоящем, конечно, приложимо к человеческому субъекту, но с массой оговорок. Другой вопрос сознание-воспоминание единого качества. О неких кодах или шифрах здесь не может быть речи, как и о спихивании одного на другое. В глубинах неизбежен отказ от зрительно-пространственных разворачиваний. Нет большего обмана, чем картинки. Модели человеческого восприятия не должны экстраполироваться на некую объективную реальность. Образцово-показательными чувствованиями могут быть только лишенные заведомо искусственных разверток: ощущение аромата, иногда вкуса, "надзвуковое" ощущение и некоторые другие. Надзвуковым ощущением названо определенное (часто эстетическое) константное ощущение сопутствующее законченному или длящемуся звуковому периоду, например музыкальной фразе.

Память, в отличие от воспоминания, не является ни субъективной, ни объективной реальностью. Пусть не память, но в любом случае неплохо обозначить какую-то связь между воспоминаниями, в том числе между настоящим и каким-то воспоминанием. Полностью уберите структуру с ее скрытыми алогичными эпициклами. Что тогда остается? Для человека воспоминание не отличается от представления. Но уже цвет могут представить не все. Запах представляют далеко не все, и представление запаха фактически является его самовнушением или внушением. Вспоминая что-то далекое от близких ассоциаций, человек напрягается. В этом напряжении нельзя не видеть и доли самовнушения, доли медитации. Способность к запоминанию и воспоминанию некоторые ароматы могут повысить (при отсутствии привычки) на 30 %. Связь памяти с центрами обоняния много раз отмечали нейрофизиологи. Впрочем, наша задача — наоборот, уход от структур и приход туда, где они не нужны. В их иллюзорности сомневаться не приходится. Они своего рода вспомогательная субъективная карта.

Вот и тайна связи, а, следовательно, также пресловутой памяти. В том, что неразвернуто, связь между чем-то и чем-то не нужна. Связность там иная. Для неразвернутого, бесструктурного пространство и время не требуются. Когда мы говорим не о лю-

дях-феноменах, но о самых обычных, приходится думать именно об их байпасах, частично преодолевающих инерцию структурных нагромождений. Какое-то безотчетное обращение к первичному беспредметному миру должно быть и здесь.

БАРДО И ПРОЧЕЕ

Кто с середины горбачевской эры, а кто-то гораздо раньше начал усиленно впитывать в себя всякого рода восточную мудрость. Помнится, я вырезал из журнала "Наука и религия" публикации Тибетской книги мёртвых, соединил и отдал переплетчику. Что можно было почерпнуть из этой вещицы? О сын благородной семьи, не бойся лимонного света³³ и делай (выражаясь по-современному) в его сторону свой таксис, чтобы больше никогда не родиться на этой планете. Затем книгу несколько раз запускали в печать (издательство Чернышева /с эмблемой в виде черепашки/, "Азбука" и др.). Недавно я вновь открыл такой томик "Бардо Тхёдол". И наткнулся на абзацы, в которых говорилось о различных будто бы потусторонних существах. Вот существо, сидящее на троне, украшенном изображениями львов, вот существо с собачьей головой, а вот — с лошадиной... Бред? Неужели так заземлена наша фантазия, чтобы подобное навоображать после смерти? А существо свиноматка? Мы уже слышали об этой свинье. Вроде бы руку приложил в числе прочих Карл Густав Юнг. Скучно, скучно, господа! А что говорят современные приверженцы индийских сект? "После смерти я рожусь вновь и буду жить в доме, сделанном из золота и драгоценных камней". Это куда круче индийских фильмов!

Каково истинное назначение "Бардо Тхёдол"? Разумеется, экономическое. Это руководство ламам по выманиванию избыточных средств у "высокородных" состоятельных клиентов. Изредка в книге встречаются сугубо практические обыденные рекомендации, а некоторые намеки на действительную метафизику

³³ Последующие переводы на русский, похоже, не сверяли с десятитомным тибетско-русско-английским словарем Ю. Н. Рериха, да и с местными ламами не консультировались. В переводе Ольги Тумановой говорится о желто-синем цвете мира людей (третий день после смерти). Существует ли такой свет? Кто его встречал? Как не запутаться? Обычно желательным в "Книге Великого Освобождения" считается резкий и отгалкивающий свет, а нежелательным мягкий, приятный. Особо плох свет с дымком.

— только тогда, когда авторы оставляют в стороне пережитки антропоморфизма и слепки с посюсторонних восприятий.

Дающиеся в "посмертных" мытарствах конкретные образы (бывают не всегда) слишком индивидуальны, чтобы четко вписываться в рамки юнговских архетипов. Они необязательная развертка чувственных тоничностей. Многие из таких тоничностей принадлежат не индивиду, а стадному началу в нём. Жуткий злодей и убийца вполне может прослезиться, рассматривая на экране бесхитрое мыльное действие, испытать жалость и как-то выразить сочувствие, хотя в своей действительной практике он только ухмыльнется.

Косвенно книга как бы отвечает на вопрос:

— Почему прогресс на Земле так куц и односторонен, а пещерная дикость всегда остается?

— Оттого что чрезмерно умные и просветленные считают новое рождение позором и сами себя отбраковывают.

В связи с этим можно почти уяснить: "Следует ли искать сверхцивилизации за пределами Солнечной системы?" Если они и есть, то вряд ли имеют биологию, а возможно, — и какое-либо отношение к тем прагматическим условностям, которые именуют атомами и молекулами. Не исключено отсутствие для них и других корпускул.

Есть еще один вопрос: "Почему бы не проанализировать «Бардо Тхёдол» от первой до последней строчки, пусть даже схематично?" Хотя эта книга служебная, обращена она к массе, основана на смешении высшего буддизма³⁴ с шаманизмом и примитивной магией, что связано с необходимостью профанизации, популяризации, подкупа толпы. Это подобно хитрому дополнению-оукливанью эдемичного ветхого завета, с целью превращения

³⁴ Истинного буддиста нисколько не оскорбят высказывания: любой будда — это иллюзия или Будды (Шакьямуни, Гаутамы) никогда не было. В пользу "исторического" существования прототипа Будды-Шакьямуни говорит утверждение о его немогуществе и отсутствии ясновиденья (случайная смерть от пищевого отравления). В дальнейшем многое покрывает миф на мифе.

его пророчеств во всем известную мировую идеологическую бомбу. Через века взрыв ударил и по потомкам создавших ее.

В "Книге мертвых" много вызывающего возмущение, подобного наивной психотерапии и мантрам, направленным на удовлетворение прозаических потребностей. Рыться во всех этих простынях и партикулярных иллюзиях, откровенно говоря, дело греховное.

О НЕПРАВИЛЬНОМ ТЕРМИНЕ "ОСОЗНАВАЕМЫЕ СНОВИДЕНИЯ" И НЕКОТОРЫЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Я бы их назвал внутренне распознанными сновидениями, мечеными или для краткости р-сновидениями. Специально выделенных осознаваемых сновидений нет. Все сновидения осознаются, иначе бы их не было вообще и мы бы не помнили о них.

Нельзя воздержаться от укоров в адрес переводчиков, поскольку в Штатах существует и другое именование, а именно: "прозрачные сновидения". В России термин "сознание" избыточно социализирован и девальвирован.

А как быть с управляемыми сновидениями? Речь может идти только о степени управления. Но не это главное. На самом-то деле подразумевают внутренний отчет о координатах сон — бодрствование, понимание самим сновидцем, что он в данный момент спит.

А как раз здесь не всё правда. Не у всех это одинаково. Ваш покорный слуга, например, может видеть несколько сновидений одновременно. В некоторых из них я понимаю, что сплю в соседних. Было и так, когда я видел два непересекающихся сновидения и одновременно бодрствовал. Шло ныряние то в один сон, то в другой, а то в бодрствование. При этом, когда я находился в одних координатах, действие в других как бы тормозилось или вообще временно останавливалось.

Бывало и такое, когда в мире бодрствования застывшие сновидения превращались в висящие прямо в воздухе светящиеся туманные экраны. Я наблюдал их боковым зрением, но стоило посмотреть на какой-то экран внимательнее, как сам я внезапно оказывался внутри него. Если от таких "порталов" отойти метра на два или три, то можно вернуться. На этот раз ногами...

Эти тлеющие в бодрствовании остаточные экраны почти облачают авторов теорий о распознанных сновидениях. Теоретики должны были бы считать, что спят, а не бодрствуют — ведь во "внешней реальности" подобные воздушные экраны вроде бы невозможны. Однако возможны! Если вдруг задержаться с очередным нырянием в сновидение, экраны-порталы просто исчезнут, останется одно вульгарное бодрствование.

Случались и обычные р-сновидения (непараллельные), но именно они приводили к вещам inferнальным. Кому-то хочется просто полетать в небе, а кому-то очутиться внутри колец Сатурна или перед бурлящим Юпитером, либо прямо на границе вселенной. А нельзя ли оказаться внутри черной дыры? Собственно мозга? Особенно височных долей большой коры. А то попросту разрезать мир как таковой, то бишь вещь в себе, а не какую-то случайную развертку, наподобие научно воображаемой вселенной. Неплохо и почитать на ночь нечто вроде "Розы мира" Даниила Андреева или похожую сказку, представить самому нечто подобное. Некто поступит еще хуже: начнет играть в Машину времени. Скажем, заявится в собственное прошлое, в определенную точку сборки и поступит совсем по-другому... На каком-то этапе можно забыть, что спишь, и по ошибке прожить двадцать жизней вместо одной. Нечеловеческих и страшно длинных.

Вредны ли р-сновидения? Увы, для кого-то они вредны, если вызываются по традиционной методике. Однако больше всего интересен вред метафизический. Стивен Лаберж и многие другие призывают к привнесению искусственной критичности в сознание сновидца. Де так легче распознать факт сновиденности. Проблема в том, что эта критичность оказывается у Лабержа компарацией с обыденностью, а это очень плохо. Видя сновидение и сравнивая его с обыденностью, сновидец заранее заземляет будущее содержание сновидения, убивает его потенциальную экзотичность.

Лаберж несколько злоупотребляет словом "вращение", подробно не поясняя его характер. Для того чтобы вполне кинестично, а не зрительно вращаться во сне, нужно иметь достаточный опыт такого вращения наяву. Если вы не совершали балетные пируэты в обычной жизни, то вряд ли вам удастся совершить их во сне, а тем более не удастся имитировать вращение лежащей на боку бутылки или волчка. Особенно в последних случаях нужно иметь какую-то приближенную, но вполне внятную практику наяву со всем полагающимся в таких случаях сопроматом. Лучше перепробовать какие-то хорошо знакомые и не слишком обременительные движения из гимнастики, танцев, нахождения на качелях или еще чего.

Надо также знать, что обязательная связь быстрых движений глаз со сновидением — фундаментальная ошибка, поскольку сновидения могут коррелировать не только с состояниями зрительного анализатора. В основе снов могут лежать слуховые, речедвигательные и прочие явления. Отличный модулятор — тихо включенное радио, лучше всего передающее какие-то истории. Обычная музыка и реклама должны отсутствовать. Конечно, в части случаев будут подвижны и глаза.

Очень странно выискивать философские корреляции между феноменами обыденного мира и феноменами частично контролируемого сновидения. Подачу сигналов из "того" мира в "этот" лучше сравнивать не со стучанием в дверь, а с отправкой телеграммы. Именно философская смежность здесь отсутствует.

Как и в жизни, в сновидческом деле, а особенно в самих сновидениях главным врагом человека является он сам. В каждом есть масса субъектов, в том числе внешне умерших, уснувших или отживших свое, но в сновидениях кто-то из них пробуждается, реанимируется и действует там именно он, устраивая свои порядки. А потому ясна блокада воспоминаний о сновидениях, а тем более об р-сновидениях. В сновидениях могут проснуться и персоны сорокалетней давности, по случайности подцепившие толику современной информации, но в целом находящиеся дале-

ко в прошлом. А отсюда сложность в навязывании сновидческому субъекту какого-то желательного образа действий.

КОНТРОКОНЦЕПТЫ К КОНЦЕПЦИЯМ

(Шестьдесят один пункт)

1. КАТАВАСИЯ С ВОСПРИЯТИЕМ

В собственно философском смысле восприятие не может и не должно считаться отражением чего-либо. В частности "отражением обыденных предметов". Нельзя путать физиологию и биофизику с гносеологией или феноменологией. Это фундаментальнейшая ошибка. Чистая философия и наука должны ориентироваться на разные пути, идущие от субъективного сознания. Сложнее в психологии: здесь многое зависит от того, с каким разделом этой науки/дисциплины/сферы мы имеем дело.

Ошибочной в философии является и попытка дробления восприятия на ощущения. При холистическом подходе удобнее разделение сознания-восприятия по топологическим признакам и средам.

Феноменологически почти любое восприятие является иллюзорным, но при этом имеет статус неполной реальности.

Вот еще ошибки: из восприятия выбрасывают внутренние компоненты (в частности соматическое облако, психическое тело), выбрасывают мышление. Но мышление (любое!) не может не восприниматься. Иначе бы его просто не было. И конечно, представления и воспоминания также находятся внутри восприятия.

Благоглупости, нелепым образом сужающие восприятие, происходят из материалистического идеализма, сциентизма и их неизбежных включений в "натурфилософии" Нового времени. Вытекающее из потребностей приспособления колобродение по логическому кругу (поглядите на психофизический парадокс!) к лицу естественным наукам, но не философии.

Также недопустимо выставление зрительного восприятия в качестве эталона. Как только начинают говорить о восприятии, то думают преимущественно о нем. Это приводит к заблуждениям.

Мир вовсе не таков, каким его выставляет зрение. Нам дается лишь предпосылка для незримого оперативного поля. Координаты его неизвестны. Ясно одно: оно даже и не поле, поскольку находится в том, чему нет таких обозначений, как пространство и время.

Ухитряются также отделять сознание от восприятия, веруют в наличие "бессознательных ощущений". Но если ощущение бессознательно, то его нет. Подпороговые раздражения — совсем иное, причем из другой области. Внутри сознания нет никакого человечка-наблюдателя. Что дается, то дается само по себе; нет наблюдателя и наблюдаемого. Истина довольно простая. Никакого разграничения между воспринимаемым, восприятием и воспринимающим. Сам себя запутал даже Сартр.

Реально мы имеем дело с воспоминаниями, но не с памятью. Аналогичное можно заявить и о знании. В сознании присутствуют только отдельные сведения и ссылки на сведения с ними связанные, но не висящее само по себе знание. В сознании не могут находиться чистые идеи и слишком большие перечни, — только их логическое полагание. Идеализм в философии недопустим. Феноменальное неидеально. Идеальное — типичная для обычной науки попытка оживления небытия, сотворение условной постсубъективности. Здесь и виден порочащий науку логический круг: с помощью фикций постсубъективного пытаются объяснить само субъективное. Прорубать окно в сознании следует совсем в другую сторону — в досубъективное, метасубъективное, метасознательное. Для обычной психики подобное немыслимо.

Перечислить все абсурдные высказывания о восприятии, призванные его обескровить и привязать к привычной обыденности, просто невозможно.

Чисто техническую кибернетику нельзя отрицать, но по отношению к нейрофизиологии и психологии восприятия кибернетические подходы оказались крайне неудачными. Большинство из

них сводится к бесполезному набору бумажных схем и искусственных терминов. Практикующие психологи могут сообщать о некоторой пользе подобных схем, но с тем же успехом они могли бы говорить и о пользе гадания на утиных кишках.

2. КАТАВАСИЯ С "МАТЕРИЕЙ"

Якобы материя то, что воздействует на чувства... Как это? С какой стати? Где это видано? Как она к ним прорвется?

Материя то, что воздействует на органы чувств? Ведь для подобных писателей и органы чувств — материя. Получается, материя воздействует на материю. Тогда откуда здесь возьмутся чувства?

В чем проблема? А в том, что материя — выдумка.

Большие нелепости порождает и словосочетание "материальный объект". Где его только не прислоняют! Материальным даже называют знак. Поражает безумием словосочетание "косная материя". Где последовательность в мировоззрении?

В наше время нельзя отождествлять понятия материи и субстанции, пространства и протяженности. Да и никто не употребляет такие выражения, как "субстанциональный предмет", "знак, сделанный из вещи в себе" или "абсолютная действительность".

Бессмысленны словосочетания: "материальное тело", "материальные тела". Спрашивается: в каком ракурсе и в каком масштабе будут находиться соответствующие им объекты? Вне субъекта какая-либо определенность "тел" теряет большинство параметров. Чисто субъективны не только вторичные, но и первичные качества.

Что есть "материальный мир"? Речь идет о нонсенсе.

Само слово "материальный" звучит нецензурно.

3. ДВИЖЕНИЕ-ИЗМЕНЕНИЕ В БЕССТРУКТУРНОМ

Обычно понимаемое движение субъективно, прямо и опосредованно связано со структурами. Изменения в бесструктурном проблематичны и упираются в образование бытия, его выделение, детектирование. Заявлять, что есть скрытые изменения, обусловленные самоподдержанием абсолютного бытия, не совсем верно, поскольку акт детектирования из недобытия не является чем-то произвольным и слово "само" оказывается двусмысленным. Само здесь может относиться только к само, но не к абсолюту и не к доабсолюту. Само по себе как элемент довременной статистики упирается в свойство отсутствия свойств как таковых.

Рассматривая что-либо, мы непроизвольно накладываем рассматриваемое на сетку времени, а здесь требуется довременность. Представления между тем могут подстраиваться: от справа налево или слева направо и тому подобного переходим к некоему сугубо перпендикулярному, а затем тоническому изменению. Есть изменение-перемещение, а есть изменение-заполнение того, что уже заполнено, причем в незрительном плане.

Недвижный абсолют не может считаться догматически неизменным вследствие того, что он всего лишь случайный и каким-то образом поддерживающийся всплеск иного. Аналогично (уже в физике) не может считаться неизменной стоячая волна даже относительно самой себя. Эта аналогия не может считаться полной по причине непространственной протяженности самоосознающейся первореальности. Имеет ли смысл здесь говорить о скорости самоосознавания³⁵? Нет. Но столь же бессмысленно утверждать что-либо и о мгновенном самосхватывании. Между тем импульс сам в себе предусматривает некоторое реяние. А здесь это реяние оказывается застыванием-отканиванием. Мерцание абсолюта не в том, что он мерцает, но в том, что он образовался.

³⁵ Термин можно считать более корректным, чем "самосознание".

Во всем вышесказанном нельзя не увидеть пунктиров поправки: мы представляем абсолюта, втискивая его во время, поскольку сами плывем в субъективном времени, а такого по отношению к абсолюту не должно быть.

Возникает некоторый соблазн в объявлении абсолюта монадой и введении множества монад. Подобные монады действительно не имели бы окон, но оказались бы вопреки Лейбницу идентичными. Они в ни том ни сем (вне каждой этой каждой не существует) и, соответственно, не смогли бы образовать собой пространство. Такая гипотетическая версия ничего бы не прибавила.

4. А ЕСТЬ ЛИ "ОКРУЖАЮЩИЙ МИР"?

В чистой философии словосочетание "окружающий мир" абсурдно. По разным причинам. Относительно объективного (любого статуса) субъективное обнулено, его нет. Относительно субъективного объективное является неопределенностью и никак не может быть миром. Субъективное сознание (то есть нарисованный в нем мир) является только разграфленной мишенью для сличений и приложения усилий.

Не надо забывать, что человеческое сознание — исправительная колония массы разнообразных сознаний. Только по наивности некоторые из таких сознаний могут казаться "окружающим миром". Вот они монады. Некоторые монады оказываются в роли "окон" между монадами. Никакой личности, персоны нет. В строгом смысле нет и рефлексии. Мышлению эти фикции не требуются.

5. МЫШЛЕНИЕ И ЧУВСТВО

Нелепым образом их противопоставляют еще с античности. На каком-то этапе подобное могло быть в некоторых отношениях прогрессивным, но вообще это ошибка. Мышление — особый род чувственности. Мысль — это ощущение смысла. Многих

сбивает с толку связь значительной части мышления с речью. Но речь не является чем-то обязательным для мышления.

Сбивает с толку и возможность прозрачной связи мышления с волей, сбивают элементы произвольности в выборе и расстановке апперцепций. Однако воля связана со всем, она далеко не всегда имеет черты автономности.

Кстати, многого из "умопостигаемого" просто не существует. Чисто математических треугольников и окружностей нет даже в уме. В уме только противоречивая логика, составляющая стартовые ссылки на подобные фантомы, отправляемые в "идеальное", то есть в условно растянутое небытие.

6. ОПЫТ, ДАННЫЕ ОПЫТА

Предполагаемые денотаты, десигнаты весьма неопределенных терминов. Говоря проще, речь идет о крайне безответственных понятиях. Их дефиниции поражают обилием канцеляризмов и бюрократическим подходом. Под "опытом", "данными опыта" подразумевают всё что угодно. Часто прямо противоположное.

7. ФИКЦИИ ЛИЧНОСТИ, ПЕРСОНЫ, "Я", РЕФЛЕКСИИ

См. другие тексты автора за рамками этих пунктов³⁶.

Утверждения об "отражении сознания в себе самом" являются ошибочными. В рамках человеческого субъекта вовсе не одно единственное сознание. Их масса. Некоторые из них не заняты экстраекциями. Их данные могут подхватываться обычным мышлением и другими тоническими ощущениями, в том числе ценностными, наподобие эмоций.

³⁶ Например, "Мировоззренческая рефлексия как стереотипная ложь" (есть в настоящей книге).

"События жизни" — это один конгломерат сознаний, совмещенный с обыденными фикциями и стереотипами; эмоциональное переживание этих событий — совсем другой, фактически идентичный переживанию переживания. Наличие или отсутствие синхронии может не играть роли.

"Я" не мыслит. Хотения и стремления не есть хотения и стремления "я".

8. ЗАКОН ИСКЛЮЧЕННОГО ТРЕТЬЕГО

Не всегда подходит к металогикам или неявным логикам, фактически имеющим место. Под ними можно понимать, например, "логики субстрата", "логику явлений". Подразумевается иногда возможная замена суждений о чем-либо самим этим что-либо. Явления могут характеризоваться неполнотой, динамикой, недостаточной определенностью, иллюзорностью, двойственностью.

9. ДОПОЛНЕНИЯ К ДЕФИНИЦИИ СУБСТАНЦИИ

Субстанция никуда не двигается и не развивается. Она не может быть частной, общей или оконкреченной. Она не имеет форм, структур, размеров (в том числе бесконечных) и временных характеристик.

Ее позитивные характеристики: объективная бытийность, непространственная протяженность, самостоятельность, полная пронцаемость за счет собственной ментальности, иррациональность.

Иррациональность считается позитивным качеством, поскольку рациональность — симптом вырождения, симптом структуры, множественности, неполноты и субъективности.

10. "ЗАКОН ПРИРОДЫ"

Странное непоследовательное понятие натурфилософии, философии науки. "Физическая природа" (в действительности,

постсубъективный фантом) не является чем-то живым. У нее нет памяти в полном смысле этого слова. Если нет памяти, то не может быть и законов. Неверны исходные постулаты.

11. ТЕКСТ

Главный аргумент против воззрений Деррида, его соратников и апологетов — несуществование текстов. Тексты — заведомая фикция, прагматическая условность. Еще большей фикцией является язык. Относительно реальными могут считаться отдельные фразы. В полном смысле субъективно реальны только мимолетные кажимости-схватываемости. Факт их инерционного зависания несущественен.

Второй гносеологический порок текстов в том, что они являются структурами. Утверждение "Весь мир есть текст" ошибочно. Представления об интертекстуальности неизбежно понарошечны. Если текст как таковой сомнителен, то тем более сомнительны предполагаемые междутекстовые пространства. Нельзя путать объективное с субъективными развертками и условными продолжениями последних. Действия с операциональными полями во многом сходны с игрой в жмурки.

Халатное отношение хвилософов к проблеме гносеологического статуса языка заставляет задуматься о статусе самих этих деятелей.

12. ИДЕАЛЬНОЕ...

Оппозиции идеальное — материальное, идеализм — материализм фундаментально неверны. Идеальному можно противопоставить только реальное. А поскольку материя нереальна, абстрактна и является гипотетическим продолжением и сгущением прагматических фикций, материализм, можно рассматривать как особую форму идеализма.

В строгом смысле, идеального не существует. В лучшем случае ум подменяет выдумками те или иные действительные поглощенности. Само субъективное сознание реально, по крайней

мере, для самого себя, и поэтому не может быть идеальным. Оно сугубо феноменально.

Неизбежно обвинение диамата и его наследников в дуализме.

Крайней формой идеального является идея. В идее может содержаться не только, алогичная "линия, не имеющая толщины", но и вполне успешно "деревянное железо".

По факту идеальное оказывается родом небытия, в нем важно не наличие идеальных объектов, но сосредоточение на них.

13. ПЕРЕСКОК ВЕРОЯТНОСТЕЙ И ПЕРЕСКОК ПЕРЕСКОКОВ В СВЯЗИ С ЗАВЕРНУТОСТЬЮ СОЗНАНИЯ

Образы других людей не могут быть наделенными сознанием, хотя в быту зачастую наделяют сознанием именно образы. Некая практическая или научная фикция человека также не может иметь сознания, но тогда ЧТО может? А ведь что-то вроде бы может... Так или иначе начинает постулироваться некий неметафизический мир, но каков его статус? Никакого. Этот мир словно бы повисает в очередном небытии. Сознанием далее окажутся наделенными почти все животные. При следующем перескоке — простейшие и бактерии. При следующем — все живые клетки (в том числе грибов и растений). А далее — молекулы, атомы, частицы... Однако ко всему перечисленному нужно добавлять некоторую приставку. Скажем, "мезо": мезолюди, мезомолеулы, мезочастицы, то есть выявляются некоторые сущности, начисто отсутствующие в бытовых и научных картинах мира.

А как же общество, многоклеточные растения, горы, реки, планеты, звезды? Здесь приходится отступать сразу. Никакого фейербаховского коллективного разума нет, ноосфера Вернадского рассыпается. Поневоле приходится думать о некоем статистическом пиршестве. Словно бы прорисовывается царство псевдоматерии. Например, даже у прототипов человеческого коллектива нет и не может быть сознания. А правители различных рангов фактически являются вправителями, которые с переменным

успехом пытаются только как-то вправлять то, что идет само по себе и нередко портят прекрасно без них существующее.

Повернем назад. Все перечисленное ни во что не связывается. Здесь отступили, а там? Мы не умеем произвольно трансформировать и вписывать структуру в бесструктурное, рациональное — в иррациональное, а объективный мир именно бесструктурен и иррационален. Возможны только мимолетные наблюдения концентрации-свертки и обратного: развертки.

Нелепо говорить о слиянии субъективностей, они не сливаются в своем собранном виде, но вполне можно заподозрить слитие в одно их бесструктурных составляющих.

Гносеологически самое худшее то, что при подобном раскладе неизбежны субъективности, никак не выявляемые внешне. Из-за этого нельзя себе представить сколько-нибудь полную картину происходящего.

Для центральной (или чистой) философии нет никакого объекта, кроме трансцендентного, то есть потустороннего. В полном смысле этот объект один, а именно: вещь в себе, субстанция, абсолют. Прочие "объекты" либо имеют условный, временный, либо недоопределенный характер. Особый случай — другие субъективные сознания. Но как они могут быть объектами? К сознаниям-восприятиям позвоночных животных еще можно как-то подобраться рассуждениями по аналогии. Но как быть с самыми близкими сознаниями, то есть теми, что являются подложками для сознания наличного? О них почти ничего нельзя сказать. А эти буферные сознания должны быть: человеческое сознание никак не может прямо и непосредственно переходить в абсолют.

Сознание своим наличием уничтожает технические представления об информации. Оно одновременно оказывается и своего рода пучком проводников, и предположительно получателем, и самой информацией в чистом виде. При этом не может быть строго определимым, является ли оно отправителем. Информация — вся структура сознания, но вместе с тем сознание содержит в себе вкрапления антиинформации, то есть тонические ощущения,

являющиеся в значительной степени бесструктурными. Источников информации в самом субъективном сознании нет. Попытаться рассматривать в качестве таковых отдельные сознания внутри общего сознания невозможно из-за топологических характеристик ментальности.

14. ДИАЛЕКТИКА, ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ

Эти понятия имеют довольно узкое значение. Их нельзя распространять на всё и вся. При попытках расширительной трактовки возникают различного рода нелепости наподобие "диалектической детерминации". "Борьбу противоположностей" нужно окончательно отдать литературоведам. В достаточно аргументированных рассуждениях ей не место. Гуманитарщина недопустима в философии.

Элементы макростатистики: отрицание отрицания, переход количества в качество, качества в количество, вообще говоря, никакого отношения к диалектике не имеют. Подобные явления слишком суммационны и сами по себе не могут быть движущим механизмом.

Определенная диалектика возникает при сопоставлении временных или пространственных рядов друг с другом во всякого рода традиционных натурфилософских схемах. При этом свобода оказывается вложенной в несвободу (без отрицания фатальности), а случайность иногда четко вкладывается в необходимость. Однако речь идет всего лишь о схемах. Метафизики это не касается, в ней приходится говорить о детектировании с оставлением избыточных степеней свободы за рамками единства объективного бытия.

Диалектика — это попытка согласования различных фикций друг с другом, но фикции вовсе и не нуждаются в согласовании. Разглядывание выхваченных там и сям разрозненных картинок не может быть учением о развитии.

Диалектическая "логика" ничуть не лучше трансцендентальной. Если у Канта мы видим ложные антиномии (недостаточная аргументация в пользу противоположных тезисов), то у Сартра — ложные "диалектические модусы".

Реальная неявная логика полностью не охватима знаковыми логиками, но никакая диалектика неспособна восполнить этот дефект.

Возможность совпадения бытия с логикой не ведет к сплошности и раскрывается в совсем иных аспектах. Один из них завязан на возникновение самого бытия. В этом случае подразумевается логика за гранью рациональности-структурности.

15. ТЩЕТА НАТУРФИЛОСОФИИ И ПРОЧЕГО

Попытка сделать из философии квазинауку, параллельную обычным наукам, не имеет под собой достаточных оснований. В итоге у нас некое междисциплинарное черт знает что, масса вульгарных домыслов наподобие "Роли труда в процессе превращения обезьяны в человека".

По своей сути философия является прибором, позволяющим видеть ограничения познания. Позитивизм не менее наивен, чем натурфилософия: она в нем явно проступает. Но столь же наивен и неопозитивизм как логический, так и лингвистический. Представители этих направлений словно бы забывают, где они сами находятся. Сама сфера их воззрений повисает в нигде, оказывается сделанной из ничего.

Название "феноменология" опорочено феноменологами. Против метафизики, будто свора одичавших собак, ополчились почти все. Действительно, заявляемое о потустороннем должно быть лаконично, но полностью откеститься от него невозможно, поскольку только в нем содержится собственно объективное.

16. НЕЛЕПОСТЬ ИДЕИ БЕСКОНЕЧНОГО

(В сокращении³⁷)

О бесконечности уже много раз писал и по разным поводам. Не хотелось бы повторяться. Однако поражает упрямство, с каким в постсоветское время бесконечность считают чем-то само собой разумеющимся, включают это понятие в статьи, словари, энциклопедии. Причем даже в те разделы, какие не имеют никакого отношения к операциям с количествами.

Конечно, в бесконечности как формальном математическом инструменте нет ничего бредового: помогает решать конкретные задачи, значит помогает. Но от застарелых шор нужно избавляться.

Математики здесь не первенствуют. Еще в XIX веке они смогли отказаться от бесконечно малых, но школьникам, студентам и прочей молодежи поныне вдалбливают представление об этих абсурдных величинах при введении в дифференциальное исчисление. Откуда здесь появиться сомнению у философов? Сто пятьдесят — двести пятьдесят лет назад теология была обязательным предметом на европейских философских факультетах, многие философы выходили из рядов студентов-теологов. А как же боженьке не быть бесконечным? Непротяжен, но бесконечен! И не смей в этом замечать противоречие! Аналогично бесконечность (либо беспредельность) в качестве атрибута прибавляли к атрибуту непостижимости, непознаваемости: коли абсолют непознаваем, значит он бесконечен. Для античности уж лучше апейрон, чем огонь, воздух, вода и земля, но это слово в переводе довольно плохо звучит. В представления о "высшем" объекте обязательно включали всякого рода "совершенства". Теологические заблуждения были свойственны даже Кантору. Бог у него впере-

³⁷ С дополнительными разделами см. отдельную (вне инет-сборников) статью с тем же названием. Напр., URL: <https://proza.ru/2022/10/14/1197>

ди всего, а это толкало к примирению с парадоксами. Атеист Рассел также был вынужден терпеть парадокс саморефлексивности. Математика по своей сути фантастична и от этого ее свойства, вызванного абстрагированием, никоим образом нельзя полностью уйти.

В Советском Союзе догму о бесконечности, в частности, было сложно искоренить из-за фразы Ленина о неисчерпаемости электрона. Школьникам и студентам продолжали вкладывать в голову мысль о бесконечности мира, невзирая на прямо противоположные утверждения астрофизиков.

Вскоре некоторые американские и британские физики увлеклись гипотезами о мультивселенной: де самих вселенных бесконечное множество, подавайте только гранты на исследования.

Значение бесконечности-беспредельности может быть только чисто художественное или даже поэтическое. Она выступает в образных представлениях-указаниях как гипербола.

Начало метафизического мира лежит в недобытийной беспричинности и безосновности. К такому началу никак не применимы представления о конечности и бесконечности. Аналогично термин "бесконечность" не подходит к собственно субстанции (абсолюту): о конечности или бесконечности в качестве размеров можно говорить только по отношению к чему-либо и сравнительно с чем-то, но субстанция не имеет структуры и каких-то объектов внутри себя, оставаясь самоподдерживающимся бытийным импульсом.

Структура может возникать только на уровне субъектов как неполноценных вычлененностей из объективного. Но субъект формально связан только с конечным или неопределенным. Было бы неправомерным отождествлять какие-либо неопределенности и недостижимости восприятия (чаще фактурного порядка) с бесконечностью. Неплохо извиниться перед читателем, верующим в натурфилософские фикции, но тогда пришлось бы обращаться к разоблачениям совсем иного порядка. Субъекты, инособъекты, завернутые субъекты, как имеющие, так и не имеющие в себе огромные родовые напластования как будто образуют собой про-

рву, но возможна ли чрезмерная расточительность там, где всё стремится к экономии? Даже в физических картинках электроны занимают наиболее "выгодную" орбиталь. Кроме того, образуемая родовыми расщеплениями прорва никак не соединима сама в себе, поскольку всякий субъект, будучи во многом иллюзией, объективно занулён, схлопнут. Он может иметь некоторый ограниченный выход только к тому, что с ним сходно и ему близко.

17. СТРАСТЬ К МЕТАФОРАМ И ГИПЕРБОЛАМ

Примерно с середины горбачевской эры официально, неофициально и по-всякому на разных площадках стала нарастать масса философских и дискуссионных клубов. Пока одни деятели горлопанили, другие старались присутствовать там, где шел делёж пирога. Каждый наелся свободы столько, сколько хотел. Здесь-то и выяснилось, что под словом "философия" публика понимает далеко не хрестоматийное. А ведь и в хрестоматиях предмет философии чрезмерно расширен и основательно замусорен.

На вопросы "Как жить?" и "Что делать?" уважающая себя философия не должна отвечать. Это вульгаризация. На них не отвечает даже психология. Вы только послушайте речи практикующих психологов. Вам станет тошно от набора трюизмов, от советов, которые (перефразируем) козе известны. Но многие слушают! И прежде всего вещи заведомо лохотронного свойства. Об экстрасенсах и проповедниках промолчим. Впрочем, все эти деятели не виноваты в том, что внутри всякого взрослого сидит капризный ребенок и часто играет определяющую роль.

В течение семидесяти лет тенденция на упрощение делала из философии масскульт, "доступный любому партийному работнику". По инерции "масскультное" отношение к онтологии с гносеологией сохранилось и сейчас. В инете огромное количество писем к ученому соседу. А кто начал упрощение? Маркс и Энгельс. Неполитэкономическая часть их воззрений была во многом примитивна и для уровня XIX века. Затем масла в огонь подлил Мартин Хайдеггер. Сделав акцент на бытии сущего, он оконча-

тельно переломал философские ворота. В итоге его филологических изысков онтологическими объявили практически все знания. К этим намёткам добавляются чисто бытовые эрзацы мышления и полагания.

По примеру В. И. Ленина нынешние чеховские герои мешают философию с журналистикой. На что надо обращать внимание многочисленным дискуSSIONерам? Лучше не на соображения Чернышевского и маркиза де Кюстина, а на старушку (или молодку) Клио. Идет восемнадцатый, девятнадцатый, двадцатый век, но у нее всё тот же шанцевый инструмент. Без существенных изменений. Особенно грабли. Расцвет бюрократии, "глобализация", прочие новшества только усиливают бывшее прежде.

Что именно назвал В. В. Адоратский задолго до своего поклонения Сталину "абберацией ума, отражающего действительность извращенно, в перевернутом виде"?

В чистой (а не протитуированной прикладной) философии должен отсутствовать термин "человек", хотя производные от него слова неизбежны. Абстрактное (универсальное) искусство и философия адресованы не человеку, но сознанию достаточно мыслящего существа из любой галактики. Из сознания они и вытекают.

В разное время я несколько раз повторял мысль, что средства, наработанные в чистой (центральной) философии, можно затем использовать и в прикладной. Однако после такого перехода именно чистой философией лучше не заниматься. Почему? Придется переходить на язык прикладников, обсуждать их методики. Вследствие этого неизбежно заражение порочными взглядами на мир, их тиражирование. Сциентисты, социологи, экономисты, политики никогда не хватали звёзд в фундаментальной философии.

18. МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМА

Разум. Даже Кант больше говорил не о нем, а о его критике. Нет разума. Он дается в виде воспоминания о предположитель-

ном интеллектуальном сновидении. Нет разума и потому, что он, в отличие от феноменального ума, всего лишь идеален, то есть нереален. О ложности кантовских антиномий мы упоминали.

Априорность? Что-то на нее похожее проистекает не из самого субъективного сознания, но из-за свойств его границ и подложки. Если бы она создавалась самим сознанием, то было бы четко видно, откуда она взялась.

Достаточно строгих понятий не существует, как не существует прямых и точек. Феноменам доступна только приблизительность, в том числе феноменам смысла. Ум не запутывается потому, что существуют знаки, которыми можно оперировать и подменять ими понятия. Но и до знаков ум кладет в основу своего функционирования приблизительное. Поправка большинству приблизительностей возможна только в нигде. А впрочем, она и не требуется. Достаточно предположения о ней. Реальное мышление работает не с понятиями, но с указаниями.

С трансцендентализмом связаны такие избыточные и опасные для философского познания термины, как "сущее" и "сущность". Э. Гуссерль и М. Хайдеггер запутались и попытались запутать всех. Слово "сущность" больше подходит педагогике. Представление о сущности более необходимо не чистой философии, а науке для проведения упрощений, построения моделей чего-либо и рассмотрения картин мира.

19. ВОЛЯ НЕ ЕСТЬ ХОТЕНИЕ И НАМЕРЕНИЕ

В субъективном волевые импульсы бессодержательны, бесцветны и внутри себя не имеют вектора. Мотивы создает ум, в том числе на основе реактивных тонических ощущений, а волевое досознательно. Вначале воспринимается действие волевого в виде тех или иных признаков (например, ощущения напряжения или неудобства). Эти признаки истолковываются в плане кон-

кретной ситуации. Возникает проходящее через сознание решение. После этого могут быть включены те или иные заведомо данные рычаги воздействия или изменения. Возможно и стереотипное, либо инстинктивное доумственное реагирование. И за гранью квазипроизвольности с волевым сопряжено любое изменение. Сфера волевого многообразна, но ее явления (ощущения) не есть сама воля.

В объективном воля идентична недобытию, предбытию. Это предвещь в себе. Ценностные реактивные ощущения, в силу их несбалансированности, могут быть только в постабсолюте, то есть после разделения абсолюта на первичные бесструктурные субъективности. Среди них есть поляризованные. Воля не имеет никаких внятных свойств, она не может удовлетворяться (как думал Шопенгауэр). Она никогда не "удовлетворена". Ее суть схвачена Зинаидой Гиппиус. Это "снеговой огонь", "то, чего нет на свете". "Психотропизм", "психоотаксис" от реактивного минуса к реактивному плюсу уже логика, а она возможна только после обитиевания.

Говорить о воле сложно из-за ее внелогичности. Она расщепляется и не расщепляется. Она похожа на первичную энергию, но в полном смысле не бывает обычно понимаемой энергией, поскольку вне времени. Всякое влечение, стремление и её, и не-её. Воли не видно из-за наносных покровов. И все же словосочетания "воля в природе" или "воля в теле человека" ныне звучат чрезвычайно абсурдно. "Природа" давно отдана на откуп науке. Философский трактат может обладать или не обладать художественными достоинствами, но быть романом или повестью он не должен. Многие вполне привычные грамматически и стилистически верные сентенции гносеологически ошибочны.

20. "ДУША И ТЕЛО"

С самой древности и до сих пор это еще произносят! Как не надоест? И не приходилось слышать, чтобы кого-нибудь такое возмущало! Абсурд. Это как же надо вывернуться наизнанку и

всё перепутать? При любых трактовках этих терминов повсюду можно встретить только нелепицу. Даже с учетом всевозможных подстроек под современные представления.

В психологии и феноменологии неплохо бы звучало словосочетание "тело без органов", но оно оказалось перехваченным совсем иными сферами. Условностью "тело-без-органов" вначале щеголяли артисты, затем её перехватили постструктуралисты и превратили в монструозную абстракцию.

В разных главах первой части своей книги³⁸ Морис Мерло-Понти пытается рассматривать "тело" с различных точек зрения. Избежать чудовищной эклектики и противоречий ему не удалось. Главная причина неудачи — стремление сохранить часть натурфилософских опорных пунктов. Это усугубляется ошибками, взятыми напрокат у Сартра. А крайне самонадеянные психоаналитические гипотезы по поводу фантомных конечностей ныне отвергнуты нейрофизиологией и выглядят смехотворными.

Феноменология должна иметь дело не с "телом", но с сугубо психическим соматическим облаком. Незрительные феномены здесь гораздо ближе к сути дела, чем зрительные.

Буферные сознания прямым образом недоступны совокупности связанных сознаниями-посредниками наличных сознаний. Это ближняя перспектива, далее гносеологический разброд увеличивается. То, что косвенно кажется электроном, изнутри себя гораздо ближе к абсолюту, чем именуемое человеческим сознанием.

Организм никоим образом не является предметом философии. Можно только заметить, что не организм подобен машине, а машина частично подобна организму.

³⁸ М. Мерло-Понти. Феноменология восприятия. — СПб.: Ювента, Наука, 1999.

Выход из многих затруднительных положений можно видеть в резком разделении теории и метатеории, центральных положений философии и всякого рода эвристических строительных лесов, окольно подводящим к ним.

21. ВРЕМЯ

Обычно время представляют в виде линейки и пытаются с помощью нее нивелировать всё и вся. Но время человеческого субъекта в любом достаточно продуманном представлении не может быть одномерным, сверх того оно крайне запутано. Для каждого отдельно взятого ментала внутри общего субъективного сознания оно свое и определяется степенью структурности.

Однако попытки представить время в виде шкалы, приложенной к какому-либо роду изменений, более справедливы, чем утверждения о текучести времени. Время не река и никуда не течет. Но ведь временем как будто образуются пространство и структура. Для структур возникает отсчет времени второго и третьего порядков. Одно время погружается в другое, неизбежно имеет место парадокс. Время как бы летит во времени. Даже зрительное и осязательное пространство умножаются за счет заметного и малозаметного сканирования... И все-таки сканирование не есть время. Аналогично заторможенность движения в памяти и восприятию не время. Структура, данная в локусе времени субъективного настоящего, уже частично есть память. Реальность предстает субъективному сознанию в размазанном и сразу же расплюсненном виде. Субъективное сознание можно сравнить с ударом пучка частиц о мишень. Сплошь и рядом предметом рассмотрения оказываются хрональные болтыши. Если внутри сознания они хотя бы имеют статус феномена, что уже есть иллюзорная реальность, то в картинах мира остаются сделанными из ничего.

Фактически наблюдаемое время не может представляться и как раздробленное вневременное, вневременное. Раздробленная вечность слишком теоретична. Если в таком представлении и

присутствует правда, то кондовая, соответствующая разве предельно элементарным моносознательным существам. Человеческая ментальность не только полисознательна, но имеет под собой неизбежные буферы, завязанные на то, что именуют Родом. А поскольку это досубъективность, а не надсубъективность (как наука и натурфилософия), то никакого раскладывания на онтогенез и филогенетические древа здесь не происходит, превращения времени в историю нет. Калейдоскоп остается калейдоскопом.

С другой стороны, и без всяких буферов видно: многоструктурные ощущения объединяются малоструктурными и бесструктурными тоническими чувствованиями. Некоторые из тоничностей оказываются субъективными инвариантами. Это совсем иное движение к абсолюту. У нас уже не пространство, а всплеск неопределенномерной протяженности, а вместо времени — автоабстрактное вполне консистентное ощущение текучести само по себе, выглядящее вовсе не длительностью, но длённостью. Если намеренно не искать каких-то пространств, пусть даже универсальных (тем самым не создавать их!), то протяженность и текучесть окажутся одним и тем же. В этой текучести-протяженности нет ни структуры, ни времени.

Вывод. Нужно говорить не о времени, а о путаной иерархии времен. Она атрибут сомнительного артефакта, под названием "структура". Тем самым время не может быть предметом метафизики и полноценной онтологии, но только науки и отчасти феноменологии.

Кроме обычного времени, можно подразумевать некоторого рода время вечности. Вечное, вневременное (для обычной иерархии времен) может иметь в себе нечто вроде собственного, перпендикулярного отсчета "от" и "до", связанного, например, с такими характеристиками, как самопроницаемость или детектируемость из иного. Человеческого или человекоподобного сознания это практически не касается. Более важно отсутствие структуры в подлинно объективном мире. Из утверждения, что объективное скрыто населено разного рода элементарными и многосоставными

ми (по числу сознаний) субъектами, нельзя вывести подробную карту их временных соответствий.

22. ХОЛИЗМ И ХОЛОТРОПНЫЕ СОСТОЯНИЯ

Выводы, сделанные Станиславом Грофом из своих экспериментов и наблюдений, интересны, но носят синкретический характер и зачастую напоминают озарения духовидцев. В обоих случаях нередко видим отсутствие подлинно метафизического прорыва. Предстает вовсе не метасознание, но только его символы, напоминания о нем, что может вполне быть и при неизменной субъективности. Эта фрагментарность не приводит к действительной метафизической холистичности. Вещь в себе остается вещью в себе.

В первых разделах книги "Космическая игра" С. Гроф высказывает много здравых мыслей, но его надежды на объединение науки и "духовности" сомнительны. Между целями науки и метафизики находится непробиваемая граница — пленка субъективного сознания. Эту пленку можно растягивать, можно находить в ней градиенты наподобие структурное — бесструктурное, нейтральное — реактивное, но направления метафизики и науки прямо противоположны: метафизика смотрит за пленку, наука парит перед пленкой. Метафизика пытается уйти с логического круга при объяснении сознания, для науки этот порочный круг неизбежен.

Сообщения К. Г. Юнга и Грофа в первую очередь вызывают мысль о перехвате актуального иррационального сказочным рациональным: реактивные ощущения (например, эмоции) обрастают трафаретными родовыми образами. Идут развертки. Универсальное подменяется конкретными структурами и тем самым как бы блокируется. Испытуемый пересосредотачивается.

Всё это может происходить уже в буферных сознаниях, где нет границ между людьми, народами и расами, древним и настоящим, человеческим и не-человеческим.

Отчеты о более глубоких погружениях в Иное, не всегда позволяют отличить не имеющие формы палеосознания от абсолюта. Можно было бы говорить о критерии отдельности от него. Только кто позволит себе на этом настаивать?

Узрение "начальной пустоты". Но как её можно узреть? Скорее, и здесь всего лишь приближенный образ. А в данном случае — недобытия.

В любом случае говорить о выходе из биологической оболочки неверно, поскольку она постсубъект. Иногда возможен выход сознания из обычного сознания, в том числе сновиденийного, с модификацией или исчезновением соматического облака. Разумеется, никакого "материального плана", о котором почему-то, противореча прежним высказываниям, начинает говорить Гроф, нет. Это ложные проекции прагматики.

Наибольший скепсис вызывают утверждения о творении и творце. Я бы стал говорить о разнообразных связях и связываниях изначального недобытия, в том числе тупиковых, не ведущих к абсолюту. С другой стороны, и сам абсолют можно рассматривать как космологический тупик детектирования. Бытие вываливается из недобытия и убивает внутри себя свободу. Правда, в каком-то смысле бытия и нет: мало ли что оно внутри себя детектировало, оно сделано из кажуще подрезанного и сомкнутого недобытия. Получается, что абсолют не менее иллюзорен, чем человеческое сознание. Потусторонний мир столь же шаток, как и феноменальный. Впрочем, на практике это не имеет никакого значения: иллюзии достаточно твердокаменны для состоящего из них. Не надо забывать и об имперсональности любого сознания как частного, так и общего, о неизбежной имперсональности абсолюта. Никаких личностей не может быть по определению. Представление о персонности субъекта возникает, вследствие наивного противопоставления одних феноменов другим и столь же наивной кажущейся экстеризации.

Не лучше и теологические перечни "совершенств": вечность, бесконечность, неограниченность... А является ли логичность совершенством — это вопрос, но обывание в космологическом смысле идентично ологичиванию. Ступени следующие: недобы-

тие доиррационально, внелогично и соответственно внепричинно; объективное бытие иррационально и логично; человеческая субъективность из-за наличия в ней структур во многом рациональна.³⁹

Теория Грофа имеет в себе только начальный посыл, дальнейшая судьба стартового импульса оказывается заваленной. С целью хотя бы видимости формального завершения рассуждений, он переходит к экологической проблематике, затем к теологии, теософии, мифологии et cetera, чем подрывает доверие к своим фактическим достижениям. Таковы же действия и его последователей, устраивавших в свое время чёс по городам России. Даю пример. День первый: вступительная лекция. Кратко изложив экспериментальные данные, приезжие грофисты начинают рассуждать о дельфинах у берегов Австралии и пингвинах в Антарктиде. Ряды собравшихся на лекцию редеют. День второй: сеанс погружения в холотропное состояние. В зал набиваются люди с матрасами и ковриками. Подошло объявленное время, но проходит десять, пятнадцать, тридцать, сорок минут, но по какой-то причине сеанс не начинается. Матрасы и коврики по-прежнему скатаны. Публика потихоньку разбегается.

К вопросу о заочных общениях и перевоплощениях. Здесь можно увидеть нечто вроде проблемы корпускулярно-волнового дуализма. Представить себе волновую (или полевую) жизнь сложно, но между тем бесструктурное в человеческом сознании имеет осевое значение. Хотя при этом всё равно сохраняется тенденция к разверткам. При наличии измененных способностей к восприятию и попадании в вычлененную из единства идентичную чему-либо или примерно совпадающую с чем-либо бесструктурность, эта тенденция может сохраниться. В итоге получаются словно бы подтвержденные фактами неожиданные дешифровки-развертки. Объективно-метафизически любая структура (а значит и память) развеяна больше, чем пепел покойника.

³⁹ Акулов А. С. Буквы философии. 3-е изд. — СПб.: Сборка. 2017, ч. 3. Краткое именование книги — БФ.

Многие воспоминания даются с трудом, но между тем изредка встречаются обладатели феноменальной памяти. А она отнюдь не в мозгах-редукторах, как принято считать. Воспоминания идут не из памяти, а всякий раз синтезируются-развертываются заново. Если так обстоит с сугубо индивидуальными воспоминаниями, то не будут волшебством и так называемые трансперсональные.

Предположение Грофа о космической игре (для забавы или без такой) самонадеянно и неубедительно. Тем более нет того (тех), кто стал бы играть.

23. ЭКСПЕРИМЕНТ И ГНОСЕОЛОГИЯ

Благодаря фиктивным интерпретациям теории, эксперимент в какой-то степени слеп, но это же оказывается и его достоинством: он может незримо охватывать то, что теории никогда не будет ведомо. В его инструментарии неизбежны неясные уподобления тому, на что он направлен. Иначе говоря, в нем есть прототипы теоретических метафор, невзирая на несоответствие карты истолкований действительности. Поскольку собственно прототипы никак не схватываются наукой, ей остается всякий раз усложнять и усложнять свои "эпициклы".

24. ДОБРО И ЗЛО

Как только не надоест эта первобытная мистификация? Сколько можно ее повторять? Да, психика полярна: есть реактивный плюс и реактивный минус. Поправка: в качестве теоретических пределов, поскольку на практике всё запутано. Периодически люди вроде бы имеют дело с относительным благом и более четко — с лишениями благ, вредом (антиблагом). Можно пространно говорить на эти темы, но при этом добрѐ и злѐ остаются сказками, в лучшем случае избитыми метафорами. Самый тяжелый и сомнительный случай — перенос проблемы на конгломераты и стереотипные укрупнения: "общество", "жизнь вообще", условно умноженный обыденный мир как целое. Здесь неизбежен конфуз с прагматическими экстраполяциями. Методы физики или мате-

матики для работы с неизвестно чем здесь не применимы. А всякого рода гуманитарные построения приобретают монструозную чудовищность, плохо осознаваемую их создателями. О нелепости "трансцендентальных" фикций многие просто не задумываются.

Экзистенциалы "трын-трава", "вперед под танки!", "хоть сдохнуть на этом месте", "через мой труп" не всегда и не у всех, но достаточны для создания иллюзии свободы. Тем не менее их расширение останется только лозунгом даже в крайних ситуациях. Открываемый в холотропных состояниях Род, вовсе не то, что о нем думают испытываемые. Убедительных подробностей они или не дают, или рисуют картинку почти обыденной потусторонности в духе "Розы мира" Д. Андреева.

25. БЕЗ НАЗВАНИЯ⁴⁰

Сколько ангелов танцует на конце одной иглы? Таков же вопрос и об отделении умственного от сознательного. Каковы бы ни были происхождение и этимология слова "ментальное", на деле оно близко к тождеству со словом "сознательное". Претензии психоаналитиков и прочих писателей, превращающих ментальность в айсберг, не оправданы. Модели остаются моделями: реально заглянуть в потустороннюю умственную близь невозможно. Близкое гораздо проблематичней далекого. Отказ в гносеологии от социологизированной ментальности на территории России возможен одновременно с отказом от социологизированного постреволюционного понимания сознания и от пресловутого заведомо метафорического термина "общественное сознание". Скажем "нет", мечтам Л. Фейербаха о коллективном разуме.

Любое холистически понимаемое ощущение и умственно, и сознательно, но выискивать здесь антиномии непродуктивно, поскольку восприятие в основном представляет собой нейтрализованную структуру. Другое, когда речь заходит о реактивностях, а особенно об их пределах. С какой стати предел смысла должен быть пограничником между полной реактивной позитивностью и

⁴⁰ Другие введения см. там же: разделы 2.5 и 3.

полной реактивной негативностью? Логос, Эрос и Хаос не демоны и не архангелы. Космология бесструктурного познавательно выигрышной предположительной космологии структурного, так как здешнее бесструктурное (вне осложнений наподобие эмотивных комплексов) во многом таково же, как и метафизическое, но отличается меньшей интенсивностью и полнотой. В отличие от косвенных структурных феноменов, тонические ощущения являются действительными окнами-иллюминаторами в Тот мир. В бесструктурном гаснет относительное и рисуются инварианты.

Понимают ли музыканты свое назначение? Обычно нет. Об этом говорит засилье имитаций обыденности. Одно измерение? Да еще время? Субъективное сознание размазано и живет именно размазанностью. В сейчас по большей части слышится уже отзвучавшее, образуется специфическая невременн'ая протяженность. Есть роль и в ожидаемом: оно сбывается из-за меняющих (напр. секвенций) или не меняющих форму повторов. Музыканты не хотят ничего великого и единого. Для создания псевдоструктуры они занимаются дробежом. Мало недостатков в устройстве основных инструментов, еще вводятся однообразные ударные: иначе кому-то будет страшно, иначе кто-то может улететь в другой мир. В этом смысле музыка и слова редко совместимы, но даже и в вокализ норовят ввести что-нибудь приземленное. Ужасными оказываются любые переводы либретто или текстов песен, особенно с романских языков.

С музыкой иногда сравнивают архитектуру, но "музыка" здесь остаточное тоническое ощущение после пробегания взглядом фасада здания или ансамбля построек. Транспортным средством в потусторонний мир изредка может быть поэзия, но и она здесь соответствует порождаемому строчками внутреннему тону. И еще вопрос: что именно здесь на самом деле первично и вторично.

Тонкое реактивное (реальное мистическое) скрывает в себе парасмысловое, параумственное. Оно схватывается иначе чем, тонкая мысль (логосное), но не вываливается из сознания, как это сделало бы любое неосмысленное структурное (рациональное)

ощущение. Оpozнание здесь идет по принципу качественного (неиероглифического, неассоциативного) символа. Воображаемое оказывается не представлением, но самим представляемым с уменьшенной интенсивностью.

В теплых и холодных тонах цвета и многом другом в живописи видна сублимированная и развернутая реактивность. Она играет свою роль в опознании-воспоминании. Надо понимать: память *per se* невозможна ни субъективно, ни объективно. Нечто подобное памяти утоплено во всепожирающем добытии. Нерациональное смысловое привязано к тоничному способу существования, непространственной протяженности и проницаемости подобно эросному и х'аосному. Тоничное здесь не меняется и предстает в виде константы. Но самостоятельность этих трех данностей достигается только в абсолюте при их уравнивании, которое не является нейтрализацией, остается реактивным и не обращается в структуру. Напротив, намек на первоструктуру возникает при обратном направлении. Даже если представить обратное направление проницаемости в виде исходящего из абсолюта дерева нельзя получить комбинаторику дифференцированных структур того уровня, с какими имеет дело человеческое сознание. Однако в наибольшей степени это касается заведомо искусственного зрительного пространства. Можно понять деяние вышедшего в сад Демокрита. Очень удобная для практики развертка оказывается фантастикой.

26. МАНЕКЕН ИСТОРИИ

Его пытаются взять в оборот многие мыслители. Итоги философии истории и отождествления философии с какой-то частью истории неутешительны. Отождествление познания с историей познания остается вне рамок интеллектуальной уместности. Возникает естественный вопрос: "Что бы значила всеобщая история всего, а не только обозримая часть истории человечества?" Человеческая история, как и история жизни на Земле, оказывается вырезом из всеобщей истории всего. Но что такое всеобщая история всего? Абсурд! Такой не может быть. Нельзя соваться с гоминид-

ным ры... в калашные ряды, ведущие к безотносительному и слитому в одно. Чуждая структура совершенно недоступна, как недоступны ближайшие буферы, но, благодаря тоническому, иногда почти открыт абсолют.

27. ИСКУССТВЕННЫЕ КАТЕГОРИИ

Не имеют прямого отношения к реальности, оказываются риторикой, а в лучшем случае попыткой метатеории. Это общее, всеобщее, частное, единичное, особенное, сущность, мера, противоречие, материя, связь, отношение, зависимость, состояние, становление.

28. КРАСОТА И ПРЕКРАСНОЕ

Филологически эти термины можно связывать, отождествлять, расставлять и относить к чему-либо по-разному. Однако некоторые тенденции уже есть в наличии: красота — это не что трансцендентное, а прекрасное — не что близкое нам и еще ближе, и предметнее — красивое. Можно ли с этим согласиться? Только частично.

Даже при отказе от отождествления красоты и прекрасного красота вполне ощутима. Красота не только трансцендентна. Прямые тонические символы не являются иероглифами и отличаются от предельного объекта только интенсивностью. Чисто чувственно почти невозможно принять эстетический релятивизм, но все-таки ум его возможность допускает. Какая-либо структура сама по себе может быть адекватной принципу красоты лишь для конкретных категорий субъектов. С тоничностью обстоит иначе: она есть или ее нет. Ее можно расценивать и как результирующую, и как первообразующую. В этом смысле прекрасное представимо как красота развернутая. Красота сама по себе является живым экзистенциалом, а не абстракцией и близка к Эросу как выходимости из абсолюта. Четкому рядоположению монокатегорий препятствует спутанность того, что принято называть архетипами. Разбираться в уродстве и сбитости буферных родовых

сознаний бессмысленно. Зато ясно чувство вылета из человеческой оболочки при постижении тонов предельных ощущений.

Рассматриваемое имеет ничтожное отношение к художественной прозе, нарративу, а потому постмодернистская эстетика, оперирующая представлениями о "тексте", более чем нелепа. В чистой поэзии важен не нарратив, не собственно речь, но наоборот — способы отвлечения от нее. Музыка звуков и смысловая рифма служат именно такой цели.

Нельзя всерьез относиться к тем теориям прекрасного, которые оставляют за своими рамками мистичность, психоделичность, реально данное волшебство.

Совершенство "по законам красоты" — нечто иное, чем совершенство функциональное.

Эстетическое и аксиологическое находятся в отношении пересечения, то есть аксиологическое не может полностью охватить эстетическое. Отнесение эстетических представлений к поведению и отдельным поступкам чаще оказывается сугубо метафорическим, связано с эмпатией, индивидуальным притяжением и отталкиванием.

29. ФАНТОМЫ ПОГЛОЩЕННОСТИ

С какой стати объективный мир должен быть продолженным субъективным восприятием? Чисто гносеологически поглощенность (проглоченность) универсальнее беспредметности и тоничности. Внутри нее находится всё философски несоразмерное: язык, культура, общество, история, память. В нее попадают все человеческие сферы, в том числе философия (в отличие от конкретного философствования). Все эти прагматические условности, играющие роль фиктивных опор, не имеют ни субъективного, ни объективного статуса. Интерсубъективность — не более чем висящая в небытии отговорка. "Третьего мира" Карла Поппера самого по себе нет: общечеловеческое ложно-истинное знание нигде не реет. Кажущееся взаимодействие с его фантомом в не-

которой степени подобно взаимодействию попытки реального воспоминания и предполагаемой "всей памяти". И там, и там не видно четко и однозначно прописанных способов частичной реставрации. Постпозитивистская натурфилософия — очередная неудачная попытка размыть собственно философию в философии науки.

Поглощенности нельзя разместить даже в буферном, поскольку всякое отдельно взятое буферное изнутри себя субъективно. Логически человек чаще имеет дело с десигнатами, а не денотатами.

Прошлое, будущее — всё это великий нерасчленимый мир поглощенности-проглоченности, которому почему-то не придают значения. Не о небытии идет речь. При этом вечности в качестве длительности не существует, как не существует беспредельности или бесконечности.

30. "ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ" СОЗНАНИЯ

Практически везде этот термин грубо ошибочно интерпретируется. Каждое из сознаний в составном человеческом сознании никуда не направлено. Под интенциональностью проще понимать неполную свернутость представлений, то есть наличность указательно-концентрированных представлений, как бы превращающихся в знак. Любая экстраактивность мнима. Фактически противопоставляют не внешнее и внутреннее, но одно внутреннее другому внутреннему. Аналогично отсутствию действительной экстраактивности отсутствует и действительная рефлексивность. Нечто видит само себя сразу без всякого поворота и такова его суть. Многочисленные структурные сознания-восприятия объединяются бесструктурными тоническими.

Более идиотского высказывания, чем "направленность сознания на предметы", найти сложно. Всякий раз танцуют сами сознания. Возможность господства бесструктурного над структурным наводит на мысль о первичности бесструктурного. Структурные сознания, взятые в отрыве от тонического, превратились бы в застывшие монады, не имеющие окон.

31. ОПЯТЬ "ЛИЧНОСТЬ"

В метафизике и чистой (центральной) философии вообще термина "личность" не должно быть. Отдайте эту фиктивную пакушку социологии. Там личность — совокупность неизвестно где находящихся потенциалов, наличие которых предполагается из анализа действий, мыслей и прочих проявлений поставленного в некоторую выдуманную координатную сетку воображаемого индивида-субъекта, соотносимого с некоторым рядом образов-воспоминаний. Для спасения такого рода представлений от обязательных нарушений их стабильности понадобятся всевозможные подпорки наподобие "нормы реакции".

32. "ПРЕДМЕТ"

В общем случае подразумевают выделенность чего-либо из некоторой области. Фактически идет речь не о выделенности из реального, но о выделенности из различного рода псевдосред⁴¹. Реальностью не может считаться и так называемый поток сознания. Отсутствие предметов здесь неизбежно приводит к мысли о беспредметности, царящей Там. Да и было бы нелепым где-то находиться тому, что на деле является деталями субъективно

⁴¹ ПСЕВДОСРЕДА. Фиктивная (идеальная) среда, которую стихийно (или в той или иной степени целенаправленно) полагают в силу каких-либо потребностей. П. противостоит реальным субъективным средам. Псевдосредный объект — несуществующий объект. В обыденности П. — суррогат восприятий, то есть несуществующее восприятие.

Подавляющее большинство научных знаний и представлений псевдосредны и являются знаниями и представлениями о псевдосредных объектах.

Псевдосреда — мнимый противовес незримой поглощенности, с какой всякий раз приходится иметь дело субъекту. Одно из значений псевдосред — в своеобразной мнемонике, которая компенсирует с помощью искусственных знаков недостаточный объем субъективно-реального здесь-теперь. /Выписка из Словаря БФ./

творимой карты. Фетишизация прагматических вещей затем становится фетишизацией заведомо идеального (несуществующего) по своим истокам. Так, философствование не есть исток того, что именуют философией как таковой. Те или иные внутренние поглощенности мы проецируем на условно растянутое небытие. Однако и эти поглощенности не совсем внутренни, поскольку нам не принадлежат. Одни миражи координируются с другими, но по сути все они нигде не находятся. А если вообще подумать? Мир разверток может даваться только субъекту, да и то частично. А обычно и его субъективная представленность чисто смысловая, а смысл в своей основе беспредметен и бестелесен. Более того — бесструктурен (важен набор штампов апперцептивных изменений). Одно бесструктурное пытается вскрыть другое бесструктурное. На таком фоне разница между предметом, объектом, вещью в большинстве рассмотрений нивелируется.

33. МИФ О БЕССОЗНАТЕЛЬНОМ

На первых порах можно ограничиться тем "бессознательным", что близко к человеческому сознанию. Однако даже в тяжкие для философии совковые времена наиболее осторожные мыслители (в том числе официальные) употребляли термин "несознанное". А деятели, потерявшие какое-либо стремление к точности, всю щеголяли термином "подсознание".

По совести говоря. Какое право мы имеем помечать ярлыком "бессознательное" то, чего не видим и к чему не имеем прямого доступа?

Имеет ли смысл признать тезис об относительности сознательного и несознательного? Слишком относительным тогда окажется сам этот тезис. Представьте, что своего собеседника вы называете бессознательным.

Психическая реальность за областью феноменов предполагается, но неизменно оказывается нонсенсом. В связи с этим психоанализ обречен на пребывание в качестве сказки, изредка полезной. Психоанализ не знает, что такое внефеноменальная "психическая жизнь". Проще и вернее говорить не о бессознательном,

но о перетолковании и критическом рассмотрении реальных феноменальных данностей.

34. УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ

Подразумевается не наука, а чистая негуссерлевская феноменология. Эдмунд Гуссерль, как известно, оторвался от собственно феноменов и погрузился (назад к Канту, а затем к почти средневековому реализму) в искусственный трансцендентализм⁴². Из всех констатаций о субъективном мире можно выделить максимально инвариантные. Их можно назвать предпозициями или про-позициями. В начале семидесятых годов прошлого века (в русскоязычных текстах за пределами формальной логики) это слово можно было писать без дефиса. К осторожному именованию "максимально инвариантные" приходится прибегать из-за возможности вполне сознательных состояний за гранью обычного бодрствования. Наукообразные "интерсубъективные" высказывания, наподобие "трава зелена", должны быть здесь элиминированы, поскольку во всякий данный момент восприятие любой травы может отсутствовать, хоть голубой, хоть бордовой. Примеры субъективных инвариантов: "ощущения есть", "что-то такое кажется существующим", "какая-никакая, но протяженность наличествует".

В качестве особой загвоздки можно представить себе субъекта, проснувшегося "без тела и души" в потустороннем мире. Но ведь в некоторых сновидениях мы именно так просыпаемся-оживаем, вдруг оказавшись в них.

35. "НАУЧНОЕ ОПИСАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ"

Принципиально невозможно. Реальностью наука не занимается. Сфера науки — предполагаемая карта действий, операциональные поля, мнимое продолжение экстрактированного вос-

⁴² См. с. 7 (Есть ли сущность у феноменов?).

приятия. Выйти за антропные рамки — большая сложность для науки. На любых создаваемых наукой уровнях продолжает так или иначе тиражироваться чисто гоминидная недостаточность.

Удивляться надо не антропному принципу в астрофизике, но чудачкам, которые не удосуживаются понять, откуда он взялся.

Чрезвычайно болезненный для многих постпозитивистов переход от непосредственных данных к естественным наукам не является чем-то фундаментальным, поскольку подходы к псевдосредам наук сортируются и отбираются сами по себе в силу чисто практической логики и почти независимо от эвристики и всякой неонатурфилософии. Доступа к скрытым стихиям человеческого муравейника у господ мыслителей не было и нет.

36. ВЕЛИКАЯ МЕЛКАЯ ПАКОСТЬ (ВМП)

Термин надо бы относить больше к литературоведению, творчеству Федора Достоевского. Однако Достоевский объявлен мыслителем. ВМП смотрится важнейшим и самым искренним компонентом совокупности его общих мыслей. В то время как призывы к религиозным позитивам смотрятся в его произведениях ходульными. Противоположный пример — Лев Толстой. Здесь окончательно (и даже рвано-патологично, с большим хрустом) сломан хребет помыслам о бытовых и духовных излишествах. Что напоминают воззрения и призывы Толстого? Многое, бывшее ранее. В частности, борьбу с папством и протесты против стиля барокко. Однако компонент низвержения заложен и в ВМП. Вспомните вещицы под названием: "Скверный анекдот", "Крокодил", "Бобок".

* *

Кстати, о барокко (не будем вводить новый пункт или примечание). Этот стиль хорош в архитектуре, музыке. Но живопись, скульптура... Вы, извините! После абстракционизма и прочих современных измов... Много, слишком много человеческого мяса, мяса, мяса... "Реалистические" и близкие к таковым портреты больше подходят для иллюстраций, а не галерей. Исключения

возможны, но как раз здесь они подтверждают родившееся правило. Стоит вспомнить древнюю заповедь: "Не сотвори себе кумира".

37. РЕАЛЬНОСТЬ КАЖУЩАЯСЯ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ

Не является ли реальность относительной характеристикой? Практически да, но не совсем. Большая часть того, что находится внутри субъективного сознания, мнима. Выделить из субъекта часть чего-либо полнобытийного сложно. С другой стороны, и абсолютен не совсем абсолютен, если иметь в виду его соотношение с тем, из чего он образовался. Можно даже говорить о смерти абсолюта. Его существование в довремени, в недобытии — мимолетный проблеск, нечто подобное сцинтилляции. Физики трактуют подобное на свой лад, как "большой взрыв" с последующим распадом всех элементарных частиц и гибелью астрономической вселенной.

Реально ли недобытие? Разговор об этом не имеет смысла, поскольку недобытие недобытийствует. Нельзя отрицать одного — самостоятельности недобытия и его внелогичных степеней свободы. Бытие, будь такое на самом деле, похоже на случайную улыбку прорвы. Тем не менее за бытием-абсолютом остаются атрибуты самодетектированности, самосфокусированности и нефизичности.

38. ПРОТЯЖЕННОСТЬ И БЫТИЕ

Г. В. Лейбниц смешивал представления о протяженности и пространстве. Сверх того, он отвязывал протяжение от сознания. Его монады каким-то чудом оказывались непротяженными изнутри самих себя.

Пространство, в отличие от протяженности, относительно. Ему могут приписывать дополнительные по отношению к чему-либо свойства: право-лево, верх-низ, вперед-назад, центр-периферия, изотропность-анизотропность, число измерений... Но главное — относительный размер. Пространство мультиплици-

ровано и словно бы образовано временем ("темпоральностью" в узком значении), протяжение может оставаться неопределенно выплеснутым.

Лейбниц был солидарен с абсурдом европейской мысли, считавшей дух-сознание непротяженным. В этом атавизм наивного реализма, полагающего феномены чем-то внешним, отделяющего их от сознания вообще. Зрение чрезвычайно удобно, но своей искусственностью, заведомой подогнанностью постоянно вводит в интеллектуальное искушение. Метод исследования, направленный в досубъективность, — археология сознания. Этот метод уничтожает структуры в самом зародыше как зрительно-временные напластования. Таким же образом можно убить пространство, но нельзя убрать протяженность. Протяженность чего? Чувствовалища как такового. Проникнуть дальше абсолютного чувствовалища (разумеется, частично) невозможно. А причем здесь бытие? Вопрос о бытии нам навязан историей философии. Никакого бытия нам и не надо. А если мы все-таки подцепили такой термин, то можем говорить о полном и неполном бытии. Чувствовалище тождественно чувствуемому. Опять возвращаться к этой истине не будем. Доверять йогам не нужно. Достаточно занулять одни каналы и двигаться по другим. Погружаться в нирвану ни к чему, но то так, то сяк касаясь ее частично, можно понять, что она такое, что такое абсолют. Здесь сознание, протяженность и бытие оказываются одним и тем же безличным. Все это генерируется-детектируется одновременно с реактивностью. И разумеется, нет ни центра, ни периферии, ни прочих характеристик пространства. К тем же выводам можно прийти и чисто логически, как это делали элеаты, либо эстетически, отправляясь в неструктурное путешествие от шедевров искусства. Многие считают слово "оргазм" нецензурным. Хи-хи, ха-ха — закрывают пальцами себе рот. Или подолом голову. Есть четыре вида оргазма. Из них три не имеют отношения к половому поведению, а четвертый — не обязательно. Отчего же хвифософы забывают об этих вылетаниях из мира обычных иллюзий?

39. ПРОСКОКИ ТЕОЛОГИИ

Даже если четко доказать наличие некоей суперсубстанции, "высшей силы", надмирного или предмирного "существа", то из этого наличия вовсе не следовали бы предполагаемые теологией обязательные соотношения между этим наличием и человеческими субъектами. Действительной высшей силе, будь такая на самом деле, не требовалось бы ни человеческое прославление, ни человеческое служение. Подобное — рудимент пещерного идолопоклонства. И вот, пожалуйста! Чем занимаются ангелы? Они славят бога. Чем занимаются в раю души праведников? Они славят бога. Ведь должны же они чем-то заниматься, не могут же они просто так висеть, а тем более стоять или сидеть. Но подобное смотрится абсурдом даже в светском стихотворении. В атеистических религиях подхалимаж направлен к метафизическим куклоформам бодхисатв, верующие пристают к ним со всякого рода мелкими и суетными бытовыми просьбами.

А эскулапы-атеисты, прознав на своей практике что-либо о вероятности посмертного чувствования, иногда срочным образом бегут воцерковляться, оптом принимают весь корпус догм конфессии.

Разумный скептицизм позволяет заявить: "Нет ни материи, ни бога".

Человеческий субъект не обладает полнотой сознания, оттого что слеплен из массы разнообразных сознаний, количество в нем преобладает над качеством. На полноту может претендовать только сознание элементарное, простейшее. Это великое чисто качественное моносознание было бы по некоторым параметрам примитивнее человеческого. Для трансцендентного структура — симптом вырождения.

Тайна и чудо? На них упирает околочеловеческий экзистенциализм. Чем не тайна закрытость и завёрнутость? Однако многие ощущения не упираются в закрытость и сквозны, идут изнутри себя (звук, аромат, боль). А чудом можно считать любое явление и бытие как таковое.

Вера, внушение, самовнушение. Оперативная среда связана со всевозможными микросуггестиями. Было бы неплохо задуматься о суггестии первичной, связанной с возникновением бытия. Там, где тождество бытия и сознания наиболее строго и четко.

Удобства ради, можно представить бытие (или "бытии") как паразита на недбытии, на ни-том-ни-сем, но это не будет исчерпывающим описанием, поскольку для недобытия ничто не имеет значения. Никакое "что" никак не влияет на недобытие, не убавляет его и не прибавляет. Недосуществование в этом смысле недоступно существованию, хотя является источником всего. Какой-то борьбы за доступ к "недо" не может быть. Однако для структур этот доступ затруднен еще их подвешенностью, вторичной иллюзорностью.

40. СТАТУС СООТНОШЕНИЙ

Внутри псевдосред везде и повсюду даются не сами объекты, но результаты их воздействий, да еще в виде заторможенностей, связанных с длённостью восприятия. Псевдосреды превращаются в расплывчатый кисель. Нельзя выстраивать модели предполагаемого потустороннего по образцу и подобию человеческого сознания-восприятия. А если не даются или отсутствуют сами объекты псевдосред, то во что превращаются соотношения между ними?

Развертки псевдосред условны и искусственны. Зато удостоверимо развернуто субъективное сознание. Характер соотношений внутри него зависит от конкретного феноменного топоса. Уже в первичном зрительном сознании соотношения наглядно растворены в структурах; в прочих феноменных данностях структуры отступают, имеют меньшее значение, а о соотношениях далеко не всегда можно говорить. Вроде бы должны быть соотношения между разными макровосприятиями (зрительными, слуховыми, соматическими, прочими), но именно они-то не топологичны и чисто умственны; существование словно бы рассыпается на различные миры, "резонанс" между которыми не столь

уж очевиден, его понимание неотделимо от скраденных до исчезновения воспоминаний.

И там, и сям приходится иметь дело с инерционно представленной распластанно-сплющенной микроисторией действия, а не с чем-то самим по себе. Повсюду одно микромельтешение и нет того, что мельтешит.

Человеческое сознание здесь-теперь представляет собой нечто вроде вырванного среза. Его неполнота по логике должна требовать заполнения. Множественности сознаний внутри одного сознания для этого недостаточно, поскольку все они не имеют за собой узримой опоры. Выискивать в этом дефекте косвенно данное предбытие проще, чем в предполагаемом перезаполненном и сомкнутом абсолюте.

41. "ОРГАНИЗМЫ"...

"Организмы", агрегаты и конгломераты из сознаний иногда могут даваться другим сознаниям (в том числе сложным) в виде всякого рода образов или ощущений различной степени ясности. Можно обратить внимание на нетождественность и отсутствие логической изоморфности того, что дается, тому, что наличествует в полной мере. Словосочетание "метафизический механизм" совершенно не звучит. Остается только апелляция к происхождению и выходу структурного из бесструктурного. Неполнота субъективности, узрение им исключительно призраков ведут к практическому постулату псевдоматерии, к расчерчиванию сферы деятельности по принципу Птолемея, понимаемому в широчайшем смысле. Весь мир превращается в совокупность псевдосред.

42. "ПОСТУЛАТ БЕРГСОНА"

Анри Бергсон исходил из того, что последовательность движений не отображается в человеческом уме, а движение суще-

ствуется само по себе⁴³. Якобы материальное. Похожие истины изрекали многие. Загвоздка здесь есть уже на уровне натурфилософских псевдосред: ничтоже сумняшеся все почему-то рассматривают макротела. А как же в отношении микрообъектов, нарушающих принцип непрерывности? Квантующихся? Вроде бы может иметь место нечто наподобие тех же многоупомянутых кадров киноленты или стробоскопа. "Стрела" и Ахиллес с черепахой должны быть изъяты, как недопустимые упрощения. Натурфилософский мир словно бы пульсирует. Еще больший ушат на голову нам выльет метафизика: 1) порождение-поддержание-детектирование бытия из недобытия имеет ментальную природу; 2) постабсолют (субъекты) оказывается иллюзией второго порядка. Таким образом, все гносеологические шишки и занозы достаются предбытию как внелогичному источнику всего.

43. МЕХАНИКА В МЕТАФИЗИЧЕСКОМ? (К пункту 41)

Механика и метафизическое — вещи несовместимые. Принципы сознания и его продолжений в глубь себя иные. Какие там могут быть шестеренки? Намек на механику дает кишение великой массы субъективностей. Сознания, относительно отвязанные друг от друга (без учета возможности их общего происхождения), как уже говорилось, иногда предстают друг другу в виде образов и ощущений. Явная и неявная попытка рационально-прагматической обработки этих образов порождает дисконтинуум псевдосред и своего рода искусственную псевдоматерию. Направленность метафизики прямо противоположна названному.

Самодетектирование объективного сознания говорит о его почти такой же микрослепоте, как и сознания субъективного. Замазывание и лакировка провалов объяснима недостаточной способностью ментального разрешения. Полученная внутренняя внятность сопровождается потерей изначальных степеней свобо-

⁴³ А. Бергсон. Творческая эволюция. Гл. 4.

ды. Исходная дефективность абсолюта дает начало его расслоению на моносубъективности и последующим их комбинаторикам с образованием суперсложных сознаний. И конечно, производные моносознания обладают большими степенями свободы, чем исходное. Получается, что они сразу и "после" и "до", смотря какой их параметр рассматривать. Они и вычлененности, и сателлиты одновременно. По сравнению с абсолютом их тоника неполна и является частью тоника абсолюта, но кто запретит рассматривать их как незавершенную попытку самодетектирования из недобытия?

Бытие наполнено неразличимыми для него провалами. Желание дойти до завершающей теории движения в постабсолюте должны прежде всего проверять скачкообразно-челночные модели ее построения. Этот мир мерцает в самом разном смысле. Вплоть до полного уничтожения.

44. СИМВОЛИКА РЕАЛЬНОСТИ

Касается малой интенсивности, субъективно представляющей большую интенсивность. Тонические ощущения от послезакатных туч или живописной картины могут четко говорить об ином или напоминать его. Первичная видимость, сцепленная с такими феноменами, не имеет отношения к предчувствию потустороннего. Более интенсивная тоника, увиденная через посредство слабой тоника, может как разворачиваться, так и не разворачиваться в образы представлений. Узримые усиленными ощущения грандиозности, таинственности, ужаса и др. или остаются сами по себе, или вызывают какого-либо рода мысли и неинтеллектуальные апперцепции, почти не связанные с исходными данностями.

Главные символы русских символистов на пике выразительности вовсе не те, какие авторы объявляли таковыми.

Показательно разрастание разверток от неакустических (эмотивное и др.) и акустических тонов в сновидениях.

45. ЭКСПЛАНДУМ И ЭКСПЛАНС

Экспландум может быть не только "явлением", но и какой-либо представленностью последнего (описанием, образом-картинкой, указанием в его сторону). Под эксплансом обычно понимают объяснение. В формальных системах дело может переворачиваться: экспландум оказывается выводом из экспланса, то есть здесь он вовсе не то, что объясняют, но итог объяснения, а объясняемое — нечто иное.

Положение: "объяснение — функция науки"⁴⁴ легко подвергнуть сомнению с учетом вышеизложенных пунктов, но не меньших придинок заслуживает и философия. Если наука фактически опирается на систему связанных с практикой жестких фикций, то философия не столько объясняет, сколько разъясняет, именуется и переименовывает с целью добиться точности. Однако в философии экспландум может неуловимо прерывистым образом отождествляться с мимопроходящим объясняемым, когда под ним подразумевается субъективное сознание. В нормальном случае никому не нужны гуссерлевские сущности-выжимки. Они заведомая выдумка, ложная попытка превратить философию в псевдонауку. Понятно, что в отнюдь не уникальном случае сознания-экспландума теоретическое правило о выводе экспландума из экспланса теряет силу. Сверх того, требование "научности" экспландума оказывается абсурдным. Что остается философии? Необходимость критической сосредоточенности. Критика здесь никак не сможет увести в сторону или вызвать мировоззренческие аберрации, поскольку сознание-восприятие (я-среда) с его инвариантами дается почти даром в каждый следующий момент.

46. ИТОВОСТЬ ИМЕНОВАНИЯ

В мышлении, намерении имена чего-либо могут не употребляться. Они требуются в основном для коммуникации и записи.

⁴⁴ Этот лозунг взят в качестве названия одной книги. См.: Е. П. Никитин. Объяснение — функция науки. — М.: Наука, 1970.

"На каком языке вы мыслите?" — спрашивают у владеющих несколькими языками. Однако обращение к словам необязательно, хотя характер мышления может соответствовать конкретному языку.

Высший пилотаж — мышление невербальное и необразное, мышление сознательными импульсами. Принцип "вернуть неразвернутость" здесь осуществляется только частично, поскольку специфическое самостоятельное время (и соответственно развертка по этому параметру), оторванное от результирующего субъективного, продолжает жить.

47. ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

Является ли субъективное действие подлинным образом в какой-то степени объективным? Или в какой-то степени скоррелированным с объективным? Сразу ясно: 1) субъективное действие соответствует изменениям в буферах (часть из них временно и не совсем удачно называли "коллективным бессознательным"); 2) оно никак не затрагивает пробытие, предбытие (будучи кровно связанным с ним); 3) оно никак не затрагивает полное объективное бытие в прямом смысле (абсолют). Тем самым становится понятным, что субъективное действие: 1) не столько интересобъективно в традиционно понимаемом смысле, сколько нечеловечески полисубъективно, 2) "субъектами" здесь в основном являются нечеловеческие сознания, 3) в итоге мы имеем не что иное, как большой космический иллюзориум. Я уже несколько раз отмечал: слова "иллюзия" не стоит бояться. Иллюзия для того, кто является иллюзией, состоит их массы иллюзий, достаточно тверда. Для нас чужие субъективности завернуты и в своей массе на практике представляются псевдоматерией (не субстанцией). Идет живое омертвление живого. Смешным образом из-за множества переходных ступеней паразитирование на том, что принципиально неисчерпаемо, оказывается делом затруднительным.

48. БЫТИЕ-В-МИРЕ?

Это в каком таком? В мире феноменов? Вроде бы не о нем речь. В мире связанных с практическими действиями фикций? Конечно, нет. Нам предлагают забыть обо всем и вернуться в пещеру святой простоты, животных инстинктов и растительных тропизмов. Экзистируй, экзистируй и на пуп себе смотри. В любом случае бытие-то неполное, частичное, вырвано-выдрванное, иллюзорное. Даже самосущный абсолюте собрал-собирает себя в качестве именно иллюзии. Жизненный порыв? Воля ничего не создает, её ничтоже сумняшеся толкуют как кому вздумается.

Вся проблема в неверном понимании интенциональности, связанном с наивным введением гомункулуса внутрь совокупности феноменальных сознаний, который якобы за чем-то "наблюдает". Разные сознания живут в субъективной оболочке сами по себе. Каждое из них видит только себя и является собственной начинкой. Видимый шкаф есть собственное сознание-образ. Есть сознания соматические, есть сознания-апперцепции, сознания-воспоминания. Никакое эго ими не управляет и за ними не следит. Никакое эго не мыслит. Бытовое высказывание "я мыслю" смотрится дикарством. Мыслит только мысль. Разнообразные сознания-развертки кажутся слепленными благодаря явным и неявным свернутостям, наличию особой топологии пересечений, объединений и наложений.

Заявят, что вербально выраженная мысль содержит в себе отсылку куда-то. Это, господа, ваши фантазии. Просто так принято считать, принято упрощать, дабы всякий раз не копать в путаных феноменологических лесах. Обыденность и наука проскакивают мимо и правильно делают. Однако в философии подобное недопустимо. То, что именуют мыслью, многослойно и состоит из массы тончайших сознаний, далеко не всегда сцепленных с образами знаков, просто образами и далекими указаниями. Ощущение смысла может размазано и инертно повиснуть, но прочие элементы квантуются по малозаметным локусам субъективного времени. Сверх всего прочего, реальный феноменальный ум многое отдает несуществующему идеальному разуму — заведомой

фигции, ложно подменяющей метасознательные поглощенности. Несуществованию разума вполне соответствует несуществование понятий. Господам книжникам и начетчикам сложно управляться с реальными и тонкими вспышками смысла, обращаться с мыслью как с мышцей. Поэтому они напридумали себе всякого рода фантомические "идеальные" объекты. В науке? Да сколько угодно! В философии? Идите вы огородами.

Не будем брать высказывания наподобие "Сократ смертен". Их легко замкнуть на самих себя или придать им разнообразный веер значимостей, ни к чему не обязывающий. Возьмем самое обыденное. Пусть кто-то стоит перед домом и заявляет: "В подвале мяукнула кошка". Человек здесь. Кошка там. Разве мысль не направлена? Но это мир прагматизма, постулирующего оперативные поля. Реально даны феномены и только они. А что здесь? Воспоминание о звуке мяуканья. Это воспоминание закреплено высказыванием. Только и всего. По-гуссерлевски заявлять о трансцензусе и кошке как вещи в себе просто смешно.

Итак, субъективная реальность остается внутри себя самой. Позиция Мартина Хайдеггера с самого начала является антифилософской⁴⁵.

Но нельзя отрицать закавыки предположения о наличии полноценного бытия под пленкой субъективности, то есть в металили досубъективности. Увы, действительно наблюдаемого контакта с ноуменом нет. Мировоззренчески субъективность завязана на ноумен, а не ноумен на субъективность. Ошибка большинства теистов заключается в том, что они пытаются смотреть куда-то на небо и медитируют на него. Многие экзистенциалисты предпочитают в качестве исходной точки либо философиченный наивный реализм, либо псевдосреды обыденности (или науки), превращенные в "сущее".

⁴⁵ См. с. 31 (Лукавый Хайдеггер).

В любом из рассмотренных вариантов к совокупности феноменальных сознаний добавляется еще одно, играющее роль символического репрезентанта существующего или несуществующего потустороннего. На деле оно растягивается и сжимается так и сяк, оказываясь своего рода моделью, подменяет собой предмет веры, убеждения, логического или чувственного вывода-доказательства.

49. ЗИЯНИЯ АКСИОЛОГИИ

У ценностей нет бытия? О тех ли ценностях идет речь? Не имеем ли мы вообще провалы внутрь ценностей? А если это обратная сторона медали? Нужно начинать с реальности. Субъективно реален даже указующий тонический символ. Реальное в той или иной степени бытийно. Как раз объявление ценностями чего-то идеального всенепременно ложно.

Является ли ценностью что-либо опосредующее, косвенное? Скажем, деньги или золото? Господа-товарищи, не надо в аксиологию впутывать практику. В ней царствует беспардонный идеализм. Пусть социологи путаются в собственных системах отчета.

Не менее нелепо сближать ценности с долженствованием. Для сознания нет ничего долженствующего. Ценность не может рассматриваться как нечто обязательное.

Чистые субъективно-органические отрицательные ощущения не являются отрицательными эстетически и субстанционально. В отсубъективном абсолюте они сливаются, никак не нейтрализуясь, с положительными (ощущение присутствия Бога у некоторых психотипиков).

Парадокс⁴⁶ оцененности реактивных ощущений столь же мощен, как и психофизиологический, он еще раз подтверждает фундаментальную неонтологичность псевдосред науки. Реактивная чувственность может быть как переходящей, связанной с но-

⁴⁶ БФ, 2.2.1.

визной, неизвестностью, фазами психического развития, так и инвариантной. Трезвое отношение к ценностям невозможно без опрокидывания трансцендентальных фетишей. А трансцендентное светится внутри субъективного в виде уже названных тонических символов, иногда дающих реальные мистические восприятия.

Связанные с относительным смыслом жизни и целеобразующим сверхдействием субъективные мегаценности, с внешней точки зрения, могут представляться достаточно произвольными. С этим вряд ли согласится их конкретный носитель. Однако при желании здесь можно отыскать нечто базово примитивное, скажем, стремление к доминированию в чем-либо или инстинктивное противодействие интеллектуальной деградации, стремление к тому или иному жизненному наполнителю. Последний как раз определяется возможностями и способностями, что уже не так произвольно. В противовес этому легко выставить обычный рефлекс цели и некие подспудные влечения. Итак, легко подвергнуть критике и самокритике расширенное понимание субъективных ценностей, но их целеполагающее значение вполне можно вычислить задним числом. К сожалению, ценности, вырванные из конкретного реактивного контекста здесь-теперь (пусть даже застывшие вне времени) приравниваются к манипуляционным фикциям. Что остается чистой философии? Только ценностная окраска эстетических и близких к ним реактивных ощущений. Прочее стартует либо в сугубо витальную органику, либо в область псевдосред. Нельзя не отметить особенности употребленного здесь термина "окраска". Подразумевается вовсе не некое атрибутивное свойство, но собственно феноменность феноменного. Эта окраска — сама тоническая беспредметная реактивность, тяготеющая к полной бесструктурности.

50. ПРИЗРАК ИДЕАЛИЗМА

Именуемое философией иногда включает в себя озарения, открывающие некоторую область, которая не есть ни наука, ни искусство, ни религия. Как раз ее и следовало бы обозначать тер-

мином "философия". Однако людям неймется, во все века эти озарения смешивали со всякого рода бытовыми соображениями и мусорными терминами. Мусорным для философии является почти всё, что имеет оттенок идеализма и материализма. Последний всего лишь разновидность первого. Есть мыслители, стремящиеся вообще уйти из философии и превратить ее в нечто несообразное (М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр.), и есть пытающиеся безответственно расширить ее границы (Н. Гартман, Х. Г. Гадамер). Расширение обычно идет за счет натурфилософии, всякого рода прикладных областей и рассуждений, почерпнутых в междисциплинарных дискуссиях.

51. НУЛИ-ПОНЯТИЯ

Реальные самостоятельные ощущения смысла достаточно свёрнуты. Их расплескивания и смещения не обязательно сопровождаются апперцепциями, накладываемыми на зрительное поле. Замена смыслов знаками во многом нивелирует их тонкие феноменальные особенности. Легкость и тонкость тех ощущений смысла, что более или менее отделились от прочих феноменов, вполне можно уловить, но некоторое утяжеление им может придать само к ним внимание. Аналогичное дает привычка привязывать к ним слова, хотя слова не всегда являются необходимостью.

Феномены, оторванные от смыслов, невозможны. Любой феномен представляет собой сознание сам по себе. Трафаретное противопоставление "органа чувств" как данности призрачного соматического облака конкретному восприятию дает массу ложных посылов. Внимание, концентрация могут быть и там и сям, но сознанию никогда не нужно глядеть на самого себя, поскольку сознание и самосознание тождественны. Дополнительной рефлексии, вообще говоря, не существует. Описания чего-либо никак не накладываются на описываемое и принадлежат уже другому времени и принципиально иной среде. Внутри описаний превалирует знак. Знаки играют роль зарубок, отметин, рисок, поэтому манипуляции с деталями описаний приобретают механический характер. Принято считать, что используемым знакам

терминов соответствуют идеалистические фикции, под названием "понятия". Зачем нужен этот обман? Достаточно периодически возникающих смысловых концентратов, той или иной степени свертки. В этом есть намек на дочеловеческую, доорганизменную природу мысли, на заведомую искусственность пространства и времени.

52. ВЕРБАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ

Мудрецы в тупике и в ужасе уставились на древние ворота. Они как-то подзабыли, что слова требуются вовсе не для мышления, а для болтовни, то есть общения. Мыслить без слов куда надежнее и удобнее. Правда, многие, размышляя, разговаривают сами с собой, иногда даже вслух. Вредных привычек у нас предостаточно, а это застарелая, какая-то ученическая привычка. Кушайте себе на здоровье ноэзис и ноэму. Сдается, живая клетка дубового листа умнее человека и гораздо ближе к богу. В отличие от слабого человеческого сознания абсолютом не разделен на триллион частей, а потому чувственно-смыслово интенсивен, хотя формально-структурно примитивен. Чрезмерно интенсивный смысл беспредметен. Зато для него нет тайн памяти и времени.

Знаки хороши только тем, что иногда их можно использовать в качестве зубчиков шестеренок, втискивать их в арифмометры и более сложные машины. Но всякого рода организации вовсе не машины и больше напоминают кораллы или растения. Слово "машина" применительно к обществу метафорично.

Продолжают путать разные роды мышления: свободную апперцептивную мысль, принимающую разнообразные формы и мысль как внутреннее содержимое-самоподачу-себе-самому любого феномена. При этом исходная апперцептивная мысль сама не перестает быть феноменом. При ее изменении она отождествляется с образным или иным появившимся содержанием. Знаковые привязки не должны сбивать с толку. Интересно другое: можно быстро проворачивать знаки подобно арифмометру или движку логарифмической линейки и почти ни о чем не думать.

Конечно, философствовать подобным образом нельзя. Маху дал не только Людвиг Витгенштейн.

Представление о "предмете мысли" относится к обыденности и науке, а не к философии.

53. ФАКУЛЬТЕТ

Может ли философия существовать на факультете? А при факультете? Немцы настроили таким образом всевозможных философий, что не продохнуть от запаха канцелярии.

А все эти кафедры? Получается, что большинство из них имеют довольно косвенное отношение к сути. От философии ничего не остается. Вот занимающаяся чепухой (в плане заявленного кредо) кафедра гносеологии и онтологии, а вот масса других кафедр, которые разбавляют мысль до минимума. Что остается от философии в процентном отношении?

А на поверку? Никто не может научить писателя писать. Аналогично не смогут и научить философствовать.

В глубинке, где не хватает кадров, логику могут преподавать математики, эстетику — искусствоведы. Но при этом будет жаль и логики, и эстетики. Но как кафедра классической филологии филфака вам преподаст греков? Однако в чем-то она даст их лучше, чем преподаватели античной философии, не знающие языков. В любом случае всё идет как-то не так в датском королевстве.

Сколько требуется непосильных трудов, чтобы создать курс лекций, но смысл и назначение его теряются в сумерках. Именно здесь нельзя прислоняться к традициям. Преподавательская работа в библиотеке накануне лекции принесет больше вреда, чем пользы.

А самой философии противоречит почти всё, особенно писание статей. Нужно учесть и то, что философия в главных своих чертах не является наукой и противоположна ей.

54. ОБ ИНТРОСПЕКЦИИ...

Большая поправка: в действительности интроспекцией является и так называемое "внешнее восприятие". Всё есть интроспекция, но при отсутствии общего наблюдателя-гомункулуса. Любой из феноменов наблюдает сам себя и в этом его суть. Ощущаемые "тела" только себя и ощущают, но никуда не смотрят. Нельзя отождествлять "я" с ощущающими себя "горлом", "лбом", "глазами" и тому подобным. Лучше считать, что "я" нет и это будет косвенным образом правильнее. Оно только пассивная звучащая сама для себя беззвучная мелодия. Сравните с гудением трансформатора, а лучше — с сигнальным светодиодом на нем. А заявлять здесь о [я] как замене имени смешно. Интеграция, когда она есть, осуществляется не механической суммой, но тонкими бесструктурными ощущениями, соответствующими пересечениям части феноменов.

55. СКУДОСТЬ ОНТОЛОГИИ

Если не строить метафор, то для позитивной онтологии почти не остается места. Показать на нее пальцем невозможно, но мыслью внутри мысли — вполне. Объективный мир как бы и не мир, а нечто иное. Объективным нельзя назвать не только реальное (феноменальное) человеческое сознание, но и любое множество подобных ему сознаний. Многое что вроде бы наделено сознанием, тем не менее, словосочетание "множество субъектов-сознаний" ложно, поскольку всякое сознание относительно. Субъекты-монады оказываются разведенными по разным плоскостям. Даже в том гипотетическом случае, когда одни субъекты скрытым образом образуют других.

Объективным не является небытие, ergo и все условно втиснутое в него понарошечное, то есть идеальное.

Объективен абсолют (для человеческого субъекта), но внелогичное недобытие (добытие, ни-то-ни-сё, pre-being) объективнее всего.

56. ПРИМАЗЫВАНИЕ НАУКИ

Без конца пытаются втащить натурфилософию ("философию" науки), методологию науки, всевозможные междисциплинарные вопросы внутрь философии. Чаще всего это делают с целью облегчения собственной жизни, нежеланием связываться с центральным мировоззрением. Вследствие такого положения идет дискредитация философии. Собственно философские проблемы в связи со всем этим подвергли чудовищной аберрации. Странная тенденция запрячь науку и философию в одну упряжку объясняется фиктивностью, ложной картографичностью знаний, вытекающих из практики. Они подстраиваются не столько под некие "внешние объекты", сколько под нагромождение субъективных суперсознаний, в том числе буферных по отношению к широко понимаемому человеческому восприятию.

Еще никто не зафиксировал какую-либо пользу от всеобщей наукообразной "прикладной философии" ни для науки, ни для чистой философии. Подобная "прикладная философия" похожа на инфекцию. Зараженные ею находят нишу для собственной деятельности, но не более того.

Следовало бы выделить некоторую грамотную наукологию и не путать ее с философией и с психологией умственного труда. Психология интеллектуального труда должна косвенно развенчивать массу наивных сциентистских догм. Однако вряд ли в этой области родится что-то фундаментальное. Диффузность, отсутствие фундамента есть и в проектах наукологии. Это и принуждает её к смешению с философией. В итоге философия оказывается катастрофически загрязненной.

57. ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ И ДО НЕГО

Иррациональное логично и бытийно. Его можно обозначить как первоментичность, первопамять с отсутствием скрытности. Моделировать иррациональное нельзя на осязательных и зрительных ощущениях как заведомо умноженных.

Внелогичное добытийное само по себе (без мысленных проекций откуда-либо) не является ни рациональным, ни строгим иррациональным. Будучи мощнее, самостоятельней и доиррациональней бытия, оно никак не определяет собственный статус. У него не может быть никакой памяти. Отсутствие такой инерции убивает возможность неиллюзорной бытийности. Бытие — своеобразная ошибка, начало кажимости.

58. НЕИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОМЕЖУТОЧНОСТЬ

Речь идет о наличном сознании и возможной буферной вписанности его в сознание чужое и чуждое, в том числе как предсознание нового сознания. Логика: если есть сознания буферные данному, то и данное сознание может оказаться только ступенькой, пусть даже частично. Такое, на первый взгляд, фантастическое предположение не подлежит натурализации. Его не следует оформлять как метафору чего-либо, искать естественные пунктиры осуществления. Этажерка Рода может состоять только из заведомо относительного и внефилософского. Нужно исходить и из того, что бессознательного в прямом смысле не существует.

Первые кандидаты на прорыв всех этажей — бесструктурные тонические ощущения, неразвернутые феномены.

59. "ОРГАНЫ ЧУВСТВ"...

Рассуждений об органах чувств не избежать на этапах введения в философию. Однако в главном аппарате философии никаких физиологизмов не должно быть. Зато не обойтись без психологии, даже в силлогизмах. В отличие от науки философия должна видеть чувствуемость мысли. Неощутимых мыслей нет. Абстракции — это фантастика. И не вербальные горизонты имеются в виду, но прежде всего чисто смысловые. Нет ничего непротяженного, но протяженность мыслей соответствует конкретному виду перцепций-апперцепций-расплёскиваний и не имеет никакого отношения к пространственной метрике. Наибольший интерес представляет собой мысль, свободная от обслуживания чего-

либо, бессловесная и беспредметная мысль сама в себе и вне конкретных субъективных координат. Именно здесь нужно искать выходы из давно надоевших антропоморфизмов. Если подобные поиски не вызывают головной боли или какой-то сходной симптоматики, можно обнаружить пропринципы всякого рода "соотношений неточности".

Вот он дух? Давайте, не будем употреблять этого сомнительного слова. Ощущение "я"? Оно совсем другое: данное как микроэрос (микрореактивный плюс) беспредметное ощущение присутствия. А наблюдателя-гомункулуса нет уже в силу того, что собственные самосмыслы есть у всех ощущений-восприятий-сознаний: "внешних", "внутренних" и каких угодно. О всей этой привязке к антропному неплохо хотя бы иногда забывать. В любом случае в субъективном сознании четко различимы разрозненные остатки первобытия — абсолюта.

60. КЛУБОК ПЕРЕСЕЧЕНИЙ

Это главное содержание я-среды, то есть совокупности неравномерно открывающихся субъективных сред. Высказывание "момент времени" применительно к нему довольно условно, более значима инерция, связанная с воспоминаниями и намерениями. Значительная их часть, оставаясь актуальной, находится в свернутом виде и может выражаться в более или менее нейтральных чувствованиях. В любом случае стержнем существования, присутствия-неприсутствия и здесь-теперь-так расплёскивания оказывается бесструктурное, "нетекстуальное", неязыковое вообще. Не надо принижать первую "сигнальную систему" (в нефизиологическом, сугубо феноменологическом понимании, с включением в нее эмотивного). Она превалирует над второй и способна уходить от утилитарной конкретики. Подобный "контрструктурализм" принципиально иной, чем современные решения, формально относимые к постструктурализму.

61. ЭПОХЕ

Первым на эпохе решился вовсе не Эдмунд Гуссерль. Оно отчетливо чувствуется в мыслях Декарта, Беркли и Юма. Дух эпохе так и витает в сомнениях античных скептиков. А Кант и Гуссерль как раз его изувечили. Мах и Авенариус всё перепутали. Хайдеггер и Сартр свалились в колодец с помоями. Современные писатели-мыслители живут без эпохе, либо пытаются его имитировать применительно не к феноменам, но к своенравно избранной той или иной гносеологически никчемной области. Никакая чистая философия невозможна без эпохе. Эпохе отсутствует в приложениях философии, в том числе в трактовках истории и социологии, и, конечно, в философии естественных наук.

ПРЕДДВЕРИЯ ФИЛОСОФИИ (2001 г)

Сорок пунктов

(Для тех, кто не воспринял "Контрконцепты")

Введения в философию, вообще говоря, не являются самой философией. Они вынуждены и приводятся в связи с отсутствием у многих необходимых для философствования сосредоточений. Каждое из введений представляет собой своего рода ступень, трамплин для оборачивания сознания к собственно философии, превращения философии в функцию сознания. К сожалению, все эти ступени разрозненны и не образуют единой лестницы.

Я встречал немало людей, которые тот или иной этап давно прошли, а иногда таких, которым многое и так ясно, причем на самом деле. Тем не менее большинство так называемых интеллигентов о ступенях-этапах ничего не ведают.

Иногда люди, совершенно далекие от философии, над предлагаемыми ниже проблемами много раз задумывались, решили для себя так или иначе многие из этих проблем, либо склонились к агностицизму и (либо) скептицизму, а есть профессора философии, которые механически сдали необходимые экзамены, прошли нужные курсы, защитили диссертации, сосредоточились на модных или престижных вопросах, но до введений в философию лично для себя так и не дошли. В этом нет ничего удивительного: преподаватель философии — это еще не философ. В принципе можно вообразить пусть не выдающегося, но относительно хорошего преподавателя рисования или живописи, который сам рисовать или писать маслом не умеет по какой-то сторонней, скажем, чисто физиологической причине или инвалидности.

Рассматриваемые ниже схемы, условия, ситуации, конечно, важны и в качестве объектов медитаций: медитация может усилить внимание и сосредоточенность, изменить направление мыс-

лей. Но обычной медитации мало. Требуемую нам активную интеллектуальную медитацию назовем логацией. Почти любая логация требует времени, самомышления. Далеко не все могут постичь ее суть при первом же обращении к ней.

Я решил не систематизировать логации по группам. Они даны в той последовательности, в какой пришли мне в голову при написании "Преддверий". Возможно, такой порядок даст разнообразие и спасет читающего от излишнего утомления.

При написании "Преддверий" я сознательно не заглядывал в ранее написанные мной книги, а также в произведения других авторов. Вследствие этого немало ценного было потеряно. Однако цель настоящей работы — облегчить читающему дальнейшее проникновение в философию. А мое заглядывание во вспомогательные тексты сделало бы "Преддверия" слишком громоздкими, затруднительными для чтения.

Правильнее было бы назвать большинство из приводимых введений **ДОВЕДЕНИЯМИ ДО ФИЛОСОФИИ**. Сами они в основной массе внефилософски, они — всего только беллетристика, именно преддверия к собственно философии.

1. ПРЕДМЕТЫ НАХОДЯТСЯ НЕ ТАМ, ГДЕ ОНИ ВИДЯТСЯ

Почти все знают устройство фотоаппарата и человеческого глаза. Так, уменьшенное перевернутое изображение видимого предмета находится на сетчатке глаза человека. Мозаика электрических потенциалов, иногда напоминающая видимый глазом предмет, есть в мозгу. Тем самым, с точки зрения обычной науки, человек имеет контакт только с двумерными изображениями на слегка вогнутой поверхности. Его так называемое трехмерное виденье — призрачно.

Представьте двумерное изображение объекта на сетчатке глаза или в мозгу, сравните его с тем, что видите. Вот объект для размышлений тем, кто раньше над этим задумывался недостаточно.

Видимый мир вокруг вас — фантомен. Это нормальная иллюзия, мнимое изображение. Естественно, размышлять на тему, что представляет собой окружающий мир "на самом деле", пока еще рано. Изобретение Джотто (способ изображения перспективы на плоскости) легло на заранее подготовленную почву. Подделку объемности, какую нам дает художник, многие миллионы лет уже делало зрение живых существ.

2. ТРАВА НЕ ЗЕЛЕНА

Всякий физик знает: видимые человеком цвета соответствуют различным длинам волн света, различной частоте колебаний световых волн. Сама длина волны света или частота их колебаний никакого цвета не имеет. Цвет — свойство не предмета, а зрения, своего рода знак.

Теперь забудем о физике. Разные живые существа видят одни и те же предметы в разных цветах. Тесты и другие исследования показывают, что коровы видят красные для человека предметы — синими. А для лягушек самый зеленый цвет — это тот, который человеку кажется красным. Были даже поставлены эксперименты, в которых самцы лягушек в брачный период с большей охотой спаривались с красными мыльницами, а не со своими самками.

Вспомним, что многие хищные животные имеют только черно-белое зрение, как, например, собаки.

Среди нас живут дальтоники, которые воспринимают цвета иначе, чем обычные люди. Кто-то заявит, де судить по дальтоникам нельзя, поскольку у дальтоников ненормальное зрение. Тем самым он себя выдаст. Выходит опять, зрение и определяет цвет предметов в соответствии со своим устройством.

3. ИЛЛЮЗИЯ — ВСЁ ТО, ЧТО НАМ ДАНО

Время на самом деле не является временем. Оно — маска иного.

Можно сделать и другие не менее интересные заявления при внимательном рассмотрении следующих довольно известных данных.

При электрическом раздражении височных долей коры головного мозга полностью восстанавливаются прежние, в том числе очень отдаленные во времени восприятия, то есть восстанавливается вся бывшая в некоторый момент обстановка, а сам человек видит себя таким, каким он был в той обстановке, и в течение определенного периода начинает заново отсчитывать время от того момента, в котором оказался. Внешне (то есть для внешних наблюдателей) человек будет пытаться себя вести так, как он вел себя в восстановленной обстановке, иногда довольно карикатурно. Сам же, изнутри себя самого, он будет полностью погружен в восстановленный кусок своего прошлого, будет проходить его заново.

Этот пассаж говорит нам прежде всего: нельзя обманываться всем тем, что мы видим и чувствуем. И о многом другом, о чем следует подумать.

4. О НАИВНЫХ КЛАССИФИКАЦИЯХ И НАИВНОМ РЕАЛИЗМЕ

Мыслителей было принято делить на материалистов и спиритуалистов. Материалисты де главным и первичным считают материю, а спиритуалисты — дух.

Спиритуалисты на поверку оказываются материалистами. Для того чтобы быть материалистом, уже достаточно признать существование материи. Большинство спиритуалистов ее существование признают. А далее они оставляют нам одни декларации. "Где же вы видите материю?" — можно спросить у спиритуалистов. Увы, они покажут на нее руками. А ведь всё, что дано человеку, это психические образы, а не материя.

Материалисты бывают двух родов. Одни, как и спиритуалисты, будут показывать руками, то есть указывать на свою же психику, а не на материю. Другие материалисты откажутся от такой наивности, прибегнут к абстракции, и одну из абстракций или идей назовут материей, то есть отождествят материю и идею и тем самым проявят себя идеалистами, то есть почти теми же спиритуалистами.

5. АБСУРДНОСТЬ ПРЕДМЕТОВ, КОТОРЫЕ МЫ ВИДИМ ВОКРУГ СЕБЯ

"Тела-предметы" никак не могут быть сплошными, а мы видим их сплошными. Мы не видим атомов и молекул, а раз мы не видим атомов и молекул, значит, не видим собственно физическую реальность. Перед нами одни муляжи, подделки.

6. А МОЖЕТ ЛИ БЫТЬ ФИЗИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

Считают, что элементарные частицы объединяются в атом благодаря движениям мезонов. Предположим, это так. В некоторые малые промежутки времени мезоны еще не завершили свои орбиты, а значит, не объединили разрозненные частицы в один атом. Атомов в этот промежуток времени нет, значит, нет и макрообъектов.

Пусть элементарные частицы объединяются в атом не благодаря мезонам, а вследствие иной причины. Но для действия этой причины понадобится определенный промежуток времени, а поэтому в меньший промежуток времени атомы существовать не будут.

7. ПАРАДОКС УРОВНЕЙ

Рассуждение А. Реальный мир — это мир, а не микромир и не гигамир. Это все вместе. Если мы отказываемся от одного — другое как бы заламывается, лишается основания снизу или сверху.

Рассуждение Б. Все вместе быть не может. Микромир не вкладывается в гигамир. Либо одно, либо другое оказывается ложным. (В частности оттого, что макроструктура — это бельмо памяти, в меньшие промежутки времени она исчезает — см. предыдущий пункт.)

Рассуждение В. Аналогичные противоречия возникли бы, рассматривая мы не два, а большее количество уровней.

8. ВЕНТИЛЯТОР

Видимая нами размытая масса, образуемая вращающимися лопастями вентилятора, — это наглядная пародия на все видимые нами предметы. Все видимое будто бы образовано движением...

Макромир, который нам дан, — следствие нашего несовершенства, он ложен. Однако микромир и гигамир также являются ложью, ибо они фактически представляют собой не что иное, как все тот же макромир, только условно перетасованный, видоизмененный. "Миры" субъективное сознание строит чаще всего по образцу наглядного зрительного мира.

9. ВИЗИР

Как отличить среду зрительных представлений от сред интеллектуальных представлений? Среда зрительных представлений существует перед нами, она накладывается на среду обычных зрительных образов, то есть на ту среду, какую мы видим глазами.

Однако во многих случаях все-таки возникает путаница между зрительными и чисто интеллектуальными представлениями. Чтобы этого избежать, нужно изготовить в представлении крестообразный визир и двигать его как по видимым, так и по воображаемым предметам. Сам этот визир зрительен, а не умствен. Соответ-

ственно он может совмещаться с видимыми или представляемыми предметами.

Для совершенствования способностей к интроспекции необходимы различные упражнения с таким визиром. Это, например, попытки постановки визира на близкие и удаленные предметы (в том числе на предметы у горизонта), а также внутрь предметов, на поверхность своего "тела", внутрь "тела".

Знаки неверного подхода к интроспекции: вы смогли вдруг поставить визир внутрь массивных непрозрачных предметов или внутрь своего "тела", например, внутрь головы.

10. ОЗАРЕНИЯ

Сложнее всего описывать интеллектуальные озарения. Проще — те, которые вызваны пейзажами, ландшафтами, искусством. Главное в озарениях не предмет, которым они вызваны, а они сами.

Наиболее известно описание озарения, данное в рассказе Глеба Успенского "Выпрямила". Некоторое общее представление о них можно получить в исповедальных сообщениях Августина, Паскаля, Льва Толстого. Существуют бытовые озарения, именуемые словами "оргазм" и "предчувствие оргазма".

Далеко не все озарения подталкивают мыслительное производство в новую сторону, но многие из них способны на это. Часто озарения истолковываются тем, кто их испытал, ошибочно. Так, мыслительные выводы, сделанные Августином, Паскалем, Толстым были неверны. Этих людей сковала инерция, привычка мыслить по заведомо данному обществом шаблону.

Ощущение кажимости присутствия высшей силы вовсе не означает присутствия высшей силы. Поворот событий к лучшему или худшему вовсе не означает эффективности каких-то ритуальных действий или поступков. Между тем всё это нечто означает. Что именно означает приблизившееся к нам необычное — еще нужно изучать.

И все-таки нас больше интересуют такие особые восприятия, которые могут быть сравнительно воспроизводимыми, могут быть свойственны не только одному человеку, но и достаточно большой группе людей (пусть не всему человечеству).

Характер особых ощущений зависит от психологического типа личности, а вернее, от типа восприятия. Условно можно выделить несколько планов восприятия. На первых планах человеку даются отдельные непосредственные вещи, на следующих — отношения между вещами, мысли, эмоции, на третьих — менее связанные с вещами мысли и более тонкие эмоции. На четвертых — такие мысли и чувства, которые невозможно описать словами и т. д. Мы дали только общую схему, без особых уточнений. Важно то, что для различных типов человеческого восприятия характерны преимущественные сосредоточения на разных планах восприятия. А у отдельных типов людей некоторых дальних или каких-то средних планов восприятия нет вообще: они либо выпали, либо еще не образовались.

Явление многих нетривиальных восприятий или сосредоточенность на них, или их адекватное истолкование для некоторых психотипов невозможны. Только резкие изменения сознания (появление так называемого "измененного сознания") дает здесь какое-то подобие общего знаменателя.

Лев Толстой слишком поздно стал задумываться над мировоззренческими проблемами. В молодости он был великим конформистом, яростным апологетом привычек светского общества, условности которых не понимал. Стремление к подражанию, к поиску объектов подражания у него сохранилось и в позднем возрасте. Размышления о смысле жизни, самостоятельное мышление давались ему с великим трудом, хотя чрезвычайно требовались. Испытывая огромную потребность мыслить, имея порыв к тонкой мыслительной области, именно в ней он испытывал кризис, ибо его сосредоточения были только на ближних планах мышления. Неповоротливые мысли Толстого о дальних планах сознания можно уподобить кирпичам.

Блез Паскаль имел дефекты в ближних эмоциональных планах, а особенно в волевых планах, зато ему легко давались даль-

ние планы мысли и чувств. Мысли Паскаля можно уподобить пуху, который легко взлетает и уносится. Его мысли о высших материях были неуправляемы, спонтанны. Поэтому он не мог отнестись к своим озарениям критически.

Приведем примеры людей, которые могли более или менее преодолевать недостатки своего восприятия. Наиболее легкий случай — Достоевский. От природы он, подобно Диккенсу, обладал очень вязким эпилептоидным мышлением, для него была характерна "умственная жвачка". Однако в отличие от Диккенса Достоевский был не только эпилептоидом, но и эпилептиком. Поэтому время от времени он находился в состоянии "ауры" (здесь этот термин прямым образом относится вначале к области психиатрии и лишь потом к чему-то иному). Во время этого состояния он испытывал не только мистические ощущения. К нему, как ни странно, в этот момент приходили и типично шизофреноидные идеи, компенсирующие текстуальную жвачку, украшающие ее определенными художественными центрами. И наоборот, шизофреноиды Фрейд и Андерсен, сосредоточенные на дальних планах сознания, невольно возвращались к средним планам благодаря массивности и накалу своих интеллектуальных и художественных построений.

Что дают необычные чувства? Считается, они сопровождают вдохновение. Мы утверждаем: сами они гораздо важнее вдохновения. Если обычные человеческие ощущения частны, дифференцированы, структурны, то особые ощущения-чувства общи, почти бесструктурны, тоничны, интегративны. Если структурные ощущения несут информацию, то бесструктурные — феномен ей прямо противоположный, всякую информацию отменяющий. Они как бы глубинная данность — антиинформация, иррациональное. Целая область бесструктурных ощущений делится на положительные и отрицательные (оказываются реактивными). Если обычные ощущения дают смысл-значение, то бесструктурные — сверхсмысл. Сверхсмысл либо отменяет целый пласт смыслов, либо оказывается дорогой к новому их пласту. Кроме того, существует третья область бесструктурных ощущений —

волевые ощущения. Если в структурных ощущениях волевое начало только слабо разлито, почти незаметно, то в собственно бесструктурных ощущениях этой группы оно дается в виде концентрированного импульса. Бесструктурные ощущения могут быть либо смешанными, универсальными, либо четко определенными по области и являться либо реактивными (например, эмоции), либо смысловыми, либо волевыми. Субъекта-психонавта можно сравнить с космонавтом. Структурные ощущения — для него рядовые приборы, дающие косвенный взгляд на мир, а бесструктурные — оказываются прямыми иллюминаторами. Эти иллюминаторы могут быть как ординарными (например, обычные эмоции), так и особыми, надмирными.

11. ГЕРДА И КАЙ

Кроме деления по психологическим типам восприятия есть деление более фундаментальное. Частично в нем суммируются, подытоживаются данные по психотипам. В этом делении есть человек типа "Герда" и человек типа "Кай". У Герды внутренний мир более резко делится на "сознательное" и "неосознанное". Человек типа "Герда" может лгать себе и другим, но ложь им воспринимается как правда; он может совершить так называемый неблагоприятный поступок благодаря избирательным провалам в памяти. Кай — мутация, это новая генерация людей. Совершая неблагоприятный поступок, он сознает его неблагоприятность, прекрасно обходится без защитного забвения. Очевидно, некоторые герои Достоевского — это неудачный проект, малопригодные к реализации, полному воплощению, короткоживущие промежуточные частицы на пути к превращению в каев. Суть заключается не в том, чтобы совершать негативное, но в том, чтобы не прятать при каждом сомнительном случае голову в песок, избегать таким образом мировоззренческих провалов. Нет сомнения в том, что так называемый кристально честный человек является худшим из лгунов. Он по-детски упорно не видит ту свою ложь, которая вполне отчетлива для окружающих. Человек типа "Герда" живет категориями "любит — не любит", склонен видеть во всем бо-

женьку; человек типа "Кай" еще трижды в этом усомнится. Герды во много раз чаще превращаются в алкоголиков и наркоманов, чем кай.

12. СТРАННЫЕ ОБЪЕКТЫ

А. Виденье собственной "души".

Иногда человек в состоянии сна или в другом состоянии, похожем на сон, видит объект похожий на движущуюся шаровую молнию или летящее пламя. В большинстве случаев он отождествляет этот объект с самим собой или с частью себя. Мы не будем никак его обозначать. И все-таки если это плазменное облачко есть центральная часть человека, неизбежны парадоксы, противоречия. Каким образом это облачко видит себя со стороны? Аналогичный вопрос можно задать, если так называемая "центральная часть" имеет форму оставшегося лежать "тела", является как бы фантомом "тела".

Б. Вылетевшая из "тела" центральная часть, независимо от своей облеченности (бесплотное "ничто", "огонек", фантом), может увидеть оставшееся лежать "тело". Спрашивается, каким образом она может его увидеть, если глаза остались в "теле"?

Иногда центральная часть ощущает сама себя, а оставшееся лежать "тело" она воспринимает якобы извне только зрительно как нечто свое-чужое. Каким образом всё это происходит? Или все это — самообман, или — мир устроен вовсе не так, как нам о нем говорят обыденность и наука.

В. Часто представляют, что вылетевший из тела "дух-центр" способен увидеть то, что будто бы неспособно увидеть лежащее тело, например, рассмотреть предметы за ширмой или перегородкой, прочитать предложение в лежащей на столе открытой книге, запомнить номер страницы на ней и др. Какие-то самообманы можно видеть и здесь, но не слишком ли этих самообманов много?

Г. Сообщают о стандартных видениях человека в состоянии клинической смерти (разматывание "клубка" памяти, как киноленты, в обратном порядке; полет через туннель; виденье огненного шарообразного существа и пр.).

Все перечисленное настолько противоречиво, настолько размывается скепсисом, что возникает мысль о мóроке, замаскированном мытарстве. Некие скрытые явления настолько нежелательны для сознания, что оно трансформирует их в те или иные стандартные формы, в некое кино сознания.

Однако мы не занимаемся здесь экстрасенсорикой. Для нас куда важнее дальнейший шаг в наших выводах. Мóроком, трансформацией в таком случае оказывается и все виденное нами в обыденном сознании.

13. САМОМЫШЛЕНИЕ. ОТКАЗ ОТ СТАДНЫХ ВЕРОВАНИЙ

Человек находится во власти различных стадных импульсов и верований.

Приведем описания типичного опыта по исследованию конформизма.

Создают группу из 8 человек, совместно работающих и якобы проходящих тестирование. В действительности тестируется только один человек. Все остальные — "подсадные утки", которые совершают заведомо неверные действия, намеренно неправильно решают задачи. О своих решениях и приемах каждая "подсадная утка" время от времени сообщает вслух или каким-то иным образом оповещает других. Под неявным давлением коллектива человек, над которым производят эксперимент, начинает сомневаться в себе; он меняет свои верные установки и решения на неверные. Надо сказать, что большинство подопытных оказываются конформистами.

Именно на стадном чувстве основаны почти все мировоззрения и религии. Философия несовместима с верой в догматы, сакральные тексты и "внутренний голос". Как показало описание

опыта, люди в массе своей легковерны и не способны к самостоятельному мышлению, то есть самомышлению. Однако самомышление — только начальный, самый легкий этап. За ним следует этап управления своими чувствами, а затем — этап управления своей волей. Всё это требует выхода за пределы органической и стадной инерции, определенной свободы от воле-чувственной индукции со стороны окружающих.

14. ФЕНОМЕНЫ ИЗОЛЯЦИИ

Различные виды изоляции человека от обычного окружения и обычных раздражителей вообще могут привести к интересным результатам. Можно привести в пример необитаемый остров, пещеру, подземелье, башню молчания. Иногда частичной сенсорной депривации достигают путем погружения в ванну с температурой примерно 34 °С (нужен термостат) в темном помещении в условиях звукоизоляции (например, с применением противошумных наушников, затычек-берушей).

В результате подобных экспериментов у человека изменяется чувство времени, а отдельные субъекты при этом предаются беседам с космосом и даже с различными фантастическими существами. В зависимости от образования, воспитания и веры — это могут быть космические пришельцы, ангелы, демоны.

В данной ситуации человек с не критичным мышлением может вообразить себя пророком. Дело здесь заключается не в самих "подарочках свыше", а в их интерпретации. Трезво говорить об измененных состояниях сознания без их критики невозможно.

15. ПРИНЦИП СОМНЕНИЯ

Для начальных и центральных ядер философского изложения не существует науки, в том числе никаких физических, исторических, географических знаний. Подобные знания могут быть использованы только в предварительном тренинге или в приложениях философии. Реже предварительные знания связаны с озадачиванием.

Начиная философствование или размышляя над кардинальными философскими проблемами, всякий мыслящий должен отвлечься от того опыта, который им был накоплен и должен считать его или балластом, или, по крайней мере, относить его к тому, что подлежит обязательной перепроверке, переоценке.

16. ПРЕДОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И ВЕЧНОЕ ПОВТОРЕНИЕ

(Рекомендую дочитать главку до конца)

Всякое предыдущее состояние мира определяет последующее. Следовательно, весьма отдаленное состояние или даже самое первое состояние мира определяет все последующие, в том числе и его последнее состояние, если такое существует.

Речь идет о связи состояние — состояние, а не только о принципе причинности. (Один из вариантов последнего — детерминизм в лапласовском духе.)

Для подавляющего большинства естественнонаучных схем времени мир является предопределенным. Мир будет предопределенным и при наличии в природе индетерминистичных факторов. К тому ведет не просто причинность, а закон достаточного основания. Кроме того, модель четырехмерного пространственно-временного континуума, в которой время заведомо осуществлено, вполне однозначно проводит принцип предопределенности.

Все существующее фатально. Надо заметить, что фатальность не имеет никакого отношения к вопросу о "свободе воли". Антонимом фатального является нефатальное, а антонимом свободы — несвобода. Это разные ряды. Носителем фатальности может быть не только камень, упавший с неба, но и усилия или их отсутствие, действия или их отсутствие, решения самого человека или их отсутствие. Все это — агенты фатальности.

Поскольку бесконечность — только фантастическая идея, и ее реально не существует, число элементарных кирпичиков вселенной, например, кварков ограничено. Число комбинаций этих "кварков", а затем элементарных частиц и так далее тоже ограни-

чено. Следовательно, рано или поздно число комбинаций элементарных кирпичиков будет исчерпано, и появится такое состояние мира, которое прежде уже было. Это преждебывшее состояние мира вызовет то состояние, какое когда-то было за ним. Таким образом, весь мир повторится полностью вплоть до деталей. Для этого не нужно даже исчерпания всех комбинаций его элементов. Достаточно образования той комбинации, какая уже была.

Все перечисленное выглядит очень хорошо и приятно. Осознание того, что всё это хорошо и приятно, доходит далеко не всегда и не до каждого, а потому перечисленные в данном пункте рассуждения — отличный тренинг для выработки философского взгляда на мир, порывания со стихийным обыденным мировоззрением.

В натурфилософских моделях мира получается именно так, как мы описали. От глубинной метафизики эти модели довольно далеки, хотя ей не противоречат. Дело в том, что в метафизической перспективе горизонты натурфилософские меркнут и растворяются. Например, высказывание о том, какой этот мир есть, вполне поглощается высказыванием, что мира не существует. Аналогично обстоит и с вопросом о конечности и бесконечности. Разумеется, мир обыденный и мир, описываемый науками, бесконечным быть не может. Однако для объективного мира, описываемого философией, понятия бесконечности и конечности не имеют никакого смысла, ибо понятия "размер", "длина" и "число" не онтологичны. Они позаимствованы из обыденных и научных полаганий.

17. ДЕЛЕЖ

Не кажется ли вам, что высказывание "Мир был всегда" совершенно абсурдно?

Не кажется ли вам, что высказывание "Мир имеет начало во времени" ничуть не менее абсурдно?

Все это можно пояснить. Говоря о конечности или бесконечности мира, мы фактически говорим не о мире, а о способах его дележа. Наши представления о пространстве и времени уже являются дележом.

18. ОПАСНОСТИ АБСТРАКТНОГО МЫШЛЕНИЯ

Принято считать, что философия оперирует абстракциями, а ее предмет — некие наиболее общие закономерности. Это вовсе не так. К абстрактному вырождению философия пришла, в основном, благодаря немецким мыслителям, а отчасти благодаря афинской философской школе. Однако философия, хотя и несколько сходна с математикой, не должна в нее превращаться. Стереотипное математическое рядоположение представлений пригодно далеко не всегда. Философия не бухгалтерия. Игра в категории, наиболее общие понятия совершенно бесплодна. Если требуется упражнение для ума, то, пожалуйста, можно поиграть в рядоположение терминов, почертить схемы и таблицы, но делать такое занятие главным бесперспективно. Иерархии абстрактных понятий, как бы они ни были стройны, именно в философии никак не корректируются, оказываются оторванными от действительности.

Имея какое-либо философское рассуждение, мы всегда должны представлять конкретную вещь, которая за ним стоит, или хотя бы иметь его соотнесение с нашими видениями и чувствованиями.

Нельзя без какой-либо достаточной причины переносить явление из одной субъективной среды в другую субъективную или отсубъективную среду (созданную на основании субъективного).

Феноменальное не надо делать идеальным. Так, сложность, соединенность, "плюс" в субъективной реальности дается как свершившийся факт. Эта и другие феноменологические операции или отношения не требуют для себя аксиоматического введения. Такое было бы попросту смешно. Иначе говоря, нельзя феноме-

нальное превращать в трансцендентальное. Таковым оно не является.

Наши ошибки в большинстве случаев проистекают не из явлений в субъективных средах, а из неверной интерпретации этих явлений.

19. ЧТО РЕАЛЬНО, ЧТО ИДЕАЛЬНО?

Подлинные противоположности именно — реальное и идеальное, а не материальное и идеальное. Пример реального: всё непосредственно существующее в здесь-теперь-так. Идеальное, в отличие от реального, является фикцией, его нет. Идеальное — это искусственно полагаемое. В силу психологической инерции идеальное могут полагать и стихийно. Реальное существует независимо от того, полагают его или нет. Поскольку оформленная мысль о чем-то определенном предстоит нам в конкретном здесь-теперь, предстоит непосредственно, она является реальной, а не идеальной.

Особенно сложен подход к тому реальному, которое не есть здесь-теперь-так и не дается в сознании настоящего. Выясняется, что это реальное чрезвычайно узко. Для нас его почти нет, невзирая на всю его важность. Отсюда понятно, почему человек и человечество утонули в искусственно-выдуманном мире.

20. ЧЕМ НЕ ДОЛЖНА ЗАНИМАТЬСЯ ФИЛОСОФИЯ?

Областью философии является реальность. Реальное — предмет философии. Поэтому предметы большинства человеческих полаганий находятся за пределами философии.

Учения многих немецких и современных французских философов в основной своей массе выпадают из пределов философии. Их предмет — или абстракции, или различного рода навязанное псевдосуществование. Вырожденными оказались не только абстракции, но и экзистенции. Экзистенции (жизненно-эмоциональ-

ные полагания-творения; у нас это были "родина-мать", "сыра земля", "рай" и др.) превращаются философами в фикции.

21. СОЗНАНИЯ-ВОСПРИЯТИЯ-ОЩУЩЕНИЯ-ЧУВСТВА

С античных времен существует традиция делить субъективные феномены на ощущения, представления, мысли, чувства, считать восприятие более общим феноменом, чем ощущение, а сознание еще более общим. Можно однако задаться вопросом: "Насколько это справедливо?" Какой-то пропасти между всем перечисленным нет. Всё оно родственно.

Перечисленному чужды только идеи. Идеи всегда содержат в себе явный или скрытый абсурд (линия, не имеющая толщины), их заведомо нет, они понарошку. Идеи не являются феноменами, они идеальны. Мысли, чувства, ощущения — феноменальны, реальны, не идеальны.

Возьмем мысли. Мысли есть везде. Большинство мыслей никак не связаны со словами. Если мы видим ветку дерева, то одновременно автоматически осмысливаем это виденье. Видеть что-либо без мысли невозможно, ибо мысль и подает нам то, что мы видим. Подобные мысли, подобные смыслы можно назвать разлитыми, растворенными. Однако есть и концентрированные мысли без слов. Эти мысли относят к предметному мышлению. Они могут выражать отношения между предметами.

Мысль "Взять книгу и перенести ее" может существовать и без книги. Как и где она существует? Она существует в виде импульсов, а если мы оформляем еще эту мысль внутренним произнесением, этих импульсов становится больше. Мы можем даже иметь облако мысли. Мысль незримо присутствует. Пусть она не имеет цвета, определенного размера, она протяженна, иногда расплеснута. У каждого человека мысль выражается весьма индивидуально, но ее сердцевина, ее каркасный смысл — один и тот же во всех явлениях одной и той же мысли. Мысль точна и одновременно приблизительна. Как правило, мы не обращаем никакого внимания на тело мысли, перестаем его замечать. Как мы уже отмечали, телом мысли могут быть не только слова.

Мысль есть восприятие-ощущение смысла. Если бы мысль не воспринималась, не ощущалась, ее бы не было. Аналогично чувства суть также восприятия, ощущения.

Деления феноменов на восприятия и ощущения — нелепая условность. Принято относить слово "ощущение" только к отдельному свойству, качеству. Это неверно. В выделенном виде перед нами нет отдельных свойств, качеств. А речь-то идет о феноменах! Не о физике и химии идет речь! Абстракции здесь не нужны.

Возьмем теперь сознание. Его можно делить на общее и частное. Общее сознание — это совокупность всех феноменов в настоящем локусе времени. Отдельных сознаний — тьмы. Это сознания-ощущения-восприятия. Ничто не может нам казаться видимым, то есть видеться, если оно не осознается. Бессознательных ощущений не существует, что бы ни твердил нам психоанализ. Но и утверждать, что не существует сознаний без памяти (быстро забываемых сознаний) или скрытых сознаний, мы не беремся. Кроме того, нельзя отождествлять слово "раздражение" с любым словом, обозначающим феномен.

22. ПСИХОФИЗИЧЕСКИЙ (ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС)

Предположим, за явление сознания-ощущения ответствен мозг, что он творит его. Однако о самом мозге мы знаем только по сознаниям-ощущениям. Все умозаключения о мозге производятся на основании сознаний-ощущений. Возникает порочный круг.

Кроме того, физические или физиологические процессы не могут быть представлены трансформированными в явление ощущения-осознания, то есть физическое, физиологическое не может благодаря какому-то волшебству вдруг стать сознанием-ощущением. Мы имеем здесь непреодолимый барьер.

Этот парадокс будет более явным, если сосредоточиться на мысли о том, что сознание-ощущение вовсе не идеально, что оно не имеет никакого отношения к "миру идей".

23. ПАРАДОКС ОЦЕНЕННОСТИ

Если мозг и сознание действительно существуют, то кроме обычного психофизиологического парадокса они дают и парадокс оцененности.

Для человека есть плюсы и минусы, его сознание поляризовано, одно для него хорошо, другое — плохо. Однако умознанию или сознанию-ощущению (боль, радость) совершенно всё равно, имеет ли оно дело с "плюсом" или "минусом". (Чтобы вполне это понять и надо быть философом! Ведь приятное и неприятное — всего лишь знаки, праязык!) Предполагается, ценности сознания — это трансформированные ценности организма, видоизмененные инстинкты. Однако организм функционирует в соответствии с принципами равновесия, гомеостазом. Plusов и минусов для организма нет: смерть так смерть, жизнь так жизнь — все машиноподобно. Гомеостаз организма сталкивает причину оцененности на сознание, а сознание — на гомеостаз.

Мы заостряем внимание на самом парадоксе, но не на предположительных докапываниях до чего-либо, до разности этнических установок. Для разных народов, разных мировоззрений смерть и жизнь оцениваются по-разному. Возьмем иные примеры: эстетическую ценность или ценность особого реактивного ощущения (таинственность, очарованность, грандиозность). Второй пример (собственно реактивное ощущение) даже удобнее, он менее относителен. Отношение субъективное сознание — организм здесь как бы подменяется отношением субъективное сознание — мир. Парадокса можно избежать только тогда, когда окажется, что мир этот — вовсе не мир естественных и точных наук, что это не мир философии природы (натурфилософии).

24. ГДЕ НАХОДИТСЯ МНОГОСТРАНИЧНЫЙ ТЕКСТ?

Действительно, где находится текст? Получается, что нигде не находится. Было бы наивно отождествлять его с непосредственным восприятием пары строчек или страниц. Еще более нелепо видеть его где-то среди воображаемых физикой протонов и электронов. И трижды нелепо засовывать текст в нечто абсолютное.

А сгущенные реальные представления (интенции) уже по определению не могут быть текстом, ибо текст несгущен.

Текста нет. Он — рядовая фикция.

Подумайте о том, что вы считаете текстом на самом деле. Вы просто берете свои частичные восприятия и продолжаете их. Но ведь в действительности они не сложены и никуда не продолжены. Какое-то искусственное продолжение частичных восприятий текстуального абсурдно. Этот путь никуда не ведет.

25. ВИТГЕНШТЕЙН — ВОВСЕ НЕ ВИТГЕНШТЕЙН

("Он не Витгенштейн" говорят о человеке, уму которого очень далеко до Витгенштейна.)

Так вот, Витгенштейн вовсе не Витгенштейн. Философия языка, а особенно философия языка Витгенштейна парит в вакууме. Фразы Витгенштейна похожи на силлогизмы из учебника формальной логики. Но ведь философия — это не учебник и не формальная логика! А никакого последовательного мостика к своим фразам Витгенштейн не дает. Кроме того, он ничего не говорит о материале, из которого сделаны его слова и мысли.

Особую оригинальность Витгенштейна видят в том, что он отождествил логическое "истинно" и "ложно" с философской истиной и ложью. Но зачем это нужно? Средство, орудие здесь превращено в цель. Кроме того, неклассических логик — тьмы. Эти

логики могут быть многозначны (то есть не обязательно сводиться к утверждениям "истинно" и "ложно").

26. ПАРАДОКС НИЧТО

Представим треугольник Фреге: сам предмет (денотат, десигнат, означаемое), смысл (значение, которое мы имеем) и знак (письменный, устный и др.). Например, мы можем иметь страх, а также смысл и знак слова "страх".

Теперь поговорим о ничто. Денотат ничто есть ничто, а значит, он есть. Получается, что ничто существует. Увы, неформальная и неабстрактная тонкость этого вопроса доходит не до всех.

27. ЗА ФРЕГЕ

Возьмем слово "солнце". Треугольника здесь уже не получается. Казалось бы, мы имеем солнце на небе, смысл и знак слова "солнце", но солнце на небе — это образ в нашем восприятии, а где тогда астрономическое солнце? Тем самым треугольник превращается в какой-то кривой четырехугольник. А ведь кроме астрономического солнца есть еще и обывательское практическое солнце, которое будто бы есть, да вот только на небе его не всегда увидишь, а вернее, не увидишь никогда.

28. СОСЕДСТВО ТОЧЕК. НЕМАТЕМАТИЧЕСКОЕ СОСРЕДОТОЧЕНИЕ НА ПРЯМОЙ

Пусть существует прямая, и пусть на ней существуют точки. Сможем ли мы поставить две точки рядом на прямую или найти на ней две соседние точки? Поскольку точки не имеют длины, то есть имеют длину равную нулю, две точки всегда будут иметь промежуток между собой или сольются в одну точку.

29. НЕСУЩЕСТВОВАНИЕ ГЕОМЕТРИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

(Самоуничтожение точки,
плоскости, параллелепипеда...)

Точка равна нулю, ее нет, но тогда нет и плоскости, поскольку ее толщина равна нулю. В таком случае нет никаких геометрических фигур.

30. ДЛЯ ФИЛОСОФИИ НЕТ ССЫЛОК

Центральные части, главные положения философии, в отличие от приложений, введений, иллюстраций, действительно не должны их иметь. Они имеют отношение только к своему предмету, к своим стихиям.

31. ПАРАДОКС "СТРЕЛА"

Приводится не в качестве логического или математического парадокса.

Читатель сам должен сделать выводы, причем не о парадоксе, а об устройстве мира. Если читатель все же сомневается в этом парадоксе, то пусть он предположит, что он верен. Что будет следовать из его верности?

Летающая стрела неподвижна, так как в каждый момент времени занимает определенное равное себе место, то есть покоится. Если она неподвижна в каждый из моментов времени, то она неподвижна вообще.

Есть головоломки, а есть мироломки. Вот мироломка менее фундаментальная, чем приведенная зеноновская, но гораздо более авторитетная: "В современной физике скорости электромагнитных полей не складываются". Если два поля движутся навстречу друг другу, то они сближаются с той же скоростью, как

если бы двигалось только одно из них. Подобные суждения разрушают все попытки натурального взгляда на вещи.

32. ЧЕМ ФИЛОСОФИЯ ХУЖЕ МАТЕМАТИКИ?

Для эффективного штурма учебника по математике может понадобиться полгода. Почему же тогда ныне считают, что для прочтения книги по философии достаточно одного вечера? Изучение философии можно сравнить и с изучением китайского языка. Следует заметить, что большинство людей не способны изучать математику или китайский язык самостоятельно. А ведь для изучения этих дисциплин существуют учебники.

Учебник по философии еще никем не написан.

33. УЧЕБНИК ПО ФИЛОСОФИИ ЕЩЕ НИКЕМ НЕ НАПИСАН

Эта фраза — проверка. Ее можно счесть за вопрос-коан, то есть за дзен-вопрос. Тот, кто заявит: "Учебники по философии есть, они продаются в магазинах", — тот явно не созрел. А ведь гораздо более сложные вопросы часто не нуждаются в пояснениях.

Если вы все-таки не поняли эту фразу, сочтите ее за домашнее задание.

34. ДРУГОЕ?

Еще одно домашнее задание.

Задайте себе вопрос: "Является ли философия наукой?" А может быть, она — искусство? А может быть, ни то, ни другое? Или совсем другое?

35. ФИЛОСОВЕДИНИЕ

Есть художники, а есть историки искусства, есть художники, а есть искусствоведы. Большинство так называемых философов

не владеют собственно философствованием. На самом деле это — философоведы (точнее говоря, философияеведы). Уже давно пора изобрести специальную науку и назвать ее философоведением. Тогда многое стало бы наглядным.

36. НЕ ЗНАЮЩИЙ ГЕОМЕТРИИ

"Да не войдет сюда всяк не знающий геометрии", — гласила надпись на стене Платоновской академии. Изучающий философию должен владеть хотя бы одним современным ему точным знанием, в том числе практическим.

37. ФИЛОСОФИЯ НЕГУМАНИТАРНА

Центральные области философии действительно негуманитарны. Они несколько сходны с математикой.

Философию нельзя подменить источниковедением, текстове­дением или литературоведением.

38. КОГДА ЗАКОНЧИТСЯ МАРКСИЗМ?

Речь идет о философии в России. Марксизм (1) здесь закон­чится, видимо, очень нескоро. Марксисты продолжают обучать марксистов, штамповать их. Преподаватели философии почти ничего, кроме марксизма, не знают. Они только убрали наиболее смешные и абсурдные лозунги, но в своей сердцевине остались марксистами. Выпускники вузов, став преподавателями, будут, того не сознавая, продолжать марксизм в неявной форме. Нового философского парохода никто не подаст. Сегодняшнее положение вещей в чем-то лучше, а в чем-то хуже того, что сложилось после 1917 года. Хуже, в частности, потому, что место ЦК КПСС неисповедимыми путями заняло самодеятельное, домашнее сектантство, повсеместно насаждаемое смешение философии с бого­словием (2). Не исключено, философы в России опять исчезнут, а религиозные мыслители начнут штамповать религиозных мыслителей. Наше время похоже на средневековье. Одной из религий

является, в частности, постструктурализм (3). Если Европу он особо не обременяет, то для философии в России он играет роль третьей свиньи. Название этой главки так и хочется переименовать в "Когда закончится маразм?".

39. А БЫЛА ЛИ МЕТАФИЗИКА?

Многие современные мыслители почитают за честь отречься от "всякой метафизики". Никакой оригинальности в этом нет. Все только и делают, что отрещиваются. Но ведь и Кант отрещивался. Увидеть какую-либо метафизику в бухгалтерии немецких философов невозможно. Их спекуляции так же далеки от метафизики, как и современные. Декарт и Юм не были склонны к метафизике. В метафизических утверждениях можно обвинить разве что Спинозу и теологов. Этого очень мало. Называть метафизикой натурфилософию Нового времени, то есть философию природы или философию науки смешно. Эта натурфилософия до такого ранга не доросла. А говорить, что метафизиком был Аристотель или еще кто-то из древних, просто стыдно.

40. ОТКУДА ВЗЯЛАСЬ МЫСЛЬ НАПИСАТЬ КНИГУ "БУКВЫ ФИЛОСОФИИ"?

Гораздо лучше изучать чужую философию, чем создавать собственную. Действительно, зачем тратить усилия? Тем более, автора больше интересовали совсем другие проблемы. К сожалению, никакой чужой философии найти не удалось. В своих книгах большие и малые философы говорили о чем угодно, но только не о философских предметах. Автор понял, что в философию идут люди, наименее к ней способные и желающие как-то компенсировать в себе этот недостаток. В лучшем случае это гениальные чудаки. Подобно Гегелю или Хайдеггеру, они творят отлогическое или отчувственное лжебытие (мнимое бытие, бытие-понарошку) и используют его в качестве ветхого шалашика для своей мысли. Так было не всегда. Настоящих философов можно

было найти до времени Сократа и Платона⁴⁷. Неожиданно в Европе появлялись философы и позже. Например, Декарт, Беркли, Юм. Однако и у "хороших" философов можно найти немало путаницы, происходящей, надо сказать, не от них самих, а от традиции. Путаница традиции — это прежде всего невѣденье. В отличие от науки, философия и традиция почти несовместимы — слишком легко философские направления превращаются в своеобразную религию. Философам, в отличие от ученых, очень редко удается существенно корректировать и поправлять друг друга.

Однако недовольство философами, традицией и опыты по сочинению философских эссе еще не дают необходимого краеугольного звена. Одно такое звено автор нашел, когда увидел необходимость введения в философию принципа сред. Нахождение для явления той или иной среды значительно упрощает выяснение статуса его реальности. Другое краеугольное звено оказалось возможным открыть при анализе психологии восприятия искусства, обнаружении особых ощущений.

© Акулов А. С. Преддверия философии. 2001

⁴⁷ Можно ли называть второй навигацией (и вообще навигацией) игру в жмурки с трансцендентным (то есть с объективным умопостигаемым)? Это вопрос, но само признание наличия "сверхчувственного" начала, важнее каких-либо прямых операций с ним. Прегрешение Платона в приписывании реальности не уму, а разуму, идеальному, в частности тому, что позже назовут трансцендентальным.

Содержание

1. ИЗ КНИГИ "КУДРИ-МУДРЫ"	7
1.1 Есть ли сущность у феноменов?.....	7
1.2 Ошибки Н. Гартмана.....	13
1.3 Лукавый Хайдеггер.....	31
1.4 Теоретические aberrации Ж.-П. Сартра.....	73
1.5 Сильные и слабые места книги Брикмона и Сокала "Интеллектуальные уловки"	35
1.6 Постскрипtum к предыдущей статье.....	42
1.7 Конфузы истории философии.....	54
1.8 Катастрофа с Фридрихом Шеллингом.....	169
1.9 Гегелевская духология.....	178
2. ИЗ КНИГИ "ПРОСТОЕ И СЛОЖНОЕ".....	183
Утешение.....	183
Опять эта онтология.....	185
О термине "сущее".....	190
Материя как порочное и бессмысленное понятие.....	193
Рассуждение о методе и голых королях.....	196
Когда умрет недофи?.....	199
Границы метафизической онтологии.....	203
Фюсис.....	209
Психикос.....	210
Мировоззренческая рефлексия как стереотипная ложь	214
Проблема близкого далекого.....	223
Границы феноменов.....	228
Гиперсофия.....	228
Смутный Род.....	230
Индифферентность воли.....	232
Искусственный дивлект.....	234
Человек как расходный материал.....	237
Добрё и злѐ.....	239
Квазиконцепции.....	241
Иллюзии.....	242
Недостаточность в основаниях науки.....	244
Память.....	246

Бардо и прочее.....	249
О неправильном термине "осознаваемые сновидения" и некоторое дополнительное наблюдение.....	252

3. КОНТРОКОНЦЕПТЫ К КОНЦЕПЦИЯМ,

61 пункт.....	256
1. Катавасия с восприятием.....	256
2. Катавасия с материей.....	258
3. Движение-изменение в бесструктурном.....	259
4. А есть ли "окружающий мир".....	260
5. Мышление и чувство.....	260
6. Опыт. Данные опыта.....	261
7. Фикции личности, персоны, [я], рефлексии.....	261
8. Закон исключенного третьего.....	262
9. Дополнения к дефиниции субстанции.....	262
10. "Закон природы".....	262
11. Текст.....	263
12. Идеальное.....	263
13. Перескок вероятностей и перескок перескоков в связи с завернутостью сознания.....	264
14. Диалектика. Диалектический.....	266
15. Тщета натурфилософии и прочего.....	267
16. Нелепость идеи бесконечного.....	268
17. Страсть к метафорам, гиперболам.....	270
18. Мыльный пузырь трансцендентализма.....	271
19. Воля не есть хотение и намерение.....	272
20. "Душа и тело".....	273
21. Время.....	275
22. Холизм и холотропные состояния.....	277
23. Эксперимент и гносеология.....	280
24. "Добро и зло".....	280
25. Без названия.....	281
26. Манекен истории.....	283
27. Искусственные категории.....	284
28. Красота и прекрасное.....	284
29. Фантомы поглощенности.....	285
30. "Интенциональность сознания".....	286
31. Опять "личность".....	287

32. "Предмет".....	287
33. Миф о бессознательном.....	288
34. Универсальный протокол.....	289
35. "Научное описание реальности".....	289
36. Великая мелкая пакость.....	290
37. Реальность кажущаяся и действительная.....	291
38. Протяженность и бытие.....	291
39. Проскоки теологии.....	293
40. Статус соотношений.....	294
41. "Организмы".....	295
42. "Постулат Бергсона".....	295
43. Механика в метафизическом?.....	296
44. Символика реальности.....	297
45. Экспландум и экспланс.....	298
46. Итовость именованья.....	298
47. Проблемы субъективного действия.....	299
48. Бытие-в-мире?.....	300
49. Зияния аксиологии.....	302
50. Призрак идеализма.....	303
51. Нули-понятия.....	304
52. Вербальное мышление.....	305
53. Факультет.....	306
54. Об интроспекции.....	307
55. Скучность онтологии.....	307
56. Примазывание науки.....	308
57. Иррациональное и до него.....	308
58. Неисторическая промежуточность.....	309
59. "Органы чувств".....	309
60. Клубок пересечений.....	310
61. Эпохе.....	311

ПРИЛОЖЕНИЕ:

ПРЕДДВЕРИЯ ФИЛОСОФИИ, 40 пунктов

(Для тех, кто не воспринял "Контрконцепты") 312

Некоторые произведения Александра Акулова

1. Сверхкраткий философский словарь. Краткое изложение книги "Буквы философии". СПб.: МиР, 1999.
2. Сюр (Метафизика, стихотворения, проза). СПб.: МиР, 1999
3. Послание вундерменам. Проза. СПб.: Борей Арт, 2003, 2010.
4. В поисках беспредметного. Шесть книг стихотворений с приложением статей о поэзии. СПб.: АБ-Лайн, 2016.
5. Скважина. Статьи по литературной критике, культурологии, философии. СПб. Библ. журн. "Невский альманах", 2009.
6. Плазма. Проза для высоколобых. Третье издание. СПб.: Печатный элемент, 2022.
7. Камень от входа, или Попытка мощи. Литературная критика, введения в философию. Торонто: Altaspera, 2017.
8. Буквы философии. Т. 1. СПб.: Изд-во Буковского, 2001; Т. 2 СПб.: Золотая книга, 2003. Третье издание. СПб.: "Сборка", 2017.

Философские работы

(Не предназначены для постмарксистов)

Акулов А. С. Ключевая философия и её окрестность. —
СПб.: ИПК "Сборка", 2023. — 344 с.

ISBN 978-5-86263-076-31

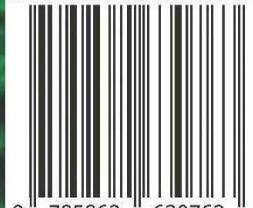
ISBN 978-5-86263-076-31

9 785862 630763

Цифровая печать 12.07.2023.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Усл. п. л. 21. Зак. № 7-29.
Типография "Сборка". 192007, Санкт-Петербург,
наб. Обводного канала, д. 64, корп. 2. Тел.: +7 (812) 642 43 44,
e-mail: info@sborka.spb.ru

ISBN 978-5-86263-076-31

9 785862 630763